

Вестник

*Московского государственного
областного университета*

**Серия
“Философские науки”**

№ 1

Москва
Издательство МГОУ
2007

**Вестник
Московского государственного
областного университета**

Научный журнал основан в 1998 году

Редакционно-издательский совет:

Пасечник В.В. - председатель, доктор педагогических наук, профессор
Дембицкий С.Г. - зам. председателя, первый проректор, проректор по учебной работе,
доктор экономических наук, профессор
Коничев А.С. - доктор химических наук, профессор
Лекант П.А. - доктор филологических наук, профессор
Макеев С.В. - директор издательства, кандидат философских наук, доцент
Пусько В.С. - доктор философских наук, профессор
Яламов Ю.И. - проректор по научной работе и международному сотрудничеству,
доктор физико-математических наук, профессор

Редакционная коллегия серии «Философские науки»:

Дырин А.И. - доктор философских наук, профессор (ответственный редактор)
Ярославцева Г.В. - кандидат педагогических наук, доцент (ответственный секретарь)
Демина Л.А. - кандидат философских наук, доцент
Загребин М.В. - кандидат философских наук, доцент
Огородников Ю.А. - доктор философских наук, профессор
Песоцкий В.А. - кандидат философских наук, доцент
Карпова Н.П. - кандидат философских наук, доцент
Ям К.Е. - доктор философских наук, профессор

Вестник МГОУ. Серия «Философские науки». - № 1. - 2007. Выпуск в серии №6. - М.: Изд-во МГОУ. - 116 с.

Вестник МГОУ (все его серии) является рецензируемым и подписным изданием, предназначенным для публикации научных статей докторантов, а также аспирантов и соискателей (См.: Бюллетень ВАК №4 за 2005 г., С.5).

Подписной индекс серии «Философские науки» Вестника МГОУ - 36759 (см. Дополнение №1 к Каталогу «Газеты. Журналы», 2007, второе полугодие, Агентство «Роспечать»).

ISBN 978-5-7017-1039-7

© МГОУ, 2007

© Издательство МГОУ, 2007

Уведомление ответственного редактора
серии «Философские науки» Вестника МГОУ

С 1997 года в Московском государственном областном университете (до апреля 2002 г. – Московский педагогический университет, до этого МОПИ им. Н.К. Крупской) было начато издание сборников научных трудов ученых кафедры философии и других структур вуза под единым названием «**Вопросы философии**», которые вскоре стали продолжающимся изданием. В нем публиковали результаты своего научного поиска также соискатели, аспиранты, докторанты, кандидаты и доктора наук других вузов России и зарубежных стран.

За период 1998-2002 годов в 16ти выпусках сборника было опубликовано около 250 научных статей, в том числе – более 80 научных работ докторантов и докторов наук, профессоров. Разумеется, не все эти публикации были публикациями по вопросам, относящимся строго к философии или даже – к философским наукам. Некоторые статьи охватывали философскую проблематику конкретных наук и прежде всего наук гуманитарного и социальноэкономического циклов. Другими словами, очень многие статьи касались вопросов философии науки и образования или специально им посвящались.

Именно в связи с таким основным содержанием вышедших сборников, а также в связи с тем обстоятельством, что все соискатели и аспиранты с мая 2006 г. сдают кандидатский экзамен по *истории и философии науки* все номера Сборников за 2003-2005 годы были изданы под новым наименованием – «**Вопросы философии науки и образования**» (Вышли №№17-20). Периодически такие сборники будут выходить и дальше. Однако теперь (с 2005 года) это будут и периодические (продолжающиеся) выпуски серии «**Философские науки**» (наряду с рядом других серий) журнала Московского государственного областного университета – «**Вестник МГОУ**». В 2005г. вышел один, первый № (выпуск) серии «Философские науки», в 2006г. вышли второй, третий, четвертый и пятый номера этой серии. И так – по 3-4 номера ежегодно.

Правила подготовки научных статей и условия их опубликования в выпусках серий «Вестника МГОУ», осуществляемых Издательством МГОУ, воспроизводятся ниже.

Правила для авторов статей

Для публикации в выпусках серий научных работ «**Вестника МГОУ**» принимаются статьи на русском языке. При этом публикуются научные материалы преимущественно докторантов, аспирантов, соискателей, преподавателей вузов, докторов и кандидатов наук. Объем статьи не ограничен. Однако рекомендуемый объем 0,5-1 п.л. (12-24 листов А4).

Тексты должны быть представлены в виде файла на дискете (3,5 дюйма), набранного с использованием редактора Win Word 6.0 или 7.0 и на бумажном носителе формата А4 (210x297) в 2х экземплярах. *Дискета должна быть новой или проверенной на вирусы и раскрываться!* Маркировка дискеты должна содержать Ф.И.О. автора и название статьи.

Текст статьи должен быть набран через 1,5 интервала (гарнитура «Times New Roman», кегль 14). Напечатанный текст должен иметь поля: верхнее и левое – 2,5 см, правое и нижнее – 2 см. Отступы в начале абзаца – 5 символов. Литература размещается в конце статьи с цифровыми ссылками на нее в тексте. После литературы помещается краткая аннотация - 1-2 абзаца (но не более одного листа А4) на русском языке и одном из иностранных. Фамилия и инициалы автора (п/ж, кегель 14) в пра-

вом верхнем углу, ниже сведения об авторе (курсивом, кегель 14): название учреждения, где работает автор, должность, ученая степень, ученое звание; ниже в центре название статьи (п/ж, кегель 14), далее текст без разбивки на страницы. Страницы бумажного носителя нумеруются от руки простым карандашом. Дискеты не возвращаются (почтовой пересылкой).

Обращаем особое внимание на *точность библиографического оформления* произведений печати в «Примечаниях» (литература в конце текста) - кегель 14, междустрочный интервал 1,5; на *выверенность статей* в компьютерных наборах и *полное соответствие* файла на дискете (диске) и бумажного варианта!

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей, хотя с точки зрения научного содержания авторский вариант сохраняется. Статьи, не соответствующие указанным Правилам, решением редакционной коллегии серии не публикуются и не возвращаются (почтовой пересылкой). Обращаем поэтому внимание авторов статей на полное и точное следование этим Правилам.

Образец оформления первой страницы статьи:

*Иванов И.И.,
Московский государственный областной университет,
доцент кафедры философии,
кандидат философских наук, доцент*

Ноосферный анализ общества

Текст статьи.....

Стоимость публикации зависит от количества страниц в статье. В стоимость входит публикация статьи в Вестнике и один экземпляр журнала, а также оплата авторами, организуемого редколлегией серии, *независимого рецензирования* статей. Условием опубликования принимаемых статей с 2007 года является также подписка на соответствующую серию Вестника МГОУ через агенство «Роспечать». За дополнительную плату можно заказать (до печатания тиража) необходимое число экземпляров журнала (или – при их наличии - приобрести в Издательстве МГОУ).

Ответственный редактор серии «Философские науки» – заведующий кафедрой философии МГОУ, доктор философских наук, профессор Дырин Анатолий Иванович.

Адрес редколлегии серии «ФН» «Вестника МГОУ»: 105005, г. Москва, ул. Радио, д.10а, МГОУ, комн. 122 (кафедра философии). Телефон 8(495) 261-13-80, а также 8(495) 223-31-76, доб. 1482. Электронный адрес: Dyrin@mail.ru

Эти же адреса и телефоны следует использовать и при направлении статей в выпуски Сборников «Вопросы философии науки и образования».

В «Вестнике МГОУ» (всех его сериях), как и в вышеуказанных выпусках Сборников «Вопросы философии науки и образования» публикуются статьи не только работников МГОУ, но и других научных и образовательных учреждений России и зарубежных стран.

РАЗДЕЛ 1.
ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ И
ФИЛОСОФСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ СОЦИОГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Бааль Н.Б.,
кандидат политических наук,
научный сотрудник ВНИИ МВД России

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЭКСТРЕМИЗМ
КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН И ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Проблемы изучения политического экстремизма и терроризма продолжают оставаться актуальными в современной зарубежной и отечественной науке. Поскольку активизация политического экстремизма в настоящее время представляет серьезную опасность для российского общества, прежде всего методами системного познания, как явление, требующее общественного: правового, административно-управленческого и социокультурного противодействия. Социальная профилактика экстремизма невозможна без изучения его общественной и психологической природы, предпосылок, детерминант и специфических черт развития разных регионов, движениях, различных общественных, политических, этнических, конфессиональных и демографических группах, исследования факторов, препятствующих его росту и распространению.

В данной статье рассматривается социальная природа политического экстремизма и терроризма во взаимодействии объективных (экономических, социальных) и субъективных (психологических, национальных, возрастных, мировоззренческих) факторов, подвергаются анализу идеология политического экстремизма, внешние и внутренние факторы экспансии радикализма в современном мире. Автор ставит своей задачей уточнить аргументы ведущих исследователей в области террорологии, выделить основные модели интерпретации экстремизма в российской и западной социологии и политологии и попытаться внести собственный вклад в изучение этого феномена. Статья базируется на обширном комплексе материалов, извлеченных из исследований и публикаций отечественных и зарубежных авторов.

Особенное значение проблема политического экстремизма имеет для политической жизни российского общества, в котором экстремистские идеи и действия традиционно играют большую роль. Политический экстремизм – неизменный спутник российской истории: и во времена самодержавного деспотизма, и в советский период, и на современном этапе существенное место в политическом процессе занимали и занимают экстремистские партии и движения, настроения и действия. В материалах международного симпозиума в Москве отмечалось, что наша страна не ушла от прошлого экстремистского типа развития, но за 1990-е годы дополнительно закрепились на нем, и этот путь будет постоянно востребовать радикализм: политический, идейный, конфессиональный, националистический и др..

Политический экстремизм анализировали с различных позиций и подходов, как на уровне самой политической науки, так и на транснаучном уровне. Поскольку рамки настоящей работы не позволяют дать настоящий анализ истоков политического экстремизма и вскрыть механизмы его возникновения на разных точках исторической и географической системы координат, отметим лишь то, что во-первых,

политический экстремизм не вызывается одной единственной причиной, а связан с целым их комплексом; во-вторых, в большинстве случаев корни этого явления находятся не на патологии психологических реакций конкретных людей, а в глубоких латентных и явных социальных, экономических и политических недугах. Политический экстремизм в большей степени вызывается социальными причинами, противоположностью интересов и стремлений не отдельных индивидов, а различных общественных групп.

Если мы отвлечемся от современных, привычных для конца XX века проявлений политически мотивированного насилия, то вынуждены сделать вывод о том, что экстремизм известен человечеству с древних времен, с той поры, когда власть над другими людьми стала приносить определенные материальные выгоды и превратился в этой связи в предмет вождельний отдельных особей, стремившихся достичь заведомые цели любыми путями. При этом их не останавливали моральные барьеры, традиции, общепринятые правила поведения, интересы других людей. Цель оправдывала средства, и лица, жаждущие власти, не останавливались перед применением самых жестоких и крайних мер, включая устранение, открытое насилие, убийства, теракты.

Политический экстремизм как социально-политическое явление общественной жизни относится к наиболее неоднозначным и многоплановым проблемам в современной политологии и политической социологии. В последние годы активно проходят научные дебаты относительно его сущности и содержания, связи с другими явлениями общественной жизни. Анализ имеющихся публикаций показывает, что специальные работы, посвященные непосредственно политическому экстремизму, весьма немногочисленны, данное явление еще не стало предметом комплексного научного осмысления. Зарубежные исследователи, занимавшиеся проблемой политического экстремизма, отмечают большие трудности, связанные с выработкой его адекватного теоретического определения, объясняя это, во-первых, сложностью феномена политического экстремизма, его исторической изменчивостью и многовариантностью, во-вторых, идеологической насыщенностью, определенной тенденциозностью и идейно-политической ангажированностью в трактовке этого понятия, в-третьих, присутствием нравственного критерия, морального компонента, что дает каждому исследователю право на собственное этическое истолкование фактов политической жизни.

В западной литературе фундаментально представлены общеметодологические проблемы терроризма и экстремизма в трудах Дж. Белла, Б. Дженкинса, Ч. Добсона, У. Лакера, Д. Карлтона, Р. Рейна, А. Кота и др.. Рядом отечественных исследователей, начиная с 1970-х годов предпринимались усилия изучения политического экстремизма как политического феномена, идеологии и практики оппозиционных движений и контркультур 60-х годов в западных странах. В публикациях Э. Баталова, К. Мяло, А. Грачева, В. Витюка, С. Эфинова и Б. Бессонова представлен анализ основных признаков, сущностных черт, разновидностей левого и правого экстремизма. В 1990-е годы с позиции методологии системного подхода рассмотрены истоки, субъекты, идеологии, формы и основные направления и тенденции развития политического экстремизма в мировом сообществе и в современной России в работах А. Верховского, А. Паппа, В. Прибыловского, Ю. Авдеева, Н. Романова, Н. Афанасьева и др. Элементы политического, социопсихологического и социокультурных подходов соединены в обстоятельном анализе факторов распространения экстремизма и терроризма в многочисленных публикациях В. Тишкова, В.

Ольшанского, Л. Дробижевой, Э. Пайна, В. Жукова и др. (некоторые исследователи предлагают различные типологии политического экстремизма, выделяют его конкретные формы, области распространения, субъекты экстремистской деятельности). Но, несмотря на обилие публикаций, многие аспекты этого феномена остаются дискуссионными.

В философской и политической литературе отсутствует общепринятое определение политического экстремизма. Как отмечается в научных исследованиях, под вывеской политического экстремизма зачастую смешиваются разнородные явления: от разнообразных форм классово-освободительной борьбы, сопровождающейся применением политического насилия, до преступлений, совершаемых безответственными полууголовными элементами, политическими проходимцами, наемными агентами и провокаторами. Политический экстремизм часто понимается и как специфическая линия в политике, отвергающая компромиссы с противодействующей стороной и отражающая наиболее агрессивные установки субъекта, и как разновидность существующих политических течений, находящихся на крайне левых или крайне правых политических позициях, и как метод политической борьбы, отвергающий сотрудничество с политическими оппонентами или противниками, и как негативный социальный протест, развивающийся на различных уровнях — общество, классы, отдельные общественные слои, этнонациональные и профессиональные группы.

В связи с многообразием толкования, некоторые исследователи предлагают рассматривать понятие «политический экстремизм» в узком и широком смыслах слова.

Узкая трактовка политического экстремизма означает незаконную деятельность политических партий и движений, а также должностных лиц и рядовых граждан, направленную на насильственное изменение существующего государственного строя и на разжигание национальной и социальной вражды.

Широкий смысл понятия политического экстремизма состоит в его характеристике как всеохватывающего, исторически меняющегося социально-политического явления, представляющего систему организаций, идеологических положений и установок, а также практических действий политически активных индивидов, общественных групп, властвующих элит и контрэлит, для которых характерным является использование насилия или угрозы его применения по отношению к органам государственной власти и управления, обществу в целом, международным и национальным организациям, отдельным гражданам, населению страны.

Как отмечается в научных исследованиях, расширенное толкование политического экстремизма включает его проявления во всех сферах общественной жизни: в сфере экономических отношений — экономический экстремизм — направлен на уничтожение многообразия и установление какой-либо одной формы собственности, единых методов ведения хозяйства, устранение конкуренции в предпринимательской деятельности путем криминальных насильственных действий преступных групп, оказания давления, устрашения, бандитских нападений на конкурентов и т.д. В сфере межнациональных отношений — националистический экстремизм выражается в утверждении превосходства и исключительности определенной нации или расы и направлен на разжигание национальной нетерпимости, обоснование дискриминации в отношении представителей иных народов. В области культуры — экстремизм, ориентированный на изоляционизм, отвержение опыта, достижений других культур, проявляется в пропаганде насилия, жестокости, уничтожении исторических памятников, являющихся национальным достоянием и других крайних действиях, которые отрицательно сказываются на процессе воспитания, обра-

зования, уровне культуры российских граждан. В области религиозных отношений – религиозный экстремизм – проявляется в нетерпимости к представителям различных конфессий и используется в борьбе религиозных организаций против светского государства или в политических целях за утверждение власти представителей одной из конфессий. В области экологических отношений – экстремизм выступает против эффективной государственной правоохранительной политики, против научно-технического прогресса вообще, считая, что ликвидация неблагоприятных в экологическом отношении производств – единственно возможный путь улучшения качества окружающей среды.

Вместе с тем политический экстремизм отличается от других форм проявлений (национальный и религиозный) тем, что его основными составляющими элементами выступают объекты политической деятельности; сама политическая деятельность, целеориентированная на достижение публичной власти, а также предметное конфликтное основание, предполагающее конкуренцию политических интересов различных этнонациональных и социокультурных групп. При этом способы достижения поставленных целей как средство разрешения конфликтов могут иметь и насильственный характер.

В научной литературе выделяют следующие характерные устойчивые признаки политического экстремизма:

- политическая направленность экстремистской деятельности, осуществление ее в целях борьбы за власть;
- использование насилия или угрозы его применения в качестве основного метода своей стратегии при достижении политических целей;
- организованный характер деятельности, что способствует широко масштабности и целенаправленности экстремистских выступлений;
- отказ субъектов политического экстремизма от компромиссов, договоренностей с политическими противниками, стремление добиться поставленных целей любыми средствами.

Целесообразно обратиться к дефиниции данного феномена. Слово «экстремизм» образовано от латинского *extremus* – крайний. В общем, и довольно абстрактном смысле – это приверженность к крайним мерам, действиям, взглядам, решениям. Это, скорее всего, просто крайнее отрицание *status quo*, на чем делает основной акцент узкая трактовка. Но и пусть даже, возможно, до конца не осознанное стремление политических субъектов к утверждению чего-то нового: за крайним отрицанием *status quo* скрывается жажда преобразования мира.

Все сказанное выше позволяет сделать вывод, что политический экстремизм представляет собой сложный социально-политический феномен, имеющий тенденцию к саморазвитию. Появление его обусловлено наличием целого ряда социально-экономических и социокультурных факторов, тесно взаимодействующих между собой. В то же время отсутствие одного или нескольких факторов значительно препятствует распространению экстремистских настроений и резко снижает воздействие экстремистской идеологии на этнонациональный менталитет и социокультурную деятельность.

Следовательно, при этом проводится четкое различие политического экстремизма, радикализма и сепаратизма. Насильственные действия экстремистов по отношению к инакомыслящим нередко называют терроризмом или политическим терроризмом, который во многих случаях выступает неизбежным спутником политического экстремизма. Экстремизм и терроризм, как правило, неразрывно связаны

и неотделимы друг от друга, поэтому рассмотрение предмета исследования в статье будет неполным без анализа сопровождающего его явления терроризма.

Этимология термина «терроризм» свидетельствует о том, что корни этого понятия произрастают из латинского слова «террор», обозначающего страх, ужас. И действительно, необходимым элементом, присутствующим в любой террористической акции, является устрашение политического противника либо тех людей, которые выступают в роли непосредственных жертв террористов. Однако грубое подавление психики не является самоцелью терроризма. Нагнетание страха выполняет роль вспомогательного средства для достижения определенной цели: получить материальные или политические выгоды, заставить представителей власти или правоохранительные органы выполнить требования террористов, изменить политический курс и т.д.

Необходимо кратко остановиться на понятии терроризма и по той причине, что в отличие от понятия «экстремизм», этот термин раньше нашел отражение в ряде правовых документов, в том числе и в международных. Однако его значение в различных зарубежных и отечественных исследованиях также толкуется по-разному. Например, заслуживает внимания следующее определение терроризма, данное английскими специалистами в энциклопедии «Социальная мысль в XX столетии», что это — угроза применения насилия в политических целях отдельными лицами или группой лиц, действующими за или против существующего в данной стране правительства, когда такие действия направлены на то, чтобы нанести удар или запугать более многочисленную группу, чем непосредственная жертва, в отношении которой применяется насилие, которое должно было отражать все формы терроризма, существующие в различных регионах мира. По мнению У. Лакера и Б. Крозье, терроризм есть мотивированное насилие с политическими целями. В американских научных исследованиях по проблемам экстремизма и терроризма дается краткая, но достаточно емкая характеристика понятия терроризма как политически мотивированного насилия по отношению к политическим противникам. Немецкий политолог А. Пфаль — Траугбер на фоне различных дефиниций терроризма пытается найти определение терроризма через выделение его базовых структурных элементов, таких как: насилие, антидемократический характер, поливариантность, изоляционизм. Его коллега Э. Йессе стремится одновременно сблизить и развести понятия «экстремизм» и «терроризм». Экстремизмом немецкий политолог называет любой вид антидемократических движений, направленный против конституционного государства, а терроризм определяет как политическую стратегию групп, стремящихся к свержению политического строя путем применения силы.

В отечественной террологии наиболее последовательное и завершенное определение терроризма предложено «Новой философской энциклопедии» в качестве незаконного использования насилия на негосударственном уровне против личности, гражданского насилия, курса правительства в целях достижения политических или социальных целей⁶. В правовом аспекте терроризм определяется как наиболее опасная форма экстремизма, направленная против основных свобод, прав человека и демократических основ общества⁷. Категориальное осмысление терроризма представлено в работах Ю. Авдеева, В. Витюка и С. Эфирова и др., определивших сущностную характеристику терроризма как идеологии мотивированного насилия с политическими целями. Некоторые исследователи, например С.А. Эфиров, полагают, что вообще не следует стремиться выработать универсальное определение терроризма, но можно ограничиться лишь некоторыми важнейшими признаками, достаточно полно его характеризующими. К таким признакам он относит:

- политическую мотивацию насильственных действий;
- направленность насилия на дестабилизацию положения в обществе и запугивание различных социальных групп;
- отсутствие обязательной связи терактов с последующими вооруженными конфликтами;
- и, самое важное, наличие определенной идеологии экстремистской направленности, оправдывающей террористические действия.

Из вышесказанного следует, что, как в случае с понятием «экстремизм», понятие «терроризм» различными исследователями трактуется и как действие и как идеология. В научной литературе они зачастую рассматриваются как синонимы, хотя и имеют различную сущность. Вместе с тем, экстремизм по своему содержанию значительно шире понятия «терроризм», поскольку, именно с помощью террора экстремистские организации достигают поставленных политических целей.

Как было показано, экстремизм предполагает наличие какой-либо идеологии, теоретического обоснования применения насилия, хотя аргументация основана зачастую главным образом на эмоциональных, а не рационалистических представлениях об окружающем мире. Терроризм же, в большинстве случаев, выступает как система действий, опирающихся, как правило, на экстремистскую идеологию. Впрочем, политический экстремизм не ограничивается лишь выдвижением каких-либо теоретических концепций. Он подразумевает и определенные действия очень часто принудительные, направленные на достижение выдвинутых целей. Терроризм, с некоторым допущением, можно представить как составную часть экстремизма, его наиболее яркое и ответственное проявление в социально-политической жизни общества.

Таким образом, можно утверждать, что понятия «терроризм» и «экстремизм» достаточно тесно связаны между собой, но могут выступать и самостоятельными объектами исследования, которые не всегда детерминированы друг с другом. Терроризм, по нашему мнению, зачастую употребляется как синоним политического экстремизма для характеристики политических интересов отдельных субъектов протестной и оппозиционной деятельности. Так Л. Дробижева и Э. Паин полагают, что терроризм является разновидностью политического экстремизма, его крайней насильственной формой. Однако их различие очевидно и касается методов и средств разрешения политических конфликтов. Экстремизм выступает с позиций крайнего неприятия политической системы, правительства, определенной социальной структуры, выступает как радикальный реформатор истеблишмента. Отличие терроризма в том, что его цель – социальная дестабилизация и разрушение. Специфика употребления данного термина в наши дни, пожалуй, наилучшим образом охарактеризована А.С. Грачевым, что терроризм – социальная практика экстремизма⁸.

Поэтому более оправдано следующее определение: *политический экстремизм* – это исторически изменяющееся социально-политическое явление, выражающееся в стремлении определенных политически активных индивидов, общественных групп, властвующих элит и контрэлит воплотить в жизнь свои политические идеалы и реализовать поставленные задачи всеми доступными средствами, включая различные формы насильственного воздействия, направленные на государственную власть.

Политический экстремизм – явление общественной жизни, свойственное не только современному этапу развития человечества, оно существует со времени возникновения политической власти к политической борьбе. Политический экстремизм представляет собой систему крайних, с точки зрения общества, взглядов и действий, направленных на удовлетворение политических интересов отдельных

социальных групп: классов, этнических групп, политических движений, партий, группирований. Характерный признак политического экстремизма --идейный плюрализм в виде конгломерата разнообразных политических идей, доктрин, социально-философских концепций, оправдывающих радикализм и нелегитимное использование насилия в разных формах как основного метода политической борьбы. Будучи относительно цельной и самостоятельной подсистемой в общей схеме политической борьбы, политический экстремизм предполагает выработку и распространение взглядов и концепций, оправдывающих применение насилия для достижения различных политических целей, формирование политизированных структур для осуществления насильственных актов и саму практику их использования для решения тех или иных задач политической борьбы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Зоркая Н., Дюк Н. Ценности и установки российской молодежи // Мониторинг общественного мнения. 2003. № 1. С. 319-323.
2. Brake M. Comparative Youth Culture. London, 1985.
3. См.: Баталов Э.Я. Философия бунта. М., 1973; Мяло К. Под знаменем бунта. М., 1975; Грачев А. Тупики политического насилия. М., 1980; Грачев А. Политический экстремизм. М., 1986; Эфиров С.А. Покушение на будущее. Логика и футурология левого экстремизма. М., 1984; Витюк В.В., Эфиров С.А. «Левый» экстремизм на Западе: история и современность. М., 1987.
4. См.: Жуков В.И. Модернизация социальных отношений в России: замыслы, итоги, возможности // Социс. 2005. №6; Тишков В., Богомолов Ю. Политический экстремизм в России. 2001 и др.
5. См.: Политический экстремизм в России. В 3 т. М., 1994; Верховский А., Прибыловский В., Папп А. Политический экстремизм в России. М., 1996; Авдеев Ю. Типология терроризма // Современный терроризм: состояние и перспективы. М., 2000; Кожушко Е.П. Современный терроризм: анализ основных направлений. Минск, 2000; Ольшанский Д. Психология терроризма. М., 2002; Социальные и психологические проблемы борьбы с международным терроризмом. М., 2002. С. 514.; Кафтан В.В. Возможные направления противодействия терроризму в современных условиях // Вопросы философии науки и образования: Сборник статей ... Выпуск №3 (19). – М.: Изд-во МГОУ, 2004. – С. 97–145.
6. Новая философская энциклопедия. В 4-х томах. М., 2001. Т. 4. С. 57. С. 99-100.
7. Добаев И. П. Современные подходы к определению «нового терроризма» // Социально-гуманитарные знания. 2005. № 4. С. 145-155. С. 3-4.
8. См.: А.Грачев. Политический экстремизм. М., 1986.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдеев Ю. Типология терроризма // Современный терроризм: состояние и перспективы. М., 2000;
2. Brake M. Comparative Youth Culture. London, 1985.
3. Баталов Э.Я. Философия бунта. М., 1973.
4. Витюк В.В., Эфиров С.А. «Левый» экстремизм на Западе: история и современность. М., 1987.
5. Верховский А., Прибыловский В., Папп А. Политический экстремизм в России. М., 1996.
6. Грачев А. Политический экстремизм. М., 1986.
7. Добаев И. П. Современные подходы к определению «нового терроризма» // Социально-гуманитарные знания. 2005. № 4. С. 145-155.
8. Ольшанский Д. Психология терроризма. М., 2002.
9. В. Тишков, Ю. Богомолов Политический экстремизм в России. М., 2001.
10. Эфиров С.А. Покушение на будущее. Логика и футурология левого экстремизма. М., 1984.

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается социальная природа политического экстремизма и терроризма во взаимодействии объективных и субъективных факторов. Подвергаются анализу идеология политического экстремизма, внешние и внутренние факторы экспансии радикализма в современном мире.

The article shows us the social nature of political extremism and terrorism in mutuality of objective and subjective factors. The ideology is unallied by political extremism and external and internal factors which are inculcated into the modern world.

ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ КАК ИСТОЧНИК РАСПРОСТРАНЕНИЯ КРИМИНАЛЬНОГО ЭКСТРЕМИЗМА В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Для переходного периода российских реформ характерна нестабильность общесоциальных условий, которая проецируется и на криминальную ситуацию, в частности, на преступность молодежи. Состояние и динамика преступности свидетельствуют о нарастании негативных процессов в подростковой среде. В настоящее время, при некоторых внешне, на первый взгляд, благоприятных статистических тенденциях, криминальная активность подростков гораздо выше, чем у взрослых, а совершаемые ими общественно опасные деяния все чаще принимают форму жестоких и корыстных посягательств. Уровень преступности подростков, если иметь в виду ее реальные масштабы, в среднем, по оценкам специалистов, в 4-8 раз выше, чем показатели зарегистрированной преступности, а по некоторым видам посягательств «ножницы» еще более значительны. Следовательно, социальная значимость феномена преступности подростков, мера ее общественной опасности гораздо более высока, чем об этом можно судить по цифрам статистики.

Это дает основание констатировать тот факт, что в России в настоящий момент имеет место достаточно сильная концентрация криминогенных факторов, что открывает дорогу к скольжению к максимально высокой степени криминализации общества. В связи с учетом тесной зависимости уровня преступности молодежи от положения дел в обществе и от качества мер противодействия ей, любое непосредственное или опосредованное ухудшение условий жизни и воспитания подрастающего поколения и (или) условий правоохранительной деятельности, в ближайшей перспективе можно ожидать дальнейшего нарастания противоправных деяний среди молодых людей, в том числе особо опасных таких, как политический экстремизм и терроризм.

Экстремизм в поведении человека и социальных групп — явление, свойственное каждой исторической эпохе, не поддающийся, вероятно, полному искоренению. Но степень и острота проявления экстремистских настроений обусловлена социальными и экологическими трансформациями, ослаблением уровня целостности общества.

В моменты значительных потрясений и переломов, периодически возникающих в процессе развития любого общества и связанных с существенными деформациями условий и образа жизни людей, внезапно образующимся вакуумом ценностей, изменением материальных показателей, неясностью жизненных перспектив и неизбежным обострением противоречий, политический экстремизм становится одной из наиболее опасных негативных характеристик социально-политического процесса.

Распространение политического экстремизма в России стало одной из острейших проблем. Увеличивается количество преступлений, поднимается уровень насилия, его проявления становятся все более жестокими и профессиональными. Особое место в этом ряду занимает экстремистское поведение молодежи, связанное с совершением действий насильственного характера по политическим мотивам.

Экстремистское поведение молодежи — одна из наиболее актуальных соци-

---

ально-политических проблем. Состояние, уровень, динамика политического экстремизма молодежи в России широко обсуждаются средствами массовой информации и в специальной литературе, выпускаются аналитические сборники.

Молодежь рассматривается как большая социальная группа, имеющая специфические социальные и психологические черты, наличие которых определяется возрастными особенностями молодых людей и тем, что их социально-экономическое и общественно-политическое положение, их духовный мир находится в состоянии становления. В современной научной литературе к этой группе обычно относят (в статистике и социологии) людей в возрасте от 15 до 30 лет. Молодежь, определяя свой жизненный путь, решает конфликтные ситуации, исходя из сопоставления возможных вариантов, если учесть, что для молодежного возраста характерными являются: эмоциональная возбудимость, неумение сдерживаться, отсутствие навыков в разрешении даже несложных конфликтных ситуаций, то все указанное выше может привести к совершению девиации.

Проблема агрессивного и экстремистского поведения молодежи становится все более актуальной в условиях российской действительности. Элементы экстремистского поведения молодежи формируются на фоне деформации социальной и культурной жизни общества. В перечень основных причин роста экстремистского поведения молодежи исследователи склонны включать следующие: социальное неравенство, желание самоутвердиться в мире взрослых, недостаточную социальную зрелость, а также недостаточный профессиональный и жизненный опыт, а следовательно, и сравнительно невысокий (неопределенный, маргинальный) социальный статус.

В настоящее время в сознании молодежи преобладают негативные оценки в отношении нынешнего состояния России. Современная молодежь проходит свое становление в очень сложных условиях ломки старых ценностей и складывания новых социальных отношений. Отсюда растерянность, пессимизм, неверие в будущее. Растут агрессивность, экстремизм, шовинизм и криминальность. Поэтому такой аспект социологии молодежи, как изучение проблематики криминального экстремизма весьма актуален.

Молодежный экстремизм, как явление последних десятилетий, выражающееся в пренебрежении к действующим в обществе нормам поведения или в отрицании их, можно рассматривать с различных позиций. Молодежь во все времена была подвержена радикальным настроениям. В силу возрастных ее свойств даже в спокойные в политическом и экономическом плане времена количество радикально настроенных людей среди молодежи всегда выше, чем среди остального населения.

Молодежи свойственна психология максимализма и подражания, что в условиях острого социального кризиса является почвой для агрессивности и молодежного экстремизма. Развитие политического экстремизма молодежи представляет особую опасность даже не потому, что детская подростковая и молодежная преступность заметно возросли, а поскольку это связано с развитием «анормативных» установок в групповом сознании молодого поколения, что влияет на ценности, предпочтительные образцы поведения, оценки социального взаимодействия — то есть в широком смысле связано с социальной и политической культурой российского общества в ее проективном состоянии. К сожалению, формирование первого поколения новой России происходило в основном в условиях негативной социально-экономической ситуации 90-х гг. XX века, что создало предпосылки маргинализации значительной части молодежи, девиации ее поведения, включая политический экстремизм.

Специальный анализ проблемы показывает, что экстремизм в России «моло-

деет», наиболее часто совершают преступления молодые люди в возрасте 15-25 лет. Молодежь также чаще совершает преступления агрессивного характера. По статистике основная масса таких тяжких преступлений на политической почве, как убийство, нанесение тяжких телесных повреждений, разбой, терроризм совершается лицами до 25 лет. Важно учитывать, что в настоящее время молодежный экстремизм растет более высокими темпами, чем преступность взрослых.

Эти процессы приобретают особое значение в контексте проблем социальной безопасности российского общества, вызванных действиями экстремистов, и ведущих к физической и духовной деградации, разрушению личности, этноса, общества, государства. Поскольку активизация политического экстремизма молодежи в настоящее время представляет серьезную опасность для российского общества, она должна быть глубоко и всесторонне изучена, в том числе средствами политологического познания, как явление, требующее общественного: политико-правового, административно-управленческого и социокультурного противодействия.

Экстремистское движение как тип девиации представляет собой сложный социально-политический феномен, имеющий тенденцию к саморазвитию. Появление его обусловлено наличием целого ряда социально-экономических и социокультурных факторов, тесно взаимодействующих между собой. В то же время отсутствие одного или нескольких из этих факторов значительно препятствуют распространению экстремистских настроений и резко снижает воздействие экстремистской идеологии на этнонациональный менталитет и социокультурную деятельность. В отечественной научной литературе понятие политического экстремизма предусматривает насильственные действия, направленные на изменение политического строя, проводимой правительством государства. Иногда его условно подразделяют на «левый» и «правый», однако мы полагаем, что подобное деление далеко не исчерпывает все формы политических экстремистских проявлений. Так, например, деятельность бандформирований в Чечне трудно подвести под такую классификацию. Идеология некоторых зарубежных экстремистских организаций сочетает в себе элементы как «левацких», псевдомарксистских теорий, так и ультрарационалистических концепций.

Проблема девиации в политической сфере, а также явлений социальной апатии и аномии в целом нова. Она, во всех ее аспектах и формах взаимосвязи традиционно являлась наиболее острой и злободневной для России. Для наиболее полного и наглядного представления об этом специфическом социальном феномене, имеющим свои исторические и социокультурные корни еще в дореволюционной России и сохранившие свою основу, как на социально-экономическом, так и на духовно-нравственном уровне, в советский период развития нашего общества, необходимо рассмотреть взаимодействие репрессивных и толерантных начал по отношению к представителям так называемых девиантных и делинквентных групп. Следует отметить, что официальный перечень девиаций и лиц с определенными отклонениями от некоей стандартизированной нормы был составлен таким образом, чтобы представить их как своеобразные эмоционально-психологические «мишени» для массового сознания, причем как для целиком традиционалистического, так и для переживающего модернизационные стрессы.

Традиционно в России существовали такие социальные явления, как нищенство и бродяжничество, которые осуждала официальная идеология и мораль, а правовые институты и организации активно преследовали или стремились изолировать. Сегодня эта проблема стоит как никогда остро, и нам давно следует понять, что одними только репрессивными мерами мы не сможем ликвидировать данное

явление, имеющее глубокие социально-экономические и социокультурные корни, - напротив, в ряде случаев, отвергнутые официальными властными структурами, эти люди как раз-таки и нуждаются в наибольшей степени в социальной защите со стороны общества, особенно когда это касается подрастающего поколения, имеющего порой весьма отличные от официально признанных, потребности, интересы и устремления. Следует отметить, что для значительной части населения современного российского общества маргиналами и девиантами выступают также представители различных религиозных сект и объединений, оценка которых в массовом сознании современного общества зачастую носит явно негативный оттенок. Проникновение некоторых атрибутов западной культуры на российскую почву ознаменовалось появлением во многих городах различных неформальных молодежных организаций, создавших на сегодняшний день весьма разветвленную и устойчивую субкультуру, которые также зачастую выступают как девианты по отношению к сложившимся социокультурным стандартам и стереотипам.

В современной политологической литературе вопросы политического экстремизма молодежи в России систематически не рассматривались. Политический экстремизм как тип девиантного поведения и его особая характеристика не выделена в самостоятельный предмет политологического исследования. Отдельные вопросы политического экстремизма в целом освещаются преимущественно в рамках криминологии и политологии и связаны, прежде всего, с изучением преступника, причем независимо от его возраста. Поэтому проблема анализа политического экстремизма молодежи в России в настоящее время политически не акцентирована и не разрешена соответствующими теоретико-методологическими средствами, что придает ей проблемный характер.

Социально-философский аспект феномена экстремизма, его проявления во всех сферах жизни рассмотрен в работах А.С. Сергеева, Р.Е. Рубинштейна, В.Н. Томалинцева, А.А. Козлова и других. Предметное поле анализа политического экстремизма молодежи составляют, прежде всего, такие сюжеты, как этнонациональная, этноконфессиональная и конфликтологическая обусловленность политического экстремизма (А.С. Зайналабидова, В.О. Бобровникова, Г.С. Денисова, И.П. Добаев, Д.П. Зеркин, А.А. Игнатенко, Д.С. Новиков и другие); проблемы терроризма и экстремизма (А.С. Грачев, В.С. Грехнев, Н.М. Романов, Л.Л. Хоперская, А.А. Шегорцов, А. Тарасов).

Большой вклад в исследовании проблемы определения понятия политического экстремизма в плане его соотношения с терроризмом, радикализмом, сепаратизмом, политическим преступлениям затрагиваются в работах В.А. Шишкова, В.В. Витюка, М.И. Лабунца и других. Проблемы политического экстремизма молодежи в постсоветском пространстве представлены в работах Г.Ю. Черкасова, В. Акопова, С.В. Бондаренко, В.Ф. Левичевой, Т.В. Шавкунова.

В научных исследованиях широкое распространение получила типология экстремизма, в основе которой находятся цели и мотивы насильственных проявлений, идеологическая платформа, на которой базируется деятельность его субъектов. Соответственно выделяют: криминальный экстремизм; экстремизм, совершаемый по психологическим мотивам и на основе религиозного фанатизма; военный экстремизм; политический и националистический экстремизм.

Кризисные процессы в разных сферах общественной жизни, обостряя имеющиеся противоречия, порождают криминализацию не только в сферах рыночного хозяйства, но интенсивно проникают в политику, деформируют систему власти,

усиливают политическую девиантность значительных слоев населения, охваченных процессами люмпенизации и маргинализации, что и создает объективные предпосылки преступной и экстремистской деятельности молодежи.

Криминальный экстремизм сегодня проявляется более в правовой сфере посредством вовлечения молодежи в организованную преступность, противоправную деятельность, акты вандализма и нарушения социокультурных норм и социальных устоев жизни общества. В меньшей мере конфликт молодого поколения связан с системой власти, выразившегося в формах жесткого политического протеста или политического экстремизма и терроризма, тем не менее, среди молодежи имеют распространение такие формы политического протеста как электоральный абсентизм, протестная активность на митингах, демонстрациях, бойкотах, устраиваемых неформальными, политизированными группами.

Эксперты рассматривают терроризм и экстремизм как явление, вызванное комплексом причин социального и политического характера. Уже к середине 90-х годов 20 века исследователи проблем терроризма и экстремизма отмечали такую тенденцию как интеграция терроризма, организованная преступность, наркобизнес, привлечение отдельными политиками уголовных группировок в борьбе за власть. Именно благодаря такого рода интеграции решаются вопросы финансирования экстремистов, их прикрытия и материального обеспечения. Не вызывает сомнения, что питательной средой для экстремизма и терроризма является криминальная среда. К тому же криминальная среда воспроизводит все в больших масштабах насилие как таковое. Конфликтная атмосфера создает благоприятную почву для применения насилия в разных формах, в том числе в форме экстремистских актов.

Именно такой подход проявляется в исследованиях феномена криминального экстремизма и терроризма отечественных и зарубежных ученых. Так, Ф.Н. Клоцвог отметил, что современная политическая система в условиях рыночной трансформации является благоприятной средой для развития преступности в целом, терроризма в частности. В.А. Тишков указывает на формирование нового феномена, воздействующего на расширение социальной базы экстремизма в форме неформальных сетей, представляющих собой симбиоз для спорных, радикально-фундаменталистских и наркокриминальных коалиций, которые выступают в роли как инициаторов насилия или идейных организационных центров современного экстремизма и терроризма. В.В. Лунеев считает, что российское общество и при тоталитаризме и при либерализме попало в криминальный капкан. Наряду с фактическим ростом преступности в постсоветской России идет непрерывный процесс криминализации новых видов политически девиантного поведения, составляющий угрозу для общества и государства, и либеральная демократия не справляется с интенсивно растущей террористической коррупционной и общей преступностью.

Необходимо более глубоко проанализировать природу и сущность девиантного поведения молодежи, которое традиционно в социологии отождествляется именно с негативными формами девиации молодежи и даже с чисто криминогенными актами. Девиантное поведение — один из сложнейших аспектов жизни современного общества. Он формируется под влиянием многоплановых процессов и явлений, происходящих в политической, экономической, социальной сферах. Действие этих факторов может влиять на фактическую распространенность асоциального поведения, усиление социальной патологии, высокие темпы юношеской преступности, экстремизма, наносит огромный материальный и моральный ущерб обществу. Поэтому установление причин антиобщественного поведения, преступности, поис-

ки путей борьбы с ними имеют важное значение.

В западных странах к системному исследованию молодежной преступности и экстремизму приступили еще в начале XX века и сегодня наука располагает фундаментальными и многопрофильными разработками этой проблемы.

В социологии девиантность в самой общей форме принимается как отклонение от общепринятых норм поведения. Понятие «девиация» как неологизм появилось в социальной мысли XX столетия в начале 1960-х годов для объяснения сущности неконвенционального поведения и социальных проблем, выходящих за рамки системы криминального права. Девиация включает преступность, но также это понятие применяется для обозначения наказуемых нарушений социальных правил, норм, установок.

В общей теории социальной девиации представлены разные, порой взаимоисключающие точки зрения и подходы, отражающие сложную взаимосвязь социальных, экономических, политических, психологических и прочих факторов. Большинство концепций соответствует трем основным моделям – психогенной, социогенной и регулятивной. При этом сами западные специалисты признают, что такое сложное социальное явление, как девиантное поведение, не может быть полностью объяснено с позиции социологии, психологии, биологии или политологии и поэтому считают целесообразным его изучение на основе мультипарадигмы, в которую входят социально-экологическая теория, теория дифференцированной связи, аномии, субкультур, отчуждения, стигматизации, нейтрализации, «дрейфа» и молодежных контркультур.

В западной социологии социальная девиация рассматривается, как правило, в широком социальном контексте, как естественный продукт развития социальной структуры. Применительно к молодежи речь идет о специфических для этой возрастной группы социально-психологических аномалиях, проявляющихся в правонарушениях несовершеннолетних, формировании молодежных делинквентных субкультур, группировок асоциальной направленности, об особенностях поведения подростков в школе, семье, на производстве и в свободное время, о выявлении причин слабой адаптации молодых людей к устоявшимся социальным нормам, культурным традициям и социальным условиям бытия.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Преступность и правонарушения (1999-2003 гг.). Статистический сборник. М., 2004. С. 10-11, 17.
2. См.: Шегорцов А.А. Как рождается экстремизм молодежи. М., 1990; Козлов А.А. Молодежный экстремизм. СПб., 1996; Ентелис Г.С., Щипанова Г.Д. Протестный потенциал российской молодежи. М., 1999; Молодежь и общество на рубеже веков. М., 1999; Чупров В.И., Зубок Ю.А., Уильямс К. Молодежь в обществе риска. М., 2001; Политический экстремизм и его профилактика у студенческой молодежи. Ростов н/Д., 2003.
3. Цена ненависти. Национализм в России и противодействие расистским преступлениям. М., 2005. С. 44-47.
4. Сергеев С.А. Контркультурная политическая оппозиция в современной России // Социально-гуманитарные знания. 2005. № 3. С. 249-259.
5. Лунеев В.В. Особенности современной преступности в России. Куда пришла Россия. Итоги социальной трансформации. М., 2003. С. 263-270.

АННОТАЦИЯ:

В статье рассматривается девиантное поведение молодежи как источник распространения криминального экстремизма в молодежной среде.

Inconsiderate behaviors of youth as bases of extend of criminal extremism of youth is shown in the article.

СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ И ПРЕДПОСЫЛКИ РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЭКСТРЕМИЗМА СРЕДИ МОЛОДЕЖИ

В последние десятилетия XX века современный постсоветский мир стал полем деятельности новой разновидности молодежного радикализма – политического экстремизма. О его возникновении заявили мощные движения молодежного протеста против истеблишмента в Западной Европе и США в 1966 – 1970-х годов, вовлекшие десятки тысяч борцов за молодежные права и свободы в эпоху молодежной революции на Западе, когда сформировалась контркультурная политическая оппозиция и авангардистские бунтарские молодежные движения и радикальные идейно-утопические течения и группы агрессивных политических диссидентов «новые левые», «новые правые».

Молодежные экстремистские организации и субкультуры выступали не только против существующего политического порядка и режима власти, но и против самой системы данного общества как «репрессивной», требуя ее радикального переустройства или уничтожения. После спада «молодежной революции» в 1970-х годах в молодежный протест включились новые социальные движения, среди которых наиболее активным стало «альтернативное движение», объединившее «недогматических левых» и экологов. На стыке XX – XXI столетий политическая активность экстремистски настроенной молодежи сконцентрировалась вокруг этнонациональных, конфессиональных, глобальных проблем мирового сообщества, что было реализовано постанархистскими, экологистскими, антиглобалистскими, радикальнофеминистскими молодежными формированиями. Определенная часть молодежных субкультур также тяготеет к радикальным и экстремистским способам выражения протеста. Соответственно, изучение молодежной политической активности экстремистского направления составляет важное направление зарубежной социологии молодежи.

В отечественной науке анализ молодежных контркультурных феноменов становится легитимным с конца 80-х годов в процессе изучения неформальных молодежных течений. В период постсоветского развития России проблема экстремистского и агрессивного поведения части молодежи становится в ранг актуальных вопросов, поскольку определенная часть террористических и политизированных оппозиционных формирований в поисках социальной базы делают ставку, опираясь исключительно на молодежь. Особенно ювентизированы группировки правых экстремистов – скинхедов, фашистов и прочих крайних националистических формирований. Соответственно, изучение проблематики молодежного экстремизма весьма актуально.

Эффективное противодействие экстремизму должно опираться на познание закономерностей становления и развития субъекта экстремистской деятельности, прогнозирование интенсивности и перспектив экстремистских действий. Генезис субъекта экстремизма идет автономно, подчиняясь объективной логике эволюции социального явления. Данная логика включает как момент возникновения, так и момент исчезновения социального субъекта, исчерпавшего свои социальные функции. В этом отношении является существенным анализ самого субъекта экстре-

---

мистской деятельности, противостоящего субъектам противодействия.

Политический экстремизм анализировали с различных позиций и подходов, как на уровне самой политической науки, так и на транснаучном уровне. Поскольку рамки настоящей работы не позволяют дать подробный анализ истоков политического экстремизма и вскрыть механизмы его возникновения на разных точках исторической и географической системы координат, отметим лишь то, что, во-первых, в большинстве случаев корни этого явления находятся не в патологии психологических реакций конкретных людей, а в глубоких латентных и явных социальных, экономических и политических недугах. Политический экстремизм в большей степени вызывается социальными причинами, противоположностью интересов и стремлений не отдельных индивидов, а различных общественных групп.

После развала Советского Союза страна оказалась в сложной геополитической ситуации, характеризующейся попытками оказания на Россию жесткого силового давления, как со стороны ведущих западных стран, так и некоторых государств, возникших на фундаменте бывших союзных республик. Приходится констатировать, что за последние годы наблюдается явная тенденция утраты Россией статуса великой державы, с мнением которой должны считаться зарубежные партнеры и недруги. При этом, несмотря на неблагоприятную ситуацию, формируемую в Российской Федерации внешнеполитическими факторами, главные причины, порождающие политический экстремизм и антиконституционные насильственные проявления в стране, имеют внутреннюю природу. К ним следует отнести кризисное состояние экономики, нецивилизованные формы перераспределения собственности, включающие хищнический передел материальных средств и ресурсов и фактическое разворовывание под видом приватизации общенационального достояния. В перечне внутренних факторов, детерминирующих экстремизм, необходимо назвать резкое падение жизненного уровня подавляющего большинства населения, увеличение социальной дифференциации и классового противостояния в обществе, рост правовой и социально-экономической незащищенности граждан. Эти обстоятельства, имеющие экономическую природу, являются, на наш взгляд, базисными с точки зрения исследования генезиса политического экстремизма в стране.

В то же время они способны породить и другие детерминанты обострения в России, которые по мере нарастания и развития превращаются в самостоятельные причины и условия активизации экстремизма. К таковым относятся: обострение политической борьбы между многочисленными политическими партиями и общественными движениями; острое противостояние между сторонниками существующего в стране политического режима и оппозицией; множасьщиеся межнациональные конфликты, способные перерасти, а порой и перерастающие в открытые вооруженные столкновения: этнический и религиозный сепаратизм, забастовочное движение, порождающее помимо чисто экономических требования классового, политического характера и т.д. Разумеется, внешние и внутренние факторы взаимодействуют между собой. Так, внутренние детерминанты терроризма и политического экстремизма часто привносятся извне, о чем убедительно свидетельствуют события в регионе Северного Кавказа.

Следует отметить, что в последнее время отечественными учеными делаются попытки систематизации документов и материалов по истории экстремистских движений и идейных течений. Однако большинство исследователей ограничиваются каким-либо одним историческим интервалом и поэтому не получают целостной картины. Налицо и недостаточность теоретико-аналитического осмысления этой

проблемы. Таким образом, возникает задача поиска универсальных составляющих феномена политического экстремизма.

В публицистике и научной литературе распространены попытки увязать рост политического экстремизма молодежи с бедностью, социальным неблагополучием и низким культурным уровнем определенных социальных групп молодежи. Но влияние социальных факторов намного сложнее. Анализ новейших отечественных и зарубежных исследователей показывает, что фундаментальными факторами экстремизма является незавершенная модернизация, социальные контрасты и культурная маргинальность, находящиеся в диалектической взаимосвязи с внешне и внутриполитическими, этноконфессиональными, социально-психологическими обстоятельствами жизнедеятельности молодежи.

На уровне социума, этнических и религиозных общностей проявления экстремизма нарастают в процессе модернизации, особенно в периоды незавершенных исторических перемен. В таких условиях неизбежен установленный еще в трудах К. Мангейма и Э. Эриксона «кризис идентичности», связанный с трудностями социального и культурного самоопределения молодежи. Стремление к преодолению этого кризиса порождает ряд следствий, которые могут выступать предпосылками экстремизма – интергенерационный и интрагенерационный конфликты, формирование конкурирующих поколений, представляющих спектр политических ориентаций лево и право экстремистского толка, возрастает желание молодежи к консолидации с молодежными движениями, выступающих с интенсивными требованиями социальных изменений.

Кризисные процессы в разных сферах общественной жизни транзитных обществ, обостряя имеющиеся противоречия, порождают иллюзию их возможного быстрого разрешения путем экстремизма и террора.

Молодежная политическая активность, вероятно, проявляется в странах, переживающих быструю трансформацию, где в силу множественных причин, определенная смесь обстоятельств подрывает способность политической системы осуществлять необходимые функции. В обществах, испытывающих институциональную нестабильность, сопровождающуюся ослаблением легитимности и эффективности власти, где существуют несправедливость и произвол, создаются идеальные условия для протестного поведения. В дополнение к политическим протестам, молодежные движения могут принимать и другие формы, включая студенческие, культурные, социокультурные, религиозные, этнонациональные, антиглобалистские, экологические и другие.

Там, где система ограничивает возможности массовых макрогрупп бороться за достижение своих целей легальным путем, создаются предпосылки экстремистской деятельности.

Российскую специфику экстремистских образований в молодежной среде определяют три основных фактора. Первый – социальная и экономическая неустойчивость российского общества на протяжении последних 15 лет и социальная незащищенность значительной части молодежи. Согласно данным Госкомстата РФ, в 2000 году молодежь (16-30 лет) составляла в численности населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума 21,2%, а в своей возрастной группе доля «бедных» составляла 27,9%. Но с 2000 года наметился экономический рост, и в 2004 году на 9% по сравнению с 20003 годом увеличились реальные денежные доходы населения, на 12,6% увеличилась зарплата населения. В целом за 2004 год доля населения с доходами ниже величины прожиточного минимума снизилась

до 17,5%. Однако, в целом к нуждающимся и малообеспеченным себя относят 37% россиян. Материальное благополучие населения может ухудшиться в результате кооперации услуг ЖКХ и социальной инфраструктуры, удорожание транспортных и информационных расходов, что значительно расширит зону бедности. И как показали события 2005 года – рост социальной напряженности. Усиливается поляризация социальных групп молодежи мегаполисов и поселений провинции, выходцев из богатых и бедных семей. Среди безработных молодежь в возрасте до 29 лет составляет свыше 30%.

Второй фактор – особенности социальной мобильности в обществе. Каналы восходящей социальной мобильности в 90-е годы претерпели коренные изменения, и часть молодежи достигает престижное социальное положение и высокий уровень потребления в короткие сроки. Возможность быстро достичь успеха, стать богатым у тех слоев, которые участвуют в распределении собственности и власти или обладают «культурным капиталом». Дети элиты и специалистов академической и культурной аристократии получают качественное образование и высокую профессиональную подготовку, перспективную с точки зрения жизненного успеха.

В многочисленных исследованиях констатируется, что образовательная дифференциация молодежи усилилась. Снижается доступность молодежи к качественному высшему образованию. Остается невостребованной около трети выпускников вузов. Социальное неравенство среди студенческого контингента проявляется хотя бы в том, что на одного бюджетного студента в 2003 году финансировалось около 250 долларов в год или около 2 млрд. долларов на весь контингент, при образовании за рубежом «нового» русского – не менее 50000 тыс. долларов, т.е. в 200 раз больше, и на эти цели из России вывезено свыше 5 млрд. долларов. Как показывают исследования проблем молодежи около 47% абитуриентов занимаются с репетиторами или обучаются на корпоративных факультетах, более 60% студентов проходили довузовскую платную подготовку. Более того, коррупционные процессы в вузах достаточно масштабные, поэтому 10% молодежи отказываются от поступления в вузы по причине финансовой невозможности дать взятку. Г.М. Мкртчян отмечает, что в российском обществе в условиях распада традиционных форм вертикальной мобильности сфера образования усиливает не только социокультурное расслоение, как дифференцирует доступ к интеллектуальным ресурсам молодых людей из разной социально-профессиональной среды. И это также вызывает недовольство и протестные настроения молодежи из депривированных слоев населения.

Третий фактор – аномия в российском обществе, развивающаяся в двух вариантах, отмеченных еще Э. Дюркгеймом и Р. Мертоном. В дюркгеймовском смысле аномия проявилась в утере тех нормативно-ценностных оснований, которые необходимы для поддержания социальной солидарности и обеспечения социальной идентичности. На фоне социальной аномии широкое распространение приобретает молодежная преступность. По данным исследований ИСПИ РАН в период с 1990 по 2000 годы число лиц, совершивших преступления увеличилось почти вдвое, а в возрастной группе 18-24 летних – в 2,5 раза. По экспертным оценкам в России действует более 300 крупных преступных синдикатов и 1000 молодежных банд. Участие в преступных кланах и группировках становится для части молодежи социально престижным и прибыльным делом. В мертоновской модели аномия есть результат фрустрации вследствие неспособности молодых людей достичь высокого статуса и удовлетворения престижных материальных благ. Опросы среди разных социально-профессиональных групп молодежи показали, что 43,8% готовы бороться за свое

место в жизни, преступая моральные нормы ради материального благополучия. 41,8% готовы совершить мошенничество, 67,5% - дать или получить взятку, 20% - совершить преступление. В молодежной среде аномия приводит к феномену криминального экстремизма. Сегодня криминализированы многие молодежные сообщества, а принятые в ее среде социокультурные и политические ориентиры приобретают ценностное значение в молодежной среде.

Из этих ориентиров особое значение имеют культ силы, насилия, правовой нигилизм, нетерпимость к «чужакам» и другие. Зачастую солидарность криминальных группировок укрепляется совместными действиями по «зачистке» общества от «изгоев». В последнее время здесь активность проявляют праворадикальные экстремистские группы скинхедов, фанатов, НДПР, РНЕ, партии Свободы. Количество убийств на почве этнической или религиозной неприязни нарастает; так в 2003 году их было 20, в 2004 – не менее 45. Жертв избиения скинхедами, погромов на рынках, в кафе и магазинах, принадлежащих «нацменам» исчисляются сотнями. В первом полугодии 2005 года от нападений скинхедов и организованных националистических группировок пострадало не менее 186 человек. Следует признать, что в стране не сложилась целостная, теоретически обоснованная и ресурсно-обеспеченная система социальной безопасности и защиты молодежи, органически сочетающая в себе принципы социальной справедливости и борьбы за выживание каждого человека. Так среди опрошенных респондентов 64,8% считают, что в ближайшие годы забота власти о молодежи не изменится в лучшую сторону, 48,8% отметили отсутствие изменений в борьбе с терроризмом, 42,9% полагают, что не увеличатся доходы населения, 64,4% - что государство не защищает интересы молодежи.

По целому ряду признаков молодежь тяготеет к сильной власти и четкому порядку, мечтает о «твердой» руке лидера государства, распространяемых идеологий партий и объединений правых экстремистов. Наиболее серьезными проблемами молодежи считает: наркоманию, трудоустройство, получение образования, моральную деградацию, отсутствие смысла жизни, унижение достоинства граждан России, правовую незащищенность, терроризм. На вопрос об основных причинах экстремизма в молодежной среде ответы распределились следующим образом: неуверенность в настоящем и будущем – 46,1%; отсутствие условий для самореализации – 43,5%; безнаказанность – 38,9%; отсутствие четкой государственной молодежной политики – 38,8%; реклама насилия в СМИ – 23,1%.

Именно в этой сфере молодежь испытывает наибольшие трудности и особо нуждается в социальной поддержке. Отсутствие в Российской Федерации комплексного государственного механизма по обеспечению занятости молодежи имеет крайне негативные явления в самой молодежной среде - экстремизм, преступность, наркомания и т.д. Проблема молодежной девиации представляет особую опасность даже не потому, что детская, подростковая и молодежная преступность заметно возросли, особая опасность связана с развитием «анормных» установок в групповом сознании поколения, что влияет на ценности, предпочтительные образцы поведения, оценки социального взаимодействия. Это в широком смысле связано с социальной культурой российского общества в ее проективном состоянии. В обществе с устоявшейся социальной и ролевой структурами, молодые люди стремятся интегрироваться в ту социальную группу, в которой обретается желаемая статусная позиция. По мере осознания своего статуса у них возрастает потребность в его повышении. Однако реализация подобной потребности часто наталкивается на множество непреодолимых препятствий. Не удивительно, что между молодежью и обществом на

всех его уровнях возникают трения по поводу запросов и ожиданий, прав и обязанностей, интересов и возможностей их реализации. Вероятность социальной неопределенности и риск обострения этих противоречий, возникновения и расширения социального конфликта стремительно повышается. При этом спонтанные попытки со стороны власти «навести порядок» без овладения ситуацией в целом лишь усиливают неопределенность, продуцируя новые риски, влияющие на молодежь. Соответственно, с обострением конфликтов в обществе риска заметно снижаются шансы для их позитивного расширения. Общество скорее столкнется с эскалацией конфликта и с переходом его в крайнюю форму конфронтации.

Конкретные условия жизни молодежи определяют особенности молодежного сознания. Современная ситуация в России сложна, динамична, полна противоречий. Поэтому для формирования позитивных установок молодежи на социальное воспроизводство, проведение кардинальных социально-экономических преобразований, нормативных установок необходимы стабильно позитивные системы ценностных ориентаций и другие социально-психологические факторы. Именно они определяют интеллектуальную и этико-психологическую основу ее развития, определяющее правомерное, девиантное, либо политически анормативное поведение. В современном российском обществе политическое сознание части молодежи амбивалентно. В аморфном и бессистемном комплексе политических ориентаций дезадаптированной молодежи, с одной стороны, просматриваются безысходность, неверие в собственные силы, размытость идеалов, а с другой стороны, агрессивность и нетерпимость, выливающиеся в озлобленность и экстремизм, способствующих формированию молодежных, агрессивных субкультур и экстремистских группировок.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Yinger J. Counter cultures. New York. 1982. P. 103-106.
2. См.: Левикова С.И. Молодежная субкультура. М., 2004. С. 37.
3. Жуков В.И. Модернизация социальных отношений в России: замыслы, итоги, возможности // Социс. 2005. № 6.
4. Williamoutwaite W., Bottomore T. The Twentieth Century Social Thought. London, 1994. P. 763-765.
5. Williamoutwaite W., Bottomore T. The Twentieth Century Social Thought. London, 1994. P. 763-765.
6. Добрынина В.И., Кухтевич Т.Н. Процессы перемен в сознании российской учащейся молодежи // Вестник МГУ. Сер. 18. Социология и политология. 2003. № 4. С. 723.
7. Шевченко Н.О., Гаврилов А.А. О теневых экономических отношениях в сфере высшего образования // Социс. 2005. № 7. С. 25-34.
8. Мкртчян Г.М. Стратификация молодежи в сфере образования, занятости и потребления // Социс. 2005. № 2. С. 104-112.
9. Социология молодежи. Под ред. Кузнецова В.Н. М., 2005. С. 14-18; 44.
10. Сергеев С.А. Контркультурная политическая оппозиция в современной России // Социально-гуманитарные знания. 2005. № 3. С. 245-259.
11. Там же.

АННОТАЦИЯ:

В статье рассматриваются социальные факторы, а также предпосылки развития политического экстремизма в молодежной среде.

Social factors and motives of development of political extremism of youth are shown in the article.

Бааль Н.Б.,

кандидат политических наук,
научный сотрудник ВНИИ МВД России

ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПОЛИТИЧЕСКОМУ ЭКСТРЕМИЗМУ И ВОПРОСЫ ЕГО ПРОФИЛАКТИКИ У МОЛОДЕЖИ

Развитие агрессивного и экстремистского поведения молодежи становится все более актуальной проблемой в условиях российской действительности. Такое поведение молодежи наблюдается на фоне деформации социальной и культурной жизни общества. Основными причинами роста экстремистского поведения молодежи исследователи склонны считать социальное неравенство, желание самоутвердиться в мире взрослых, недостаточную социальную зрелость, отсутствие профессионального и жизненного опыта, следовательно, и сравнительно невысокий (неопределенный, маргинальный) социальный статус.

В последние два года в России было проведено несколько комплексных социологических исследований по проблемам политического экстремизма молодежи и отношения молодежи к экстремизму вообще. Проведенные интервью и опросы студентов свидетельствуют о том, что рост экстремистских настроений зависит от роста общей политической активности общества, связанного с социальными и национальными противоречиями или усилением напряженности борьбы за сохранение контроля над использованием дефицитных материальных ресурсов. Существенно влияют на распространение экстремистских настроений в молодежной среде правовой нигилизм, отсутствие стабильного правового пространства, неэффективность правовой социализации молодежи, и конечно, несовершенство законов, слабость правоохранительной системы, неэффективность административных и иных социально-политических механизмов превенции политического экстремизма.

Соответственно, проблемы изучения политического экстремизма молодежи продолжают оставаться актуальными в современной зарубежной и отечественной науке. Поскольку активизация политического экстремизма в настоящее время представляет серьезную опасность для российского общества, она должна быть глубоко и всесторонне изучена, в том числе средствами правового познания, как явление, требующее общественного: правового, административно-управленческого и социокультурного противодействия.

Появления политических форм экстремизма отмечаются во многих странах мира, в том числе и в экономически развитых и политически стабильных, однако небольшой всплеск этнической и религиозной нетерпимости, лежащей в основе экстремизма, наблюдается в периоды крутых исторических перемен, подобных тем, которые пережили народы бывшего Советского Союза, вынужденные в короткие сроки изменять одновременно и свой политический режим, и экономическую систему, и национально-государственное устройство. Такие периоды известный польский социолог Петр Штомпка назвал временем «травматической трансформации». Именно в это время экстремизм представляет наибольшую опасность, поскольку бурно трансформирующиеся общности обладают меньшим иммунитетом в противодействии этому злу.

Состояние борьбы с политическим экстремизмом как многоаспектная, комплексная проблема, включает в себя правовые, психологические, социально-экономические и политические вопросы. При ее рассмотрении необходимо держать в

поле зрения и учитывать одновременно геополитические устремления зарубежных стран, состояние и динамику международных отношений, уровень социальной защищенности граждан и занятости трудоспособного населения в стране, вопросы организации досуга молодежи, уровень общей и политической культуры людей, исторические традиции, состояние межнациональных отношений и ряд других компонентов обстановки в стране.

Политические и правовые дискуссии последнего времени отмечены острыми спорами, как о самом определении экстремизма, так и о мерах борьбы с ним. Дополнительную пищу для этого дала подготовка и принятие в 2002 году Закона «О противодействии экстремистской деятельности». Но при этом практически все единодушно и безоговорочно относят к понятию экстремизма возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды. И скинхеды, нападающие на африканских дипломатов или кавказских торговцев, и террористы, захватившие мюзикл «Норд-Ост», все они, пусть и в разной мере и форме, выражают именно эту этно-расово-религиозную разновидность фобий, побуждающих к насилию. Именно эта разновидность экстремизма сегодня, безусловно, преобладает в российском обществе.

До 2002 года в российском законодательстве не было определения экстремизма. В утвержденной Указом Президента РФ от 10 января 2000 года Концепция национальной безопасности Российской Федерации особо подчеркивалось, что во внутривнутриполитической сфере России приоритеты состоят в «сохранении стабильности конституционного строя, институтов государственной власти, в обеспечении гражданского мира и национального согласия, территориальной целостности, единства правового пространства, правопорядка и в завершении процесса становления демократического общества, а также в нейтрализации причин и условий, способствующих возникновению политического и религиозного экстремизма, этносепаратизма и их последствий, - социальных, межэтнических и религиозных конфликтов. В настоящее время феномен экстремизма не только получил в российском законодательстве должную правовую оценку, но можно констатировать формирование в стране комплексного антиэкстремистского законодательства в виде совокупности норм противодействия преступлениям экстремистского характера.

В настоящее время в правоведении существуют два основных направления в исследовании указанной проблематики. Первое направление связано с исследованием терроризма как международно-правовой категории политического характера. Наиболее заметные разработки в этом направлении сделаны в научных трудах Н.С. Бегловой, В.И. Блищенко, И.П. Блищенко, Т.С. Бояр-Созонович, Л.Н. Галенской, Н.В. Жданова, И.И. Карпеца, Е.Г. Ляхова, С.А. Малинина, Л.А. Моджорян, Ю.А. Решетова, И.Е. Тарханова, С.М. Кочои и других ученых.

Последние годы отмечены появлением научных исследований другого направления, рассматривающих проблему терроризма и экстремизма сугубо с уголовно-правовых и криминологических позиций. Наиболее обстоятельные разработки в этом направлении осуществлены Ю.М. Антоняном, В.П. Емельяновым, М.П. Киреевым, В.С. Комиссаровым, В.В. Луневым, Г.М. Миньковским, А.В. Наумовым, В.Е. Петрищевым, Ю.С. Ромашевым, К.Н. Салимовым, В.В. Устиновым и многими другими. Второе направление связано с изучением современного политического экстремизма и терроризма в России. Его изучают отечественные ученые многих научных специальностей – юристы, историки, социологи, политологи, философы; этой теме посвящен ряд монографий, брошюр, научных статей, диссертаций.

При этом внимание исследователей привлекают аспекты политического экс-

тремизма молодежи. В контексте теоретической разработки этих вопросов ведется изучение таких проблем, как:

- особенности воспитания подростков в различных типах семей и его влияние на формирование преступного поведения молодежи (А.Г. Лурия, А.Г. Харчев, В.Ф. Фриденберг, С.И. Курганов, Г.А.Гурко, А.Н. Елизаров, И.А. Двойменный);
- правовая неграмотность молодежи (Ю.М. Бытко, А.С. Ландо);
- проблемы проведения свободного времени и роль неформальной молодежной группы в десоциализации (В.Я. Суртаев, С.А. Беличева, Л.М. Прозументов, А.В. Шеслер, Ю.Г. Козлов);
- психогенные особенности формирования личности, выступающие причиной или следствием экстремистского поведения (И.А. Двойменный, А.И. Долгова, П.М. Якобсон, К.Н. Поливанова);
- суицидальные наклонности молодежи (Я.И. Гилинский, И.Б. Орлова, Я.Г. Смолинский);
- искажение жизненных ориентаций молодежи, приводящие к экстремизму (Ю.М. Антонян, О. Антонов, Е. Дюпуи, С.И. Голод).

Проблемы политического экстремизма разрабатывались также в уголовно - правовой теории. Заметный вклад в разработку криминологической теории и профилактики экстремизма внесли И.И. Бондаревский, В.Б. Козлов, Г.В. Самойлов и другие.

Вместе с тем проблема политического экстремизма молодежи еще не получила адекватного теоретического истолкования в политико-правовом, этнонациональном и социокультурном плане, а также в контексте конфликтологического моделирования и профилактики незаконного политического насилия. В целом анализ развития зарубежной и отечественной политической мысли по проблемам политического экстремизма показал, что в политологии достаточно глубоко проработаны целые пласты теоретико-методологического осмысления генезиса, детерминации, социальных последствий экстремизма среди молодежи. Необходимость междисциплинарного исследования политического экстремизма молодежи признается большинством современных ученых, но без концептуального политического блока сам междисциплинарный подход, его реализация вряд ли могут быть обеспечены. Тем не менее, крупных монографических, мониторинговых исследований, целостно отражающих сложные проблемы формирования политического экстремизма молодежи, недостаточно. Сущность, структура, особенности политического экстремизма молодежи в современный период развития российского общества также нуждаются в уточнении. В целом, для выработки адекватной стратегии реагирования на рост политической агрессивности и экстремизма нужны серьезные исследования самого феномена экстремизма молодежи и практики ее противоправной деятельности, а также юридических аспектов противодействия этой практики.

В антиэкстремистской деятельности не должно быть места политическому либерализму и правовому нигилизму. Для успешной борьбы с терроризмом и экстремизмом во всех их формах и проявлениях крайне важно создание необходимой правовой базы, действенное обеспечение судебного преследования лиц и организаций, виновных в экстремизме, и устранение причин, его порождающих.

Широкая дискуссия, развернувшаяся среди юристов, политологов, парламентариев, представителей общественных организаций и всех заинтересованных лиц в ходе обсуждения законопроекта «О противодействии экстремистской деятельности» продемонстрировала неоднозначные подходы к выработке политико-правовой

стратегии борьбы с политическим экстремизмом. Выяснилось, что даже среди профессиональных юристов и парламентариев пока нет единства взглядов на определение самого понятия «политический экстремизм». Так, в процессе подготовки и обсуждения Закона «О противодействии экстремистской деятельности» было представлено, по крайней мере, пять альтернативных подходов к этому вопросу. Если даже профессионалы не могут рассеять туман вокруг предмета, о котором идет речь, то не приходится удивляться тому высокому уровню неопределенности по поводу сущности экстремизма, который проявляется в российском общественном мнении.

Оказалось, нет единства мнений и о самой необходимости принятия специальных законов в данной сфере. Можно выделить, по крайней мере, три вида скептических суждений по этому поводу.

Первый тип. Его представителей можно назвать «правовыми нигилистами», отрицающими необходимость использования правовых механизмов противодействия политическому экстремизму. Вместе с тем мотивы этого нигилизма у разных представителей выделенной нами группы могут существенно различаться. Так, представители радикального либерализма считают, что только проявленное насилие наказуемо, в то время как «призывы к установлению диктатуры вполне демократичны и должны быть конституционно защищены». Необходимость специальных, в том числе законодательных, мер борьбы с экстремизмом отрицают и сторонники идеи полной саморегуляции политических процессов, полагающие, что само демократическое развитие общества устраняет опасность экстремизма.

Второй тип скептического подхода демонстрируют интеллектуалы в основном из среды правозащитников, которые полагают, что общий закон о противодействии экстремизму не нужен и даже опасен, поскольку может быть использован властями для расправы с любой оппозицией. При этом они признают саму необходимость правового регулирования экстремизма, но лишь в форме так называемых «частных запретов».

Третий тип критиков представляют интеллектуалы (социологи и политологи), которые в принципе не возражают против использования правовых и иных законных механизмов противодействия экстремизму, но сомневаются в действенности этих механизмов в сложившихся социально-культурных и политических условиях. Они полагают, что в России не созрели предпосылки для правового регулирования и поэтому любые законы в этой области окажутся мертворожденными.

Причины правового скептицизма представителей российской общественности понять можно. Только недавно познав политическую свободу, российское общество еще не научилось распознавать, где кончается свободное распространение идей и где начинается экстремизм — как покушение на эту самую свободу, как разрушение государственности. В действительности борьба с экстремизмом не является борьбой с инакомыслием, не противоречит принципу идейного, духовного и политического плюрализма. Как раз в странах с устойчивой политической системой обращают наибольшее внимание на любые, даже сравнительно слабые по российским меркам, проявления экстремизма. Например, по данным Министерства внутренних дел Германии, в этой стране только в 1999 году за экстремистские выходы — ксенофобию, антисемитизм, насилие на национальной почве — были осуждены 10037 человек, из них лишь 746 преступлений были связаны с применением насилия, остальные относились к преступлениям идеологического характера. В России до суда доводятся не более десятка дел, осуждаются же единицы.

Вместе с тем, спустя более трех лет после принятия Закона «О противодейс-

твии экстремистской деятельности» ситуация начинает меняться. В 2005 году возросло количество обвинительных приговоров и число возбужденных по этой классификации дел. Так в Волгограде, Петербурге, Воронеже и других городах осуждены члены группировок скинхедов. Заметно активизировалось уголовное преследование национал радикалов за преступления, совершенные по мотиву национальной ненависти. В Перми, Подмоскowie, Москве, Орле и других городах России вынесены приговоры, и десятки дел находятся в судах по насильственным преступлениям на основе национальной ненависти. За пропаганду национальной ненависти в первом полугодии 2005 года в ходе восьми процессов признаны виновными девять человек. Осуждены активисты РНЕ, НБП, Союза русского народа, закрыто ряд СМИ.

Очевидно, что деятельность экстремистских движений не встречает отпора со стороны государства и общества, то начинается эрозия всей общественно-политической жизни, размывание конституционных устоев:

- существенно повышается уровень дозволенного в политической сфере, т.е. респектабельными становятся политические силы, которые фактически являются маргинальными, и в результате снижается общий уровень политической этики, что репродуцируется на всю общественную жизнь;

- в обществе сгущается атмосфера нетерпимости, а, следовательно, все менее устойчивой становится политическая система.

Итак, в современном российском законодательстве существует комплекс нормативных актов, регулирующих деятельность граждан и юридических лиц, сопряженных с политическим экстремизмом.

На сегодняшний день существуют некоторые законодательные акты, или точнее, некоторые нормы законодательных актов, которые регулируют данный вопрос. Это, конечно же, Конституция Российской Федерации, две ее статьи – 13 – я и 29 – я. Так статья 282 Уголовного кодекса, которая устанавливает уголовную ответственность для физических лиц (подчеркиваю: для физических лиц) за разжигание национальной, расовой, религиозной розни, за публичные призывы к свержению конституционного строя и так далее. Имеются некоторые нормы в законе «Об общественных объединениях» и появились нормы в законе «О политических партиях».

С вступлением в силу федеральных законов «О противодействии экстремистской деятельности» 2002 года и «О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» данные действия будут входить в понятие экстремистской деятельности, а нарушение запрета распространять в СМИ экстремистские материалы и призывы к осуществлению экстремистской деятельности будет расцениваться как злоупотребление свободой массовой информации (ст. 3 Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности»).

В данных законах закрепляются основные положения государственной политики противодействия этой деятельности, устанавливается запрет на осуществление конкретных деяний, образующих в совокупности такую деятельность, подчеркивается значение профилактических мер. В целях более полного регулирования противодействия экстремистской деятельности закон на государственные органы возлагает обязанность предпринимать необходимые меры по противодействию экстремизму, в частности объявлять предостережения руководителям политических партий, общественных и религиозных объединений о недопустимости совершения

действий, могущих повлечь за собой экстремистские действия. В случае осуществления общественным, религиозным объединениям экстремистской деятельности, в результате чего причинен вред интересам личности, общества, государства или создана реальная угроза причинения такого вреда, государственные органы вправе приостанавливать деятельность такого общественного, религиозного объединения до рассмотрения судом заявления об его ликвидации.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: Молодежный экстремизм. Под ред. А.А. Козлова. СПб., 1996; Феномен экстремизма. Под ред. А.А. Козлова. СПб., 2000; Волков Ю.Г., Добренков В.И. и др. Социология молодежи. Ростов на Дону. 2001; Погосян А.А., Бондаренко С.В., Черноус В.В. Профилактика девиантного поведения молодежи. Ростов на Дону. 2003; Левикова С.И. Молодежная субкультура. М., 2004.
2. Т.С. Бояр-Созонович. Проблемы классификации современного терроризма. М., 1989; В.И. Замковой, М.З. Ильчиков. Терроризм – глобальная проблема современности. М., 1996; Г.М. Миньковский, В.П. Ревин. Характеристика терроризма и некоторые направления повышения эффективности борьбы с ним // Государство и право. 1997. № 8; Т.Б. Асанов, В.В. Федоров. Фомы терроризма и методы (способы) реализации террористических акций // Терроризм: современные аспекты. М., 1999; Б.К. Мартыненко. Теоретико-правовые вопросы политического терроризма (на примере России конца 80 – 90 –х гг. XX века). Автореф... Дис... канд. юрид. наук. Ростов-на –Дону, 1999; Ю.И. Авдеев. Типология терроризма // Современный терроризм: состояние и перспективы. М., 2000; А.В. Гыскэ. Теоретико-методологические аспекты обеспечения общественной безопасности Российской Федерации. М., 2000; П.А. Сельцовский. Разновидности и формы терроризма в современных условиях // Социально-гуманитарные знания. 2003. № 4; Ю.В. Гаврилин, Л.В. Смирнов. Современный терроризм: сущность, типология, проблемы противодействия. М., 2003; А.Ю. Пиджаков. Борьба с политическим экстремизмом и терроризмом: проблемы изучения // Правоведение. 2003. № 3; С.М. Кочои. Терроризм и экстремизм. Уголовно-правовая характеристика. М., 2005; Кафтан В.В. Терроризм как общественное явление современности (социально-философский анализ): Автореф. дис. ... канд. филос. наук. – М.: Военный университет, 2004. – с. 20.
3. См.: Терроризм в России и проблема системного реагирования. Под ред. А.И. Долговой. М., 2004; Борьба с терроризмом. Под ред. И.Л. Трунова. М., 2004; Терроризм в современном мире. М., 2003.
4. Пути России. Двадцать лет перемен. Международный симпозиум 2005. М., 2005. С. 314-315.
5. Цена ненависти. Национализм в России и противодействие расистским преступлениям. М., 2005. С. 62-72.

АННОТАЦИЯ:

В данной статье рассматриваются правовые основания, направленные на противодействие политическому экстремизму, а также вопросы профилактики политического экстремизма в молодежной среде.

Judicial bases which guided to counteract political extremism and to prevent political extremism of youth are shown in the article.

Белозерова А.В.,

преподаватель философии Московского технического колледжа
Мосэнерго, соискатель философского факультета
МГУ им. М.В.Ломоносова

ПЛАТОН И ГОГОЛЬ: МИФОЛОГЕМА «РУСЬ»
В ПОЭМЕ «МЕРТВЫЕ ДУШИ»

Проблема гоголевского платонизма давно привлекает исследователей. Еще в начале прошлого века ее затрагивали И.Аннеский и С.Шамбинаго, позднее В.Зеньковский соотнес с платоновскими идеями гоголевские художественные типы.

Гоголь писал, что «гений Платона... воскресает в Иоанне Златоусте». Очевидно, Платон мог служить для Гоголя не только философским, но и литературным авторитетом — писателем, облакавшим свои концепции в яркие и притягательные образы, поэтому отголоски платоновского влияния можно проследить в образной структуре гоголевских сочинений.

Например, не раз обращалось внимание на знаменитый образ пещеры из 7-й книги «Государства». С.Шамбинаго объявляет «пещерой» мир героев «Женитьбы», а М.Вайскопф — город, в котором поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем. Сопоставляя тексты платоновского «Государства» и «Повести о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», Вайскопф показывает влияние античного мыслителя на Гоголя.

Так, в 7-ой книге «Государства» Сократ, говоря о выборе правителя, утверждает, что любовь к наукам есть его необходимая добродетель: «У них, друг мой, должна быть острая восприимчивость к наукам и быстрая сообразительность...» (535bc). Невежественного, недобросовестного и неспособного к учению градоправителя Платон сравнивает с хромоногим человеком: «Мы будем считать *душу покалеченной*... если она... снисходительно станет допускать ложь нечаянную и *не стесняться, когда ей укажут на невежество, в котором она легкомысленно выпачкалась не хуже свиньи /.../* Не умеющий это различать — будь то частное лицо или государство — сам того не замечая, привлечет для тех или иных надобностей — в качестве друзей ли или *правителей — людей, хромящих на одну ногу...*» (535e-536a).

Вайскопф отмечает, что комментируя этот раздел, переводчики XVIII века акцентировали его аллегорическую сторону: «Платон присовокупляет, что тот человек *хром есть и неразумен*, который не способен к деянию и умозрению. Чего ради *избирает к градоначальствию тех, кои... в науках наставлены*. Между тем примечать должно, что лживого исключает *от градоправительства аки единогоубогого, недостаточного и несовершенного*». Платон невежд «именует слепыми и в сновидении сущими, поелику принимают они образы вещей за самые вещи и почитает за безумное поручать стражу города слепым.»

У Гоголя Миргородом управляет *хромой городничий*: «Левая нога была у него прострелена в последней кампании, и потому он, прихрамывая, закладывал ею так далеко в сторону, что разрушал этим почти весь труд правой ноги». Юридическая дискуссия о свинье, нарушившей «порядок благочиния», выказывает тупость и невежество городничего, ничуть его не смущающее: «Конечно, *я наукам не обучался никаким*: скорописному письму я начал учиться на тридцатом году своей жизни /.../ Но мой долг, — продолжал городничий, — есть повиноваться требованиям правительства». Это заверение, однако,

ничуть не препятствует его уступчивости в трактовке «закона».

Стоит напомнить и о прочих калеках и слепцах города — здесь и его одноглазый и однурукий страж — солдат, и «кривой Иван Иванович», вместе с городничим пытающийся помирить героев: «Вот уже, слава богу, есть два года, как поссорились они между собою, то есть Иван Иванович с Иваном Никифоровичем; и где один, туда другой ни за что не пойдет!

- Что вы говорите! — При этом кривой Иван Иванович поднял глаза вверх и сложил руки вместе. — Что ж теперь, если уже люди с добрыми глазами не живут в мире, где же мне в ладу с кривым моим оком!». Растягиваясь на весь Миргород, символике платоновской пещеры соответствует в конце повести слезливое беспросветное небо с заключительной фразой: «Скучно на этом свете, господа!»

Вайскопф, характеризуя художественный мир Гоголя, употребляет термин «мир идей». Он утверждает, ссылаясь на известных исследователей творчества писателя, что конкретная «идея», мотив обретают у Гоголя вещно-образное выражение, гипостазируются, поэтому вещь у Гоголя достаточно часто наделяется специфическим смыслом, неадекватным ее сюжетному значению. Более того, одни и те же «веще-образы» могут иметь прямо противоположное значение. Например, знаменитые гигантские шаровары в «Тарасе Бульбе» и в «Повести о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»: в первом случае образ олицетворяет идею «высокой бесконечности», во втором — наоборот, идею «пошлой вещественности», проецируемой в дурную бесконечность.

Карикатурность гоголевских персонажей обусловлена именно «технологией» художественного процесса (методом объективации и гипостазирования, лежащем в основе гоголевской поэтики), а не мировоззрением писателя. Гоголь понимал ирреальность и фиктивность «своего иного мира»; его «мир идей» не был материальным, в самом прямом значении этого слова он был выдуман Гоголем.

Сущность гоголевского мира идей — это небытие, бездуховность. Бездушный мир, статичный и омертвелый в своей косности, представляет собой фикцию настоящего бытия. Гоголь сознательно конструирует свой поэтический мир как неподлинное, как искаженное отражение мира иного, подлинного. «Мы вправе предположить, пишет Вайскопф, что опредмечивание антагонистических идей порождает изоморфную — симметрическую организацию пространства /.../ Мы выдвигает понятие зеркальности в качестве одного из ведущих структурных признаков поэтики Гоголя».

Внутренней статике, неподвижности гоголевских персонажей противостоит тема полета, символизирующая одухотворение, воскресение героев. «Россия» (конгломерат «мертвых душ») неравнозначна «Руси-тройке», которая «мчится, вся вдохновенная Богом!»

Семантика знаменитой тройки занимала многих исследователей. Андрей Белый, в частности, указал на психологическое сходство между конями, запряженными в чичиковскую бричку, и ее хозяином. Кони понимаются Белым как «способности» Чичикова. Одна из них, персонифицируемая «лукавым конем» Чубарым, сосредоточившим в себе свойства Чичикова-мошенника, «не везет, куда нужно, отчего ход тройки — боковой ход, поднимающий околесину». Исследователи практически единодушны в том, что источником образа послужил раздел «Федра» Платона, в котором человек уподобляется колеснице, везомой конями, а душа — вознице, держащему бразды. Платоновская характеристика коней в «Федре» чрезвычайно напоминает гоголевскую. Белый конь, обозначающий у Платона разумную сторону души,

«любит почет, но при этом рассудителен и совестлив; он друг истинных мнений, его не надо погонять бичом, можно направлять его лишь приказанием или словом. А другой - /.../ черной масти /.../ друг наглости и похвальбы, от косяк вокруг ушей он глухой и еле повинуется бичу и стрекалу»(253de). Ср. у Гоголя: «Этот чубарый конь был сильно лукав и показывал только для вида, будто бы везет, тогда как коренной гнедой и пристяжной каурой масти /.../ трудился от всего сердца, так что даже в глазах их было заметно получаемое ими от того удовольствие. «Хитри, хитри! Вот я тебя перехитрю!» - говорил Селифан, приподнявшись и хлыснув кнутом ленивца».

В «Федре» колесницы богов беспрепятственно поднимаются по небесному хребту, созерцая то, что за пределами неба; «зато остальные двигаются с трудом, потому что конь, причастный злу, всей тяжестью тянет к земле и удручает своего возницу, если тот плохо его вырастил» (247b). Чтобы вернуться на небо, говорит Сократ, «душа человеческая» должна окрылиться.

В. Розанов назвал Гоголя «пророком русского преобразования». Исходный смысл понятия «преобразование», понятия, которое в христианстве является центральным, мы находим у Платона. Своеобразие платоновского мистицизма состоит в акценте на преобразующую силу процесса восхождения к знаниям, когда у души вновь вырастают крылья, желание приподняться, лететь и вернуться к Богу. Добродетель в том и состоит, что мы из состояния невежества приходим в мир подлинный.

В поэме «Мертвые души», как и в творчестве Гоголя в целом, исключительно важную роль играет «хронотоп дороги» (термин М. Бахтина). Он организует художественное пространство поэмы, которая предстает как описание путешествия Чичикова по просторам России. По мере того, как разворачивается это описание, зримые черты обретает идея пути, входящая в состав культурных архетипов, относящихся к осмыслению мифологемы Русь. На сюжетной метафоризации идеи пути основано одно из самых ярких и притягательных мест «Мертвых душ» - лирические отступления автора.

В момент создания «Мертвых душ» в российской словесности уже наличествовали абсолютно все компоненты национального мифа, вошедшие в гоголевскую поэму: пустынная бесконечность России, взывающая к труду и обустройству, её юная мощь, неудержимое молодчество и удаль. Но все эти составные, будучи одновременно и некой метафорой русской идеи, пребывали по большей части в разобщенном состоянии, и потребовался художественный гений Гоголя, чтобы соединить их в ослепительный метафизический образ.

«Открытая пустынность», бескрайность русских пейзажей соотносится у Гоголя с неоформленностью, неявленностью платоновского мира идей, куда возносится в «Федре» колесница души: «Эту область занимает бесцветная, без очертаний, неосязаемая сущность, подлинно существующая, зримая лишь кормчему души — уму»(247d).

Гоголь, считает Вайскопф, подключается здесь к огромной христианско-неоплатонической традиции, в которой платоновское восхождение в мир идей трансформировалось в «окрыление души», а сам незримый мир идей — в «сверкающую, чудную, незнакомую земле даль», как та, в которую преобразается у него Русь.

Русская бесцветная бесконечность, неполнота, лишенность отождествляется Гоголем с мистическим абсолютом — с Ничто как скрытым потенциалом всей полноты бытия. Сущность дематериализованной страны открывается не суетному мирскому взгляду, прельщенному земными страстями, а взору духовному:

«Русь! Русь! вижу тебя, из моего чудного, прекрасного далека тебя вижу: бед-

---

но, разбросанно и неприютно в тебе; не развеселят, не испугают взоров дерзкие дива природы, венчанные дерзкими дивами искусства, города с многооконными высокими дворцами, вросшими в утесы, картинные деревья и плющи, вросшие в дома, в шуме и в вечной пыли водопадов; не опрокинется назад голова посмотреть на гроздящиеся без конца над нею и в вышине каменные глыбы; не блеснут сквозь наброшенные одна на другую темные арки, опутанные виноградными сучьями, плющами и несметными миллионами диких роз, не блеснут сквозь них вдаль вечные линии сияющих гор, несущихся в серебряные ясные небеса. Открыто-пустынно и ровно все в тебе; как точки, как значки, неприметно торчат среди равнин невысокие твои города; ничто не обольстит и не очарует взора».

«Не обольстит», «не очарует», «не развеселят», «не испугают» - это отрицательный показ бесконечной Руси есть своеобразный патриотический вариант отрицательной теологии, в которой абсолют дается только негативно, через снятие любой локализирующей данности. Все негативные определения Руси у Гоголя подтягиваются к главному — её равнинной бесконечности, соотносимой с «безграничной идеей»: «Что пророчит сей необъятный простор? Здесь ли, в тебе ли не родится беспредельной мысли, когда ты сама без конца? Здесь ли не быть богатырю, когда есть место, где развернуться и пройти ему? И грозно объемлет меня могучее пространство, страшную силою отразясь во глубине моей; /.../ У! какая сверкающая, чудная, незнакомая земле даль! Русь!...».

Русь-тройка у Гоголя отождествляется с той сакральной сферой, куда она рвется. Именно этим и объясняется тот озадачивший многих критиков парадокс, что «рессорная небольшая бричка, в какой ездят холостяки», трансформируется в птицу-тройку, а Чичиков вместе с помещиками и крепостными — в олицетворение бесконечной мощи русской души. Именно эту сторону процесса восхождения — неуклонное расширение исходного образа — выделил С.Эйзенштейн, комментируя гоголевскую статью об архитектуре: «И здесь, как в эскизе, мы прочитываем все ту же шкалу выбрасывающихся друг из друга градаций, согласно которым много лет спустя Гоголь добьется описания патетического полета птицы-тройки».

В черновиках Эйзенштейна за 1947 год сохранился соответствующий набросок: «1) Чичиков в тройке; 2) Тройка вообще; 3) «Выдумать мог только бойкий народ»; 4) «Не так ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка...» (формула атомной бомбы).

Скорее, отмечает Вайскопф, описанный прием сопоставим с полетом ракеты, поскольку движение организуется по реактивному принципу — сама череда отталкиваний от «всего, что ни есть», обеспечивает нарастающую скорость Руси. Очевидно, это та же «многоступенчатая ракета», которую Г.Чудаков — именно как принцип расширения — усмотрел в автономных планах гоголевских метафор, вырывающихся «из зоны притяжения фабульного ядра с каждой новой ступенью».

«Не так ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка несешься? Дымом дымитесь под тобою дорога, гремят мосты, все отстает и остается позади. Остановился пораженный божьим чудом созерцатель: не молния ли это, сброшенная с неба? что значит это наводящее ужас движение? и что за неведомая сила заключена в сих неведомых светом конях?»

Снятие, отторжение как чистая динамика фатально несет на себе печать демонизма. Русь в своем «наводящем ужас движении» обнаруживает инфернальную природу стремительного бега. Казалось бы, налицо амбивалентность образа — горящая, сверкающая Русь-икона пронизана у Гоголя тем же, что в «Вие», тоскливым стра-

хом и унынием, а также налицо и двойственность самого автора. Об этом говорит В. Мильдон в монографии «Эстетика Гоголя»: «По содержанию своего беспримерного метафорического дара Гоголь был языческим поэтом. По своей же осознанной мысли он — христианин, который, чувствуя в себе неконтролируемую житейским и православным обиходом поэтическую силу, хочет превратить её в орудие христианского подвига. Эту двойственность Гоголю не удалось преодолеть: чем интенсивнее его творчество, в основе которого убеждение в безграничной мощи слова, тем бессильнее все его попытки направить эту мощь на христианское переустройство мира, чего писатель очень и очень желал /.../. Когда же Гоголь попробовал прямо подействовать на мир, заранее рассчитав цели («Выбранные места из переписки с друзьями»), он не добился своего: его авторская сила заключалась как раз в не контролируемом им «язычестве», которое, становясь заранее выбранным орудием, теряло именно те качества, из-за которых им хотел воспользоваться Гоголь».

Но эта двойственность, утверждает А. Лазарева, или «зафиксированное противоречие само нуждается в объяснении и побуждает доискиваться его источника. Такое изыскание наводит на мысль, что противоречие принадлежит не исследуемому предмету, а отчужденной от него сфере, тени его, миру искаженных отображений /.../ Может быть, мы из-за *односторонности* или ошибочности своего подхода впадаем в противоречие, но тем не менее приписываем его Гоголю, может быть, в основе духовного строя Гоголя заключено прочное единство и целостность, не коснеющая в разладе, а развивающаяся через него и преодолевающая его».

Развитие и становление свойственны самой природе художественного дара Гоголя. Его «двойственность» преодолевается движением его мысли, его духовным опытом.

Задача воссоединения земного и небесного, демонического и божественного, т.е. задача синтетического воссоздания мира, предпринятая Гоголем в «Вечерах на хуторе близ Диканьки», оказывается неразрешимой. Поле битвы все же остается за демоническими силами, как более весомыми и действенными. В повестях петербургского цикла автор по большей части маскирует невозможность найти положительное решение конфликта общим комизмом положения. Но, раскрывая тему «хаоса», «суеты» и иллюзорности мира, Гоголь не оставляет надежды и веры в существование так называемого «третьего решения». Это реальное преображение демонических сил. Встает задача «выявления» соответствующего сакрального примера или сакрального образа. Таким «становящимся абсолютом» становится для Гоголя Россия.

Как уже отмечалась, в 30-е годы XIX века в русской культуре активизируется поиск так называемой «национальной идеи».

Своеобразный итог этому культурологическому движению подвел Вл. Соловьев. В 1888г. он делает доклад «Русская идея», в котором была представлена концепция исторического и национального развития России. Всеединство, а в перспективе и «всечеловечность» по Достоевскому, позволяет России реально воплотить божественную правду на земле.

Показательно, что Гоголь называет свою страну по преимуществу — Русь. Россия для него — современное государство, понятие же Русь — почти эпическое. Мифологема Русь охватывает этническое, историческое, культурное пространство, включает в себя комплекс идей, относящихся к будущему и прошлому, истории и культуре, самосознанию русского человека. Реальные картины перетекают в символические. Русь, явленная в образе стремительно летящей птицы-тройки — это образ-символ, с которым связано у Гоголя осмысление исторических судеб России.

Черты женственного мира платоновских идей Гоголь переносит на Русь. Русь – «безграничная идея» – отождествляется Гоголем с Софией в неоплатоническом понимании этого термина как «мировая душа». София как самостоятельное философское понятие возникает в философии Платона и приобретает особое значение в позднеантичном неоплатонизме. София является важнейшей диалектической категорией неоплатоновской философской мистики. Её двуединый, противоречивый характер есть выражение идеи вечного становления, творческой природы самого мироздания.

Особое значение приобретает софиология в русской религиозно-мистической философии конца XIX – начала XX века, особенно в философии Вл. Соловьева. Соловьев полагал, что специфическая интуиция Софии имеет особую значимость в русской культуре. Именно в России идея Софии оказывается глубоко укорененной и постоянно раскрывающейся в своей полноте и конкретности. «Христианская истина, – писал Вл. Соловьев, – в этом окончательном виде, как полное и конкретное воплощение Божества, особенно привлекала религиозную душу русского народа с самых первых времен его обращения в христианство. Посвящая древнейшие свои храмы святой Софии, субстанциональной Премудрости Бога, русский народ дал этой идее новое воплощение, неизвестное грекам (которые отождествляли Софию с Логосом).

Тесно связывая святую Софию с Богородицей и Иисусом Христом, религиозное искусство наших предков тем не менее отчетливо различало ее от Того и Другой, изображая ее в образе отдельного Божественного существа. Она была для них небесной сущностью, скрытой под видимостью низшего мира, лучезарным духом возрожденного человечества, ангелом-хранителем земли, грядущим и окончательным явлением Божества.

Так, наряду с индивидуальным, человеческим образом Божества – наряду с Богородицей и Сыном Божиим – русский народ знал и любил под именем святой Софии социальное воплощение Божества и Церкви Вселенской».

Задача состоит в том, считает Вл. Соловьев, чтобы этой «истинно национальной» идее дать выражение. «Дело в том, чтобы дать ясную форму живой мысли, которая зародилась в древней Руси и которую новая Россия должна поведать миру».

В этом рассуждении Вл. Соловьева, пишет А. Ф. Лосев, «мы находим доведение идеи Софии до предельного обобщения, толкование этого обобщения как социально-исторического и усмотрение творца этой социальной обобщенности в русском народе...». Здесь перед нами, утверждает А. Ф. Лосев, не просто какой-то обывательский и квасной патриотизм, но патриотизм, укорененный в религиозных, национальных глубинах.

Образ России в поэме «Мертвые души», очевидно, перерастает границы категории «художественный образ». Именно поэтому в современной исследовательской литературе появилось понятие «мифологема Русь», которое обретает уже смысл философской категории.

Как отмечают многие исследователи отечественной культуры, русская философская мысль, в отличие от европейской, проникнута и согрета душевным участием и любовью; она вдохновляется определенной идеей, духовным опытом конкретных людей. Понятие «духовный опыт» становится центральным в философских построениях Н. Бердяева. Термины «душа России», «судьба России» в их софиологической окраске были также усвоены русской религиозно-мистической философией конца XIX – начала XX века, в которой идеи Гоголя получили свое дальнейшее развитие и философское оформление.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. И. Анненский. Художественный идеализм Гоголя /И. Анненский. Книги отражений. М., 1979. С.217-218, 220; С. Шамбмаго. Трилогия романтизма: (Н.В.Гоголь). М., 1911. С.76
2. В.Зеньковский. Н.В.Гоголь. Париж, 1964. С.80
3. Н.В.Гоголь. Полное собр. соч. М.,1937. Т.8. С.192
4. М.Вайскопф. Птица тройка и колесница души: Платон и Гоголь /М.Вайскопф. Птица-тройка и колесница души. М., 2003, с.204.
5. Платон. Соч.: В 3 т. М., 1968 – 1972г. Т.3. Ч.1, с.347
6. Платон. Указ., соч., с.348
7. Цит. По: Вайскопф. Указ.соч., с.204
8. Н.В.Гоголь. Указ.соч., т.2, с.256
9. Там же, с.259
10. Там же, с.265
11. Тынянов Ю.Н. Достоевский и Гоголь (К теории пародии) / Тынянов Ю.Н. Архаисты и новаторы. Л., 1929. С. 417; Белый Андрей. Мастерство Гоголя. М.; Л., 1934. С.45; Виноградов В.В. Этюды о стиле Гоголя / Избранные труды. Поэтика русской литературы. М., 1976. С. 280
12. М.Вайскопф. Поэтика петербургских повестей Гоголя (Приемы объективации и гипостазирования) /М.Вайскопф. Указ. Соч., с.48
13. Там же, с.51
14. Андрей Белый. Мастерство Гоголя. М., 1934. С. 95
15. Платон. Указ., соч., т.2, с.190
16. Н.В.Гоголь. Указ.,соч., т.6, с.40
17. Платон. Указ., соч., с.182
18. Д.Антисери и Дж.Реале. Западная философия от истоков до наших дней. Античность и Средневековье: /В переводе и под редакцией С.А.Мальцевой. СПб.: Пневма, 2001. С.154
19. П.И.Сазонова. Литературная генеалогия гоголевской птицы-тройки. /Поэтика русской литературы. К 70-летию Ю.В.Манна/. М., 2001, с.161
20. Платон. Там же, с.183
21. М.Вайскопф. Сюжет Гоголя. Морфология. Идеология. Контекст. М. 2003г., с.544-550
22. Н.В.Гоголь. Указ., соч., т.6, с.220
23. Там же, с.221
24. Эйзенштейн С. Избр. произведения: в 6т. М., 1964. Т.3. С.195, 629
25. Цит. по кн. М.Вайскопф. Сюжет Гоголя. С.570
26. Н.В.Гоголь. Там же, с.247
27. В.И.Мильдон. Эстетика Гоголя. М., 1998, с.67
28. А.Н.Лазарева. Духовный опыт Гоголя. М., 1994, с.27
29. Вл.Соловьев. Россия и вселенская церковь. М., 1911, с.371
30. Там же, с.372
31. А.Ф.Лосев. Владимир Соловьев и его время. М., 1990, с.254-255

АННОТАЦИЯ

Понятие «София» — центральное в русской религиозно-мистической философии, в контекст которой автор статьи пытается включить некоторые идеи Гоголя. В истории понятия «София» выделяют две творческие эпохи: Платон и неоплатонизм и православная софиология. У Вл.Соловьева и его последователей София — это осуществленный социальный идеал, носителем которого является Россия. По мнению современных исследователей творчества Гоголя мифологема Русь в поэме «Мертвые души» — это гениальная поэтическая метафора подобных национальных устремлений.

The idea of «Sophia» is a central notion in Russian religious-mystic philosophy. The author of this article tries to include some of Gogol's ideas within this philosophy. There are two creative epochs in the history of the notion: Platon and neoplatonism, also Orthodox Sophiology. Viadimir Solovyov and his followers considered Sophia as a realist social ideal. Contemporary researchers of Gogol's works think that mythologema Russia of Dead Souls is a genius poetic metaphor of such national aspirations

Ионова Т.А.,

к. филос. н., зав. лабораторией «Русская школа как система воспитания и образования» ВИПКРО (г. Владимир)

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ НА РУССКУЮ ШКОЛУ КАК МОДЕЛЬ СЕМЕЙНОГО ВОСПИТАНИЯ

История русской школы восходит к первым христианским школам X века князя Владимира (Крестителя). Именно эти школы были школами глубокого патриотизма и всеобъемлющей любви к мирозданию, высокой духовно-нравственной позиции личности, чистоты и глубины чувств, добра и истины. Это были первые шаги отечественного просвещения, определившиеся впоследствии славными образами Александра Невского, Сергия Радонежского, Серафима Саровского и других подвижников благочестия.

Личность и народ, свобода и нравственность рассматривались школой России XV-XVIII вв. в неразрывной связи с понятием Отечества. А после патриотического подъема, вызванного войной 1812 года, идет развитие российского образования на основе национальных ценностей. Н.И. Пирогов и К.Д. Ушинский, ратовавшие за народную педагогику, строят свои школы, где во главу угла ставят духовно-нравственные ценности. В дальнейшем великие мыслители-педагоги П.Ф. Лесгафт, П.Ф. Каптерев, Л.С. Выготский, В.В. Розанов, С.И. Гессен, К.Н. Венцель развили идею о национальном характере образования. В XX веке эти идеи легли в основу авторских школ М.П. Щетинина, Е.Н. Ильина, И.Ф. Гончарова, Л.Н. Погодиной и других.

Усугубляющийся в XXI веке (не без помощи СМИ и процесса глобализации) дисбаланс материальной и духовной сущности культуры и отсутствие передачи ее как таковой от старшего поколения к младшему ведет к утере обществом духовно-нравственных ценностей. Это отражается в кризисе человеческой личности и, прежде всего, в ее психологическом, нравственном и духовном аспектах.

Отражение проблемы видится в семье. Этот институт общества, как никакой другой, остро реагирует на отсутствие трансляции культуры. Школа России всегда брала на свои плечи заботу о ребенке. Любовь, взаимопонимание, родительская ласка, обязанности члена семьи, общие заботы, ответственность, воспитание, создание домашнего очага, столь необходимые человеку, – вот неполный перечень того, чего лишены сейчас многие из наших школьников. Не потерять ребенка, а определить его в мировоззренческом аспекте, – эта задача выводит нас на понимание образования как пространственно-временной субстанции, формирующейся в процессе генерации и трансляции культуры, в которой при пересечении сфер просвещения и воспитания и в их единстве со сферами семьи и социума идет формирование человека. Состояние современных сфер в российском образовании определяет назревшую необходимость обновления его содержания и, в первую очередь, философских оснований как этого содержания, так и форм, методов, принципов. Предлагаемая нами “образовательная антропология” будет способствовать обеспечению единства обучения и воспитания, выработке высоких духовно-нравственных начал в деятельности человека в природе и обществе.

Идея «школы – семьи» разворачивается нами на основе 1) синтеза трех наиболее значимых аспектов понятия «дом» и 2) понятия «семья». Современный толковый словарь русского языка С.И. Ожегова трактует «дом» как 1) «жилое здание и люди, живущие в нем»; 2) «семья, люди, живущие вместе»; 3) «династия, род».

«Семья» - это 1) группа живущих вместе родственников; 2) объединение или единство людей, сплоченных общими интересами (1). Реализация идеи «школы – семьи» будет означать создание “школы-дома”, “школы-семьи” для ребенка, где все будут жить “единым домом”: педагоги, дети, родители. Устои, традиции, обряды, ремесла этого “дома” — все будет отвечать родной русской “династии”. Ребенок любой национальности, войдя в такой “дом”, ощутит и познает всю силу и глубину русской культуры, ощутит на себе ее положительную воспитывающую энергию. Это и будет “реально существующим воспитательным действием” этой культуры.

В “школе-семье” имеет место процесс преемственности в развитии культуры, то есть сохранение существующих и накопление новых культурных традиций. Растущий человек формирует себя как культурно-историческую личность. Аспекты такой личности будут соответствовать распределению мира культуры, которую человек понял и принял. Идея «школы-семьи» может стать основой построения модели школы воспитания и обучения действительно культурной личности, поскольку подлинные человеческие ценности “зреют” на родной почве, нравственной уже по своей сути.

Н.А.Бердяев писал: «Человек входит в человечество через национальную индивидуальность... Человек не может перескочить через целую ступень бытия... Мечта о человеке и человечестве, отвлеченных от всего национального, есть жажда угашения целого мира ценностей и богатств» (2). Философско-методологическая и педагогическая концепция модели «школа – семья» отвечает времени, в котором эта школа будет развиваться. В России много детей, действительно нуждающихся в теплом, уютном доме и семье, которой могут и должны стать их родная школа и заботливый педколлектив.

Следует выделить приоритетную важность включения духовно-нравственной компоненты в семейное воспитание. Проблему преодоления духовно-нравственного кризиса общества невозможно решить без осуществления комплексного культурно-просветительного влияния на семью. Семья является основой формирования системы жизненных ценностей и отношений ребенка, используемой им затем в качестве инструмента освоения социальной среды. Комплекс мер социально-культурного, медико-педагогического и духовно-нравственного сопровождения семьи на разных этапах ее развития поможет возвращению семье функции воспитания детей как «питания» не только телесной, но и духовной пищей. Эта пища есть сущность *категорий ценностей русской культуры: духовности, святости, нравственности, мудрости, народности, эстетического начала, трудолюбия, патриотизма, чувства семьи* (3). Данные категории рассматриваются нами как *методологическая база* построения модели «школа-семья».

Научно-философский подход к пониманию *духовности* как одной из *категорий* модели «школа-семья» основан на признании ее свойством сознания человека. Причем, современные русские философы определяют духовность как “ценностное содержание сознания”. Духовность в русской философской мысли всегда рассматривалась 1) как “категория сущности”, представляющая собой не гносеологическую противоположность материальности, а онтологическое тождество с нею и 2) как связанная с сущностью и подчиненная ей “категория функции” (предназначения человека) (6).

Однако, надо признать, что духовность имеет основой все же христианскую антропологию (В.В.Зеньковский). “Учение о человеке должно истолковывать и то, что человечество в целом... едино именно в свете идеи образа Божия... и призвано раскрыть единство человека и мира... в самой сердцевине души” (7). Осознание че-

---

ловеком “желаемого” и “должного”, понятий “можно” и “нельзя”, оценка своих поступков с позиций Божьих заповедей в христианстве — это функция духа человека. Вот почему духовное не может быть безличным. Это сфера личного бытия, силу которого мы ощущаем в каждом человеке. Онтологическое основание духовности — в глубине и силе человеческого духа и в ценностной характеристике человека, выражающей специфику его существования в природе и обществе. Духовная доминанта русской культуры вошла в мировую сокровищницу культуры, поэтому приоритетность ее в воспитании на основе русской культуры неоспорима.

Высшая форма духовности в отечественной культуре — *святость*. “Святое” всегда обозначало у славян “иночеловеческое”. Когда говорили: “святые” дни, горы, небо, мать-земля, открывался мир, в который человек мог ступить, достигнув вершин духовности. Выражение “Святая Русь” показывает, как русский человек осознавал свою Родину, свое Отечество. Эта земля была не похожа для него на другие земли. Считалось, что эту землю “исходил” сам Господь Бог (позднее находим это в творчестве Ф. Тютчева, А. Блока и др.). Человек испытывал к своей земле любовь, уважение, благоговение, что отразилось в народном творчестве, литературе, истории, музыке.

Е. П. Белозерцев, уточняя понимание святости, указывает, что ее надо рассматривать как “системообразующую силу личности”, через которую человек познает и любовь, и добро, и верность, и самопожертвование. “Нация и ее истоки... содержат в себе как условие своего существования святые человеческие отношения” (8). Вот почему в идее «школы-семьи» святость рассматривается наряду с духовностью и нравственностью как одна из наиболее важных категорий личности.

Нравственность детально разработана в “Нравственной философии” Вл. Соловьева (9). Нравственность определяется им как “систематический указатель правого пути жизненных странствий” человека. «В реализации идеи добра состоит акт нравственности человека». Процесс этот реализуется в “трех переживаниях”: стыд, жалость, благоговение. Они помогают человеку понять суть добра, раскрывают его негативные черты характера, подводят к пониманию любви. Любовь противопоставляется эгоизму, бесстыдству и безжалостности. Гармоничное развитие личности достигается нравственным равновесием жизни. Через нравственность человек познает мораль. Моральный человек задается вопросом: зачем я живу, и отвечает на него: чтобы творить добро. В русской культуре (литературе, музыке, устном народном творчестве, особенно сказках) мы находим подтверждение этому. Творить добро человек может только в том случае, если верит в его значение, в его обязательность, в его величие.

История человечества дает нам немало примеров антигуманного, безнравственного проявления активности человеческого разума. Разум, обладающий самосознанием, конечно же, потребует от человека новой онтологии взглядов, стандартов, идеалов. Будет формироваться новая нравственная основа бытия человека. Вот почему антропологический аспект *категории мудрости (разума)* включает в себе идею формирования качественно нового мировоззрения личности, оценивающей эволюционный процесс с глубоко нравственных позиций (3). Духовно-нравственная основа разумной деятельности позволят человеку обеспечить продуктивное развитие общества и природы.

Воспитание и обучение личности невозможно без народных основ в образовании. “Воспитание берет человека всего, как он есть, — указывал К. Д. Ушинский, — его тело, душу и ум, — и, прежде всего, обращается к характеру человека, а харак-

тер и есть именно та почва, в которой коренится народность” (10). *Народность* как проявление национального духа в языке, истории, искусстве, религии, нравах, общественных явлениях и культуре в целом отождествляется у нас с восстановлением цельности бытия человека. Проявления духа народа — это целый мир с неизмеренными глубиной и широтой души, изучение которых ведет к открытию первопричин бытия человека. Народность как категория личности сопряжена с понятиями добра, истины, благотворительности, миролюбия, любви. Народность связывает человека с его предками и потомками, подвигает к руководству принципами христианской (православной) морали в семье, обществе, быту, пониманию патриотических чувств при решении проблем человечества.

Формирование черт характера личности идет через отечественную культуру, которая предстает и как концентрированный исторический опыт народа, и как его интеллектуально-практическая ориентация, и как способ отражения мироздания. Национальная культура — не просто среда, питающая личность, это производство, сохранение, репродуцирование и социальное функционирование культурных ценностей, питающих своими животворными силами каждого, кто стал на путь познания истины, красоты и добра. Важно включение в содержание образования всех аспектов родной культуры, а не только фольклора, что часто наблюдается в школе.

Любовь к Родине, жертвенное отношение к ней, готовность верно служить делу процветания Отечества, быть верным девизу предков “послужить Богу, Отечеству, людям” и готовым в любой момент “отдать душу” за свой народ и за свою землю — все это характеризует *патриотизм* личности. “Жертвенное отношение к дому” проявляется в “чувстве моральной обязанности человека перед соотечественниками” (А.Л.Чижевский) (11). В этом проявляется яркая черта русского менталитета — вселенская отзывчивость.

Важно рассматривать *эстетическое начало человека* как эстетическое самовоспитание личности (Ю.А.Огородников) (12). Эстетическое самосовершенствование как сформировавшаяся потребность воспринимать и осознавать выразительность и глубину смысла форм действительности ведет личность к борьбе с пороками (безжалостность, бездушие), к укреплению положительных душевных черт личности (любовь, раскрытие лучших национальных черт, единение с другими людьми, преобразующее и созидательное начало).

Философия образования определяет эстетическую воспитанность человека в действительном, а не поверхностном восприятии красоты, искусства, выразительных форм действительности. Человек как творец искусства реализует свое нравственное самосовершенствование в “предметах творчества”. Н.Ф.Федоров выделяет здесь архитектуру с “ее вершинным достижением” — храмом (4). Величие храмовой архитектуры возвеличивает и самого человека. Духовность, “излучаемая” в храме, “входит в каждого как акт нравственно-эстетического творчества”, оказывая глубочайшее влияние на состояние души человека.

Трудолюбие обычно свойственно тем людям, стремление к самосовершенству у которых становится неотъемлемой частью их сознания. Деятельность человека в обществе, природе, мироздании — прямой результат его уровня работоспособности и умения направлять мыслительную деятельность. Рассматриваемый нами как *категория личности* труд основывается на понятиях: 1) деятельность человека; 2) работа, занятие; 3) усилие, направленное на достижение цели (1).

Очевидно, что данный категорийный аспект личности связан с ее творческой активностью. Вся народная культура рождена трудом, трудовой деятельностью

— основой существования человека. Труд воспет в народных песнях; главное качество народных героев — трудолюбие. В русском языке отношение к труду однозначно положительное: “землица-матушка”, “красно солнышко”, “золотой дождичек”, “земля-кормилица”, “под лежащий камень вода не течет”, “деревья смотри в плодах, а людей в делах”, “без труда не вынешь и рыбку из пруда”. В учебно-воспитательном процессе школы должны реализоваться идеи воспитания трудолюбия через создание системы трудового воспитания, охватывающей все аспекты школьной деятельности.

Семья как *категория личности* разворачивается на понятии “семьянин”. Эта категория не может формироваться без знания личностью русских православных семейных традиций, нравственных устоев семьи, формировавшихся мудростью поколений нации. Философско-антропологические воззрения на семью в русской философии идут от Н.Ф.Федорова (4). Человек в семье связан тесными узами общих предков и единой судьбы. “Семья должна оставаться той нравственной единицей, где все суть один”. Здесь можно наблюдать проявление “двух добродетелей”: бескорыстия и любви, имеющими основу — христианские нравственные заповеди. По заповедям складывается *круг обязанностей личности*: уважение и любовь к родителям, сестрам и братьям, родственникам; почитание старших; уступчивость друг другу; соблюдение нравственного долга перед “отцами”; трудолюбие и круг своих обязанностей; взаимопомощь, милосердие, жалость, доброта.

По П.А.Флоренскому, творческий переход из самозамкнутости в сферу “другого”, самораскрытие в этом “другом” — суть проявления личности в семье. “Совхождение” людей в таинственную духовную атмосферу “претворяет их в новую духовную сущность”. Любя “другого”, человек в семье преодолевает свое себялюбие и вступает в “новую область бытия” (святость), где “повсюду имеется отпечаток красоты” (5).

Эти идеи дают нам ориентиры в определении основы развития ребенка. В первую очередь, это его общение с родителями, бабушками, дедами, чего не может заменить ни один компьютер, ни ТВ, ни радио, ни средства массовой информации. Только взаимодействие поколений (по Н.Ф.Федорову - хотя бы трех) позволяет успешно вести воспитание детей.

Реализация идеи «школы-семьи» основывается на *принципах*, органически связанных с *философской базой русской школы и категориями личности*, формируемой в ней (3). В основе работы «школы-семьи» лежит *принцип “всеединства”* трех начал: национального, общероссийского, родной земли («малой родины»). Принцип “всеединства” помогает реализовать идею “школы-семьи” посредством “прохождения” указанных трех начал через систему школы, основанную на вышеизложенных категориях. Очень важно при этом соблюдать единство “типов впечатлений”. В.В.Розанов указывал, что все впечатления, падающие на “единичную душу”, исходящие из “данной единичной школы”, должны быть непременно одного типа, а не разнородны или противоположны. Вот почему принцип “всеединства” не приемлет западных моделей, чуждых национальным традициям и самобытной русской культуре.

Содержание образования будет включать в себя “родословную” нации, влияние на ее развитие окружающей среды, формирование государственности, развитие национальной культуры. Как отмечал В.Д.Шадриков, важно, чтобы “школа не была национально аранжирована общечеловеческими ценностями. Ребенок в школе должен жить родной культурой и быть в родной культуре, а другие культуры он должен знать”.

Принцип саморазвития (“преображения”) личности будет способствовать росту ее духовно-нравственной самооценности. Это отразится в распредмечивании мира

культуры: усвоении родного и иностранных языков, национальных и общечеловеческих ценностей, духовно-нравственных основ деятельности, народных и общечеловеческих традиций и т.д. Как субъект культуры, человек внесет в нее новое, выступит творцом и созидателем. Диалектика саморазвития человека включает в себя рациональную, духовно-нравственную, мировоззренческую, эстетическую, социальную, научно-исследовательскую, практическую сферы, взаимодействующие и прогрессирующие в своем развитии постоянно.

Принцип разумного развития личности диалектически обоснован. Деятельность человека — творческие открытия, научные идеи и комплексы, искусственные объекты, духовные и художественные ценности, созданные им, — свидетельство развития разума человека, результат его мыслительных процессов. Разум, обладающий нравственным самосознанием, постигающий иерархическое “всеединство” бытия, выводит человека на качественно новую ступень развития.

Очевидно, что ядро содержания образования должно позитивно влиять на развитие ребенка: филология (русский язык, иностранные языки, письменность, литература, выразительное русское слово, теория языка); математика (с эстетическими и фольклорными элементами преподавания); искусство (ИЗО и художественный труд, музыка, родная культура, хореография, театр); естествознание (“всеединство мироздания”); история (интегрирование с историей православия).

Школьный компонент учебного плана должен обеспечить индивидуальный характер развития школьников через факультативы, клубы по интересам, студии и т.п. Именно такой тип образования направлен на реализацию принципов “всеединства”, саморазвития и разумного развития личности. «Школа-семья» открыта всем детям, родителям и педагогам любой национальности, любого вероисповедания, живущим в России и желающим изучать и глубоко знать русскую культуру.

Реализация идеи «школы-семьи» через обновленное содержание образования создаст такие условия, что школа, детерминированная состоянием социума, политическими, экономическими обстоятельствами, сама будет способна оказывать существенное влияние на эти обстоятельства. В ней сформируется мировоззрение личности, оценивающей эволюционные процессы с глубоко нравственных позиций. Такая личность способна не только наблюдать законы общества, но и “корректировать” их с позиции духовности, нравственности, общечеловеческих и национальных интересов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ожегов С.И. Словарь русского языка. - М., 1988. - С. 141; Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Малый толковый словарь русского языка. - М., 1990. - С. 121;
2. Бердяев Н.А. Судьба России. - М., 1990. - 207 с.;
3. Ионова Т.А. Концептуальные основы школы как национального дома. — М., 2002. — 56 с.;
4. Федоров Н.Ф. Философия общего дела. Т.2 - М., 1983. - С. 155;
5. Флоренский П.А. — Вернадскому В.И. Письмо //Новый мир, 1989, №35;
6. Федотова В.Г. Духовность как фактор перестройки //Вопросы философии, 1987, №3 - С. 32-39; Гуляев А.А. Проблема духовности в русской религиозной философии: Автореф. дисс...канд. филос. наук. - Пермь, 1997. - С. 10-11;
7. Зеньковский В. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии. - М., 1993. - С. 42;
8. Белозерцев Е.П. Соборность как путь к новой школе //Русская школа. Выпуск 1. - М.: Роман-газета, 1993. - С.17-19;
9. Соловьев В.С. Сочинения. В 2-х т. Т.1 - М., 1989. - С. 618, 480;
10. Ушинский К.Д. Избранные педагогические сочинения. В 2-х т. Т.1 - М., 1953. - С. 55,56, 303;
11. Чижевский А.Л. Вся жизнь. - М., 1974. - С. 154;
12. Огородников Ю.А. Литература как искусство - М., 1998. - С. 95-96.

АННОТАЦИЯ

В статье Ионовой Т.А. дается авторское видение концептуальных основ развития классической модели «Русская школа» в современной философии образования. Данная «образовательная антропология» может отвечать насущным проблемам современного общества, семьи, детства.

Tatyana Ionova presents her own point of view on the problem of development of the classical model «Russian School» as its variation «school as home». Such «educational anthropology» may be important nowadays when we have a lot of problems connecting with childhood, family, society.

Мороз М.В.,
Тверской государственный университет,
аспирантка кафедры психологии и труда

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СПЕЦИАЛИСТА В ОБЛАСТИ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

В современном обществе «с его глобальными коммуникациями, развитой индустрией и сложной финансовой системой» [7], и особенно – в условиях российских социально-экономических реформ, зачастую сопровождаемых разноплановыми кризисными явлениями, особенно острой является потребность в высококвалифицированных специалистах по социальной работе, от деятельности которых существенно зависит социально-психологическое состояние различных категорий населения, а в конечном итоге – и социальная стабильность общества в целом. Труд специалиста в области социальной работы представляет собой один из видов профессиональной деятельности в системе «человек – человек», характеризующийся многоплановостью и функциональной сложностью.

По отмеченным причинам социальная значимость данного труда не вызывает сомнений, однако сложность ситуации заключается еще и в том, что при предъявлении достаточно высокого уровня требований со стороны профессии к молодому специалисту в области социальной работы материальное вознаграждение оказывается неадекватно низким. Как следствие, происходит миграция молодых специалистов из сферы социальной работы в более привлекательные в материальном плане коммерческие структуры. Кроме того социальный статус и уровень материального вознаграждения за труд, равно как и другие особенности профессионализации, оказывают определенное влияние и на закономерности формирования системы профессионально важных качеств (ПВК) социального работника, то есть на ее системогенез (В.Д. Шадриков) [5,6]. При этом в психологической литературе исследования, посвященные системогенезу ПВК социального работника, встречаются крайне редко.

В связи с отмеченными обстоятельствами, целью нашего исследования стало психологическое изучение закономерностей профессионального становления специалистов в области социальной работы, связанного с формированием системы ПВК, обеспечивающей эффективное выполнение рассматриваемой деятельности, а также необходимый уровень субъективной удовлетворенности трудом.

Методологическую основу исследования составили базовые положения теории деятельности (А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн, Б.Ф. Ломов и др.) и их конкретизация в психологии труда (Е.А. Климов, А.В. Филиппов, Г.М. Зараковский, Е.М. Иванова, А.В. Карпов, В.Н. Дружинин и др.), теория субъекта профессиональной деятельности (Д.Н. Завалишина, А.В. Брушлинский, К.А. Абульханова, Л.И. Анцыферова и др.), концепция системогенеза психологической системы деятельности (В.Д. Шадриков).

В организационном плане исследование включало ряд этапов: выявление профессионально-важных качеств социального работника, ведущих и базовых (результаты представлены ниже); выявление особенностей системогенеза ПВК и формирования структурных связей системы ПВК.

Формирование психологической системы деятельности на основе индивиду-

---

альных качеств субъекта деятельности, путем их реорганизации, переструктурирования, является внутренней стороной овладения профессией. Потребности человека, его интересы, мировоззрение, убеждения и установки, жизненный опыт, особенности отдельных психических функций, нейродинамических качеств, свойств личности являются исходной базой формирования психологической системы деятельности. Индивидуальные качества человека в процессе деятельности не остаются неизменными, а под влиянием требований деятельности приходят в движение [6].

В процессах системогенеза деятельности, ПВК и их подсистемы выступают в роли тех внутренних условий, через которые преломляются внешние воздействия и требования деятельности, следовательно, развитие ПВК и их подсистем является узловым моментом формирования психологической системы деятельности.

Теоретические основы исследования роли профессионально важных качеств в профессиональной деятельности разработаны в трудах отечественных и зарубежных психотехников. Большой вклад внесли работы: И.А. Бернштейна, И.Н. Шпильрейна, И.Д. Левитова, Б.Г. Ананьева, К.К. Платонова, Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна, Б.М. Теплова, Б.Ф. Ломова, Е.А. Климова, А.К. Марковой, Ю.П. Поваренкова и многих других.

Под профессионально важными качествами будем понимать «индивидуальные свойства субъекта деятельности, которые необходимы и достаточны для её реализации на нормативно заданном уровне и которые значимо и положительно коррелируют хотя бы с одним из основных результативных параметров – качеством, производительностью, надежностью» [2].

Социальная работа, согласно классификации Е.А. Климова, относится к категории профессий «человек-человек», является «помогающей профессией» [4]. Как и в любой другой профессиональной деятельности, не каждый человек пригоден для её выполнения. В исследованиях по профессиям «человек-человек» традиционно выделяются ряд качеств, которые рассматриваются как профессионально – значимые. Исследователи исходят из гипотезы, что для этой группы профессий основное значение имеют личностные качества специалиста, обеспечивающие эффективность общения и взаимодействия, эмоционально-волевая сфера и организаторские способности. Кроме того, факторами, определяющими профпригодность специалиста в области социальной работы являются система ценностей кандидата и направленность личности.

Исследованию профессионально-важных качеств социального работника, в литературе уделяется достаточно внимания. (Е.И. Холостова, С.И. Григорьев, Л.Г. Гусякова, Т.Д. Шевеленкова) [3].

Раскрывая личностные качества социального работника Е.И. Холостова разделяет их на три группы:

1. психологические характеристики, являющиеся составной частью способности к данному виду деятельности;
2. психолого-педагогические качества, ориентированные на совершенствование социального работника, как личности;
3. социально-педагогические качества, направленные на создание эффекта личного обаяния.

К первой группе относятся характеристики, от которых зависят способности к данному виду деятельности (психические процессы: восприятие, память, воображение, мышление; психические состояния: усталость, апатия, стресс, тревожность, депрессия; внимание как состояние сознания; эмоциональные и волевые проявле-

ния: сдержанность, индифферентность, настойчивость, последовательность, импульсивность).

Ко второй группе относятся качества, которые характеризуют социального работника как личность (самоконтроль, самокритичность, самооценка своих поступков, стрессоустойчивые качества: физическая тренированность, самовнушаемость, умение переключаться и управлять своими эмоциями).

К третьей относятся качества, от которых зависит эффект личного обаяния (коммуникабельность — умение быстро устанавливать контакт с людьми, эмпатичность — улавливание настроения людей, выявление их установок и ожиданий, сопереживание их нуждам, аттрактивность — внешняя привлекательность личности, красноречие — умение внушать и убеждать словом и другие [3].

На основании анализа литературы, можно сделать вывод, что состав рассмотренных разными авторами ПВК социального работника достаточно широк. Их можно разделить на общие, отражающие требования социального работника и специфические, отражающие требования конкретной деятельности.

Мы в своем исследовании, попытались выделить профессионально-важные качества социального работника на основе оценок специалистов социальной работы, высококвалифицированных экспертов. В предварительный список, формируемый на основе литературных данных попали разнородные ПВК, отражающие и когнитивные свойства (память, внимание, мышление) и личностные свойства (особенности эмоционально-волевой сферы, ценностные ориентации, характер, профессиональные знания, умения и навыки).

Важным свойством при отборе профессионально-важных качеств было соблюдение принципа диагностируемости для выявления в дальнейшем корреляции с параметрами деятельности, выделения ведущих и базовых ПВК социального работника.

Результаты экспертной оценки ПВК социального работника представлены следующим образом. На основе анализа полученных рангов, выделились 4 основные группы профессионально-значимых качеств специалиста по социальной работе:

1. Профессиональная компетентность, ответственность, коммуникабельность, эмоциональная устойчивость, рефлексия.
2. Толерантность, мотивация профессионального самосовершенствования, эмпатия, тактичность, организаторские способности.
3. Самоконтроль, работоспособность, внимательность, творческое мышление, интуиция.
4. Компетентность в области психологии и педагогики, адекватная самооценка, наблюдательность, гуманистическая направленность личности.

Между тем эффективность профессиональной деятельности детерминирована индивидуальными, личностными качествами, но она определяется не уровнем развития отдельных качеств, а особенностями их организации и интеграции в целостные структуры. Выделяются ведущие ПВК, которые имеют непосредственную значимую корреляцию с эффективностью деятельности и базовые ПВК, т.е. качества, имеющие наибольший «структурный вес». Он определяется на основе числа и значимости корреляционных связей того или иного качества со всеми другими, входящими в структуру [2].

Следовательно, следующим этапом исследования стало выявление ведущих и базовых ПВК специалиста в области социальной работы.

Результаты корреляционного анализа эффективности профессиональной де-

ятельности социальных работников и их ПВК представлены в таблице 1. Учитывая значимость выделенных ведущих ПВК социальных работников, они проранжированы следующим образом: «Рефлексивность», «Эмоциональная сдержанность», «Ответственность», «Дипломатичность» и «Эмпатия».

Таблица 1

ВЕДУЩИЕ ПВК СОЦИАЛЬНЫХ РАБОТНИКОВ

Обозначения: **Ст** – статистика; **Эф** – показатель эффективности; **УР** – уровень рефлексивности; **Эм** – эмпатия; **Тл** – толерантность; **Км** – коммуникабельность; **Эу** – эмоциональная сдержанность; **От** – ответственность; **Дп** – дипломатичность.

Признаки	Ст	Эф	УР	Эм	Тл	Км	Эу	От	Дп
Эф	R	1	0,781**	0,379*	-0,838**	-0,055	0,703**	0,635**	0,524**
	p		0,0001	0,0001	0,0001	0,554	0,0001	0,0001	0,0001
УР	R		1	0,275**	-0,666**	-0,066	0,634**	0,546**	0,459**
	p			0,002	0,0001	0,471	0,0001	0,0001	0,0001
Эм	R			1	-0,261**	-0,053	0,336**	0,375**	0,334**
	p				0,004	0,568	0,0001	0,0001	0,0001
Тл	R				1	0,011	-0,619**	-0,549**	-0,492**
	p					0,904	0,0001	0,0001	0,0001
Км	R					1	-0,226*	0,094	-0,121
	p						0,013	0,305	0,188
Эу	R						1	0,483**	0,621**
	p							0,0001	0,0001
От	R							1	0,439**
	p								0,0001
Дп	R								1
	p								

** 0.01

* 0.05

Таким образом, «Коммуникабельность» и «Толерантность» по результатам эмпирического исследования не вошли в состав выявленных ведущих ПВК социальных работников.

Выделяют также и *базовые* ПВК, т.е. качества, имеющие наибольший «структурный вес». Он определяется на основе числа и значимости корреляционных связей того или иного качества со всеми другими, входящими в структуру. Те качества, которые имеют наибольшее число таких связей и наибольшую их значимость, обладают наибольшим весом и являются базовыми. Базовыми качествами социального работника с учетом их значимости являются «Рефлексивность», «Эмоциональная сдержанность», «Ответственность», «Дипломатичность» и «Эмпатия». Эти качества имеют наибольшее число значимых связей со всеми другими, входящими в структуру ПВК социального работника. Качества «Коммуникабельность» и «Толерантность» не вошли в состав и базовых качеств социальных работников.

Для достижения цели исследования был проведен сравнительный анализ ПВК низко- и высокоэффективных социальных работников. Результаты данного анализа представлены на рис.

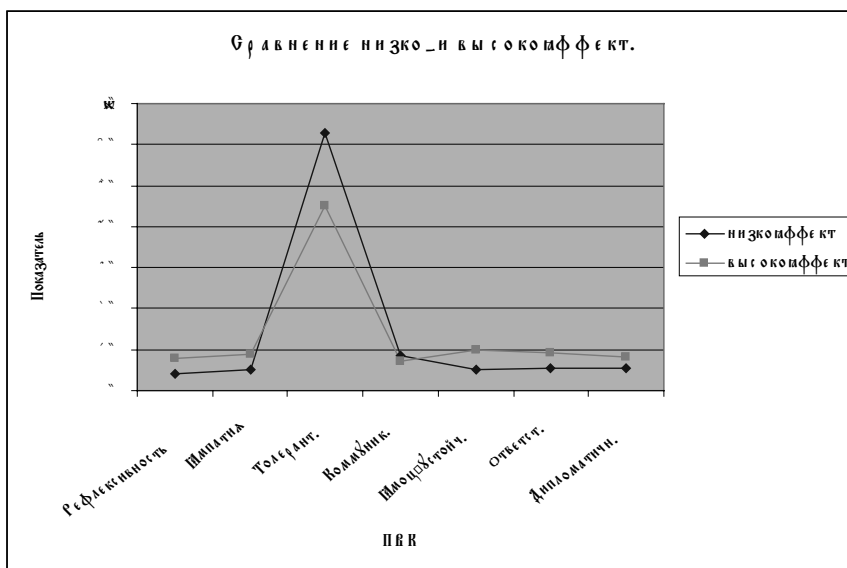

Рис.2. Результаты анализа ПВК низко- и высокоэффективных социальных работников.

На рис. 2 отмечены следующие закономерности. Степень выраженности таких ПВК как «Решительность», «Эмпатия», «Эмоциональная сдержанность», «Ответственность» и «Дипломатичность» значительно повышаются у высокоэффективных социальных работников по сравнению с низкоэффективными, и лишь качество «Толерантность» имеет тенденцию к понижению. При этом «Коммуникабельность» остается неизменной.

Далее был проведен структурный анализ ПВК низко- и высокоэффективных социальных работников.

Таблица 3

Структурные связи ПВК у высокоэффективных социальных работников (N=43)

Обозначения: Ст – статистика; Эф – показатель эффективности; УР – уровень рефлексивности; Эм – эмпатия; Тл – толерантность; Км – коммуникабельность; Эу – эмоциональная сдержанность; От – ответственность; Дп – дипломатичность.

Признаки	Ст	Эф	УР	Эм	Тл	Км	Эу	От	Дп
Эф	R	1	0,497**	0,365*	-0,206	0,142	0,355*	0,468**	0,355*
	p		0,001	0,016	0,184	0,365	0,02	0,002	0,019
УР	R		1	0,206	-0,063	0,272	0,327*	0,433**	0,260
	p			0,185	0,688	0,078	0,032	0,004	0,092
Эм	R			1	0,073	0,303*	0,258	0,400**	0,357*
	p				0,643	0,048	0,095	0,008	0,019
Тл	R				1	-0,094	0,072	-0,177	0,071
	p					0,548	0,645	0,257	0,651
Км	R					1	-0,182	0,126	-0,091
	p						0,244	0,420	0,561
Эу	R						1	0,325*	0,461**
	p							0,033	0,002
От	R							1	0,315*
	p								0,039
Дп	R								1
	p								

** 0.01, * 0.05

Анализируя количество выявленных взаимосвязей ПВК социальных работников, силу и направленность данных корреляций, мы пришли к выводу, что структурограмма группы высокоэффективных социальных работников значительно отличается от структурограммы низкоэффективных специалистов.

У высокоэффективных социальных работников выявлены значимые структурные связи: а именно у ПВК «Рефлексивность» обнаружены 3 тенденции, 1 сильная связь и 2 средние связи между базовыми профессионально важными качествами.

ПВК «Эмпатия» обнаруживает 1 сильную связь, 2 средние и 1 тенденцию к взаимосвязи с базовыми ПВК. «Коммуникабельность» связана 1 средней корреляцией и имеет 1 тенденцию к взаимосвязи с базовыми качествами. ПВК «Эмоциональная сдержанность» имеет 2 средние связи, 1 сильную и 1 тенденцию. У ПВК «Ответственность» - 2 сильные и 2 средние связи. Качество «Дипломатичность» характеризуют 2 средние, 1 сильная связь и 1 тенденция.

Таким образом, базовые ПВК высокоэффективных социальных работников выстраиваются в следующие ранги: «Рефлексивность», «Ответственность», «Эмпатия», «Эмоциональная сдержанность», «Дипломатичность» и «Коммуникабельность».

Таблица 4

Структурные связи ПВК у низкоэффективных социальных работников (N=11)

Обозначения: Ст – статистика; Эф – показатель эффективности; УР – уровень рефлексивности; Эм – эмпатия; Тл – толерантность; Км – коммуникабельность; Эу – эмоциональная сдержанность; От – ответственность; Дп – дипломатичность.

Психологические признаки	Ст	Эф	УР	Эм	Тл	Км	Эу	От	Дп
Эф	R	1	0	0,216	0,138	0,600	-0,375	-0,494	0,217
	p		1	0,578	0,723	0,088	0,320	0,160	0,576
УР	R		1	0,096	0,460	0,400	-0,500	0,470	0
	p			0,806	0,212	0,286	0,158	0,201	1
Эм	R			1	-0,119	-0,115	-0,072	-0,266	-0,346
	p				0,760	0,768	0,854	0,489	0,362
Тл	R				1	0,175	-0,276	0,442	-0,208
	p					0,653	0,472	0,234	0,591
Км	R					1	-0,350	0,160	-0,058
	p						0,356	0,681	0,883
Эу	R						1	-0,235	-0,265
	p							0,542	0,491
От	R							1	-0,226
	p								0,558
Дп	R								1
	p								

** 0.01

* 0.05

У низкоэффективных социальных работников лишь «Эмоциональная устойчивость», «Ответственность», «Коммуникабельность» и «Рефлексия» имеют по одной тенденции.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Психология труда / Под ред. А.В. Карпова. – М., 2004.
2. Холостова Е.И. Социальная работа. - М., 2005.
3. Климов Е.А. Введение в психологию труда. - М., 1998.
4. Иванова Е.М. Психология профессиональной деятельности. – М.,2006.
5. Шадриков В.Д. Деятельность и способности. – М., 1994.
6. Шадриков В.Д. Проблемы системогенеза профессиональной деятельности.-М.,1982.
7. Филиппов А.В. Психология и собственность / Труды Ярославского методологического семинара. – Ярославль: МАПН, 2003.

АННОТАЦИЯ

В статье представлены результаты исследования формирования психологической системы профессиональной деятельности социального работника., системогенеза профессионально важных качеств. Выделены базовые и ведущие ПВК специалиста в области социальной работы.

The forming of psychological system of professional work of social worker, which consist of different blocs, are viewing in the article. The subsystem of professionally significant qualities is one of most important thing. That's why the investigation of exactly this subsystem was realized and leading and basic professionally significant qualities were noted.

Рубцова Н.Е.,

Тверской государственной университет,
доцент кафедры общей психологии и психологии развития,
кандидат психологических наук, доцент

ФОРМИРОВАНИЕ КОГНИТИВНО-ЛИЧНОСТНОЙ РЕГУЛЯЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНТЕГРАТИВНОГО ТИПА

В настоящее время сфера профессионального труда претерпевает глубокие изменения, обусловленные рядом факторов, среди которых важную роль играет качественная трансформация, связанная с появлением многочисленных новых профессий. Иллюстрацией данной объективной тенденции может служить, например, следующий перечень профессий, появившихся за последние годы: андеррайтер, брокер-трейдер, джоббер, дилер, дистрибьютор, клипмейкер, консигнатор, крупье, логистик, мерчендайзер, пейджмейкер, промоутер, рецепшионист, сейлзменеджер, спичрайтер, супервайзер и др. Разумеется, данный перечень является лишь фрагментарным и ни в коей мере не претендует на то, чтобы быть сколько-нибудь полным и исчерпывающим¹. Данная ситуация с необходимостью требует перестройки методологических основ, на которые опираются подходы к профориентации, профессиональной подготовке, профессиональному отбору и подбору кадров.

Пытаясь выявить общие основания объективных процессов трансформации сферы профессионального труда, первоначально мы обратили внимание на тот факт, что среди новых профессий весьма значительную часть составляют профессии так называемого *информационного типа*, для которых основное содержание, условия и результат (продукт) профессиональной деятельности определяются информационными процессами². Интенсивная экспансия подобных профессий приводит, с одной стороны, к объективному увеличению их относительной доли в общей номенклатуре профессий, а с другой – к естественному возрастанию интереса ученых к исследованию различных сторон проявлений информатизации профессионального труда. Соответственно, к настоящему времени список работ, посвященных изучению психологических аспектов информатизации сферы профессионального труда, достаточно обширен и включает разнонаправленные исследования как отечественных, так и зарубежных авторов³.

Вместе с тем, в ходе наших дальнейших исследований выяснилось, что информатизация профессиональной сферы является, хотя и чрезвычайно важной, но лишь одной из составляющих значительно более фундаментального процесса, связанного с общим возрастанием *интегративного характера* профессионального труда. Понятие профессиональной деятельности интегративного типа было введено нами в результате обобщения результатов многолетних исследований ряда современных видов профессиональной деятельности⁴. Суть нашего подхода состоит в следующем. Для объединения различных профессий в психологически однородные группы разными авторами традиционно используется множество разнородных признаков. Так, все виды профессионального труда традиционно разделяют на труд умственный и физический, творческий и рутинный, управленческий и исполнительский, индивидуальный и совместный. Однако подобные признаки в современном профессиональном описании существенно изменили свою роль. Так доля профессий непосредственно физического труда сокращается; творческий характер труда рассматривается теперь как характеристика личностного смысла труда, во многом детерминируемая самим

его субъектом; исполнительский и управленческий характер труда, равно как и его индивидуальный и совместный характер, на многих трудовых постах представлены одновременно и непосредственно проявляются лишь на определенных уровнях иерархии управления или межсубъектного взаимодействия.

Таким образом, генезис сферы профессионального труда вызывает качественный синтез, интеграцию поведенческих признаков труда, ранее имеющих четко различимые альтернативные значения, позволяющие дифференцировать различные виды профессиональной деятельности.

Процессы интеграции профессионального труда проявляются и в других аспектах. Так, диффузный характер приобрели многие собственно психологические классификации труда, ранее позволяющие вполне однозначно распределять различные профессии по психологически гомогенным классам, имеющим, одновременно выраженные качественные межклассовые различия. Примером может служить получившее широкое распространение в отечественной психологии профессиональной деятельности разделение всех видов труда по признаку реализуемых в деятельности субъект-объектных отношений на два базовых типа: субъект-объектный и субъект-субъектный. Во многих современных профессиях субъект-объектные и субъект-субъектные проявления выражены одновременно и достаточно значимо настолько, чтобы нельзя было отказаться от какого-либо из них, не потеряв психологической специфики того или иного определенного вида труда. Более того, в силу упомянутой выше и чрезвычайно характерной для современного состояния сферы профессионального труда тенденции информатизации традиционная дихотомическая классификация типов труда была дополнена до триадной, включающей также новый – *субъектно-информационный* тип профессиональной деятельности, обладающий качественной психологической спецификой, несводимой к аддитивному сочетанию свойств деятельности субъект-объектного и субъект-субъектного типов⁵.

Подобное расширение базовой психологической классификации профессиональной деятельности, прямо учитывающее мощное влияние на мир профессий тенденции информатизации, должно снять остроту проблемы однозначного отнесения конкретных видов труда к определенному психологическому типу. Но данная цель была достигнута лишь частично: для современных видов труда характерна одновременная представленность в них всех трех базовых типов субъект-объектной классификации⁶.

Ситуация неопределенности и противоречивости выявилась и при попытках применить к классификации современных видов труда ряда широко распространенных и апробированных психологических классификаций. Так, одним из наиболее распространенных в нашей стране является подход к классификации мира профессий, разработанный Е.А. Климовым⁷, когда строится ярусная классификация профессий, первый ярус которой образуется по признаку предмета труда, второй – по признаку цели труда, третий – средств труда, и четвертый – условий труда. Но для современных профессий уже на первом ярусе наблюдается пересечение базовых классов профессий, затрагивающее три и даже более из них⁸.

Из зарубежных классификаций труда распространение получил подход Дж. Холланда, основанный на типологии профессиональных сред и соответствующей ей типологии профессиональных типов личности человека⁹. Дж. Холланд выделяет 6 типов личности: реалистический, артистический, интеллектуальный, предпринимательский, социальный и художественный. Цикл наших исследований ряда современных видов труда показал, что нередко случаи, когда одна и та же профессия

сочетает в себе выраженность сразу нескольких (по Дж. Холланду) типов профессиональных сред. Это порождает противоречивые требования к профессиональной личностной направленности субъекта труда, что затрудняет организацию адекватной профориентации и оптимальный профессиональный отбор и подбор кадров.

Таким образом, в существующих классификациях видов профессионального труда наблюдается значительное разнообразие как используемых классификационных признаков, так и образуемых на их основе классов (типов, разновидностей) профессиональной деятельности; при этом существующие классификации, с одной стороны, не дифференцируют однозначно целый ряд современных сложных видов труда, а с другой – являются в определенной мере противоречивыми, относя некоторые виды труда к альтернативным разрядам. Вместе с тем по отношению к относительно простым видам труда многие классификации являются вполне достаточными. Например, классификация Е.А. Климова на протяжении многих лет позволяет успешно проводить работу по профориентации, профконсультированию, профотбору и подбору кадров для множества разнообразных профессий.

Какие же особые свойства характерны для тех профессий, которые плохо укладываются в рамки существующих классификаций? Мы пришли к выводу о том, что главной отличительной характеристикой подобных профессий служит их интегративный характер: они не просто объединяют, но именно интегрируют, синтезируют в себе многие, подчас противоречивые признаки профессий, относящихся к различным классам существующих классификаций. Подобная интеграция с объективной необходимостью наделяет интегративные виды труда качественно новыми психологическими свойствами и проявлениями, требующими своего адекватного изучения и учета в прикладных системах профессионального воспроизводства кадров.

В качестве ключевых признаков профессионального труда в рамках нашего исследования использовались следующие:

1. Предмет труда, специфицирующий определенную сторону объекта труда в соответствии с целью труда. Все возможные объекты труда, в соответствии с триадной типологией реализуемых в профессиональной деятельности субъект-объектных отношений, предусматривающей субъект-объектный, субъектно-информационный и субъект-субъектный типы, делятся на три базовых типа: материальные, информационные и субъектные. Цели труда по принципу представленных в них типов взаимодействий разделяются на следующие типы: материального преобразования, познания и информационного воздействия. При совместном рассмотрении в предмете труда его объекта и цели было выделено девять базовых типов предметов труда: субъектное (информационное) воздействие на объекты; познание (изучение, оценка) объектов и материальное преобразование объектов; при этом каждый тип целей труда предусматривает взаимодействие с объектами трех различных типов: субъектного, информационного или материального.

2. По характеру управления в труде виды деятельности разделены на три базовых типа: исполнительский, автономный и управленческий.

3. По степени совместности труда использовалось дихотомическое деление: индивидуальный и совместный типы деятельности.

4. По продуктивности (креативности) также использовалось дихотомическое деление, предусматривающее репродуктивный (рутинный) и продуктивный (творческий) типы деятельности.

5. Дополнительно рассматривалось деление средств труда на собственные (по отношению к субъекту труда) и внешние.

Полученная таким образом система ключевых признаков труда применялась для анализа интегративного характера конкретных видов профессиональной деятельности. При этом предполагалось, что указанные значения каждого из признаков не являются альтернативными, взаимоисключающими для конкретной профессии, но, напротив, могут одновременно присутствовать в ней. Подобные профессии, относящиеся сразу к более, чем одному классу существующих классификаций профессиональной деятельности, и получили название *интегративных*.

Результаты исследования интегративных профессий показывают, что класс подобных профессий является достаточно объемным, а главное – гетерогенным, поскольку базовые классы, на пересечении которых образуется тот или иной интегративный тип, могут быть самыми различными. В связи с этим на основе анализа около 400 различных профессий нами была разработана *методика определения интегративного типа* конкретной профессии.

Как выяснилось в ходе дальнейших исследований, профессиональная деятельность интегративных типов имеет множество психологических особенностей, среди которых важное место занимает перераспределение значимости когнитивных и личностных регулятивных компонентов деятельности.

В ходе исследования была разработана модель структурно-уровневого строения когнитивно-личностной системы регуляции деятельности, основанная на результатах исследований Н.А. Бернштейна, Л.Г. Дикой, А.Н. Костина, А.Ю. Голикова, Б.М. Величковского, Л.Е. Субботина и других авторов. Особо важным при построении модели стал принцип метасистемного строения уровней структур психики, разрабатываемый в последние годы А.В. Карповым¹⁰. В соответствии с данной моделью, система регуляции деятельности имеет 4 иерархических уровня, каждый из которых включает определенные подуровни; при этом на каждом уровне имеет место параллельная представленность когнитивно-исполнительской и личностной подсистем регуляции. Кратко охарактеризуем выделенные уровни.

Уровень 1 – активационно-энергетического обеспечения и эмоциональной стабилизации – в плане метасистемного строения представляет собой низший, элементный уровень регуляции.

Уровень 2 – непосредственного взаимодействия – в метасистемном плане соответствует компонентному уровню. Этот уровень регуляции отвечает за предметное восприятие и непосредственное эмоционально-волевое реагирование.

Уровень 3 – ситуативного реагирования – соответствует субсистемному уровню метасистемного строения системы регуляции деятельности, на котором осуществляются опосредствованная координация и программно-целевая организация действий, а также эмоциональное овладение ситуацией.

Уровень 4 – регуляции деятельности в целом – соответствует высшему, системному уровню строения системы регуляции. Кроме того, на данном уровне осуществляется взаимодействие между собственно системой профессиональной деятельности субъекта труда и более общей метасистемой жизнедеятельности и жизненного пути человека. Именно на высшем, четвертом уровне регуляции деятельности представлен, проявляется и функционирует особый – метасистемный – подуровень, обеспечивающий связь изолированной (автономной) психологической системы регуляции конкретной профессиональной деятельности с метасистемой более высокого порядка, представляющей профессиональный и жизненный путь человека (онтологического субъекта), выступающего в профессиональной деятельности в роли субъекта труда. Данный уровень имеет важную особенность: помимо

системной представленности на нем концептуальных структур деятельности, ее программно-целевой организации, чувственной устремленности и личностно-нормативных изменений субъекта труда, здесь имеется подуровень, соответствующий встроенному метасистемному уровню системы психической регуляции деятельности¹¹, на котором в когнитивном плане осуществляются метасистемные координации, а в личностном – мировоззренческие коррекции.

Такой подход позволяет, с одной стороны, преодолеть ограниченность моделей профессиональной деятельности, не учитывающих иные (непрофессиональные) особенности и проявления человека. С другой стороны, такой подход позволяет в той или иной степени, хотя зачастую и неявно, учесть целый ряд сложных межсистемных взаимодействий: между системой конкретной деятельности и более общими системами жизнедеятельности человека, между подсистемами когнитивной и личностной регуляции деятельности, между подсистемами долговременной, ситуативной и текущей регуляции, между подсистемами нормальной (нормативной) и проблемной (экстремальной, нештатной) регуляции деятельности и т.д. Данное обстоятельство представляется нам важным с учетом сложного специфического характера рассматриваемой профессиональной деятельности интегративных типов.

Для систематизации различных деятельностных актов использовалась группировка трудовых действий (по Е.А. Климову), в соответствии с которой встречающиеся в профессиональной деятельности действия могут быть распределены по следующим 7 группам: 1) действия чувственного восприятия, 2) имажитивные действия, связанные с работой воображения; 3) мнемические действия, содержание которых определяют процессы памяти; 4) логические действия, включающие в себя разнообразные проявления мышления; 5) интерперсональные действия, объединяющие широкий спектр разнообразных актов межличностного и межсубъектного взаимодействия – от простой коммуникации до организаторских и управленческих действий; 6) действия контроля и самоконтроля, непосредственно связанные с регуляцией деятельности, а также функциональных, личностных, эмоциональных состояний субъекта труда; 7) психомоторные действия, в поведенческом плане представляющие собой непосредственные исполнительские моторные акты¹².

При анализе профессий выявлялись характерные для каждой из них действия, относящиеся к одной из представленных выше групп, и для каждого из них определялся соответствующий ему в рамках данной профессиональной деятельности уровень когнитивной и личностной организации и регуляции. Полученные данные подвергали математической обработке с целью определения представленности в данной деятельности различных уровней регуляции, соответствующих когнитивной и личностной подсистемам регуляции и их совместному функционированию. В результате были установлены следующие закономерности.

Для профессий базовых типов центральное место занимают когнитивно-исполнительские компоненты деятельности. Регуляция деятельности здесь осуществляется различными когнитивными подсистемами психики, включающими сенсорно-перцептивные, мыслительные, имажитивные, мнемические, аттенциональные и иные компоненты. Личностная регуляция для подобных видов деятельности, безусловно, также имеет место, и в некоторых случаях достаточно важна. Но в целом по всему множеству подобных профессий личностная регуляция такой деятельности уступает по своей значимости регуляции когнитивной, которая доминирует и определяет основные профессиональные требования к субъекту труда.

Совершенно иная ситуация наблюдается в профессиональной деятельности

интегративных типов. Здесь, как показали наши эмпирические исследования, личностная регуляция, во-первых, смещается с уровня регуляции долговременной на уровни регуляции ситуативной и даже текущей. Во-вторых, личностная регуляция становится тесно связанной с когнитивной, практически – неразрывной с ней. И, наконец, в третьих – в каждой из систем регуляции деятельности (текущей, ситуативной и долговременной) по мере увеличения степени интегративности профессиональной деятельности увеличивается роль личностной регуляции по отношению к регуляции собственно когнитивной.

На основе рассмотренных теоретических и экспериментальных результатов нами был разработан цикл специальных тренингов и упражнений для развития и совершенствования психической регуляции деятельности интегративных типов. Центральная идея предлагаемого комплекса состоит в следующем: для повышения эффективности профессиональной деятельности интегративного типа целесообразно, во-первых, развивать специализированные (профессионально-ориентированные) подсистемы личностной регуляции, а во-вторых – формировать устойчивые когнитивно-личностные подсистемы регуляции, обеспечивающие совместную регуляцию деятельности как за счет личностных, так и за счет когнитивных средств и механизмов.

Апробация комплекса проводилась в тренинговых группах представителей ряда интегративных типов профессий (менеджеров по продажам бытовой техники, операторов салонов сотовой связи, преподавателей компьютерных технологий и др.). Установлено, что применение данного комплекса по формированию системы когнитивно-личностной регуляции деятельности позволяет получить значительное (до 20%) повышение таких основных показателей эффективности деятельности, как ее производительность, качество и надежность (отсутствие срывов деятельности, критических ошибок и т.п.), а также субъективная удовлетворенность трудом.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. Беляева А.В., Лепский В.Е. Психология и Интернет: горизонты новых профессий // Развивающаяся психология – основа гуманизации образования. – М., 1998. – С.18-19.; Краткий словарь новых профессий на рынке труда: <http://odub.tomsk.ru/image/pdf/7.pdf>.
2. Аналитические обзоры подобных работ приведены, например: Бодров В.А. Информационный стресс. – М.: ИП РАН, 2003; Smith M.J., Carayon P., Eberts R., Salvendy G. Human-computer interaction / G. Salvendy (Ed.), Handbook of Industrial Engineering. New York, 1992. P. 1107-1144.
3. См.: Рубцова Н.Е. Психологические основания выделения интегративных типов профессиональной деятельности // Вестник ТвГУ. № 11. 2005.
4. См.: Карпов А.В., Леньков С.Л. Структурно-функциональное строение профессиональной деятельности информационного характера. – Тверь, 2006; Карпов А.В., Леньков С.Л. Субъектно-информационные основания психологической теории деятельности // Вестник ЯрГУ. № 10. 2003.
5. См.: Рубцова Н.Е. Обоснование психологической концепции интегративных типов профессиональной деятельности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Философские науки» №1. – М.: Изд-во МГОУ. 2006. – С.149-161.
6. См.: Климов Е.А. Психология профессионала. – М., 2003.
7. См.: Рубцова Н.Е. Методологические основания субъект-объектной классификации профессиональной деятельности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Философские науки» №4.– М.: МГОУ. 2006. – С. 98-102.
8. Holland J.L. Making vocational choices: A theory of careers. N.J., 1973.
9. См.: Карпов А.В. Метасистемная организация уровневых структур психики. – М., 2004.
10. Там же.
11. См.: Носкова О.Г. Психология труда. – М.: Академия, 2004. – 384 с.

АННОТАЦИЯ

Обсуждаются результаты исследований системы когнитивно-личностной регуляции профессиональной деятельности, относящейся к интегративным типам. При этом интегративные типы определяются через значимую для показателей эффективности профессиональной деятельности одновременную выраженность и представленность в ней различных базовых типов деятельности, выделяемых по ряду ключевых признаков (характеру реализуемых в деятельности субъект-объектных отношений, глобальным целям труда, продуктивности, управленческому характеру, совместности и др.) Показано, что общая мера интегративности деятельности, определяющая ее принадлежность к тому или иному интегративному типу, должна определяться, исходя не только из количественной (аналитической) выраженности частных показателей интегративности, но и из их структурных связей. Установлено, что с увеличением меры интегративности деятельности в психологической системе ее организации и регуляции возрастает роль личностных факторов, а также степень их структурной интегрированности с когнитивными факторами, что позволяет говорить об общей когнитивно-личностной системе регуляции, обеспечивающей эффективность выполнения подобной деятельности.

Results of researches of system of cognitive-personal regulation of professional work integrative type are discussed. Thus integrative types are determined through significant for parameters of efficiency of professional work simultaneous expressiveness and representation in it of various base types of the activity allocated on a number of key attributes (to character of subject - objective relations sold in activity, the global purposes of work, efficiency, administrative character, jointness, etc.) It is shown, that a general measure of integrativity to the activity, the accessory determining it to this or that integrative to type, should be determined, proceeding not only from quantitative (analytical) expressiveness of individual parameters of integrativity, but also from their structural communications. It is established, that with increase in a measure of integrativity of activity in psychological system of its organization and regulation the role of personal factors, and also a degree their structural integrativity with cognitive factors that allows to speak about the general cognitive -personal system of the regulation providing efficiency of performance of similar activity grows.

Соколова С. Н.,

*кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры гуманитарных и социально-
экономических дисциплин
Смоленской государственной академии
физической культуры, спорта и туризма*

СОВРЕМЕННЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА И ПРОБЛЕМА РЕГУЛИРОВАНИЯ ЕГО БЕЗОПАСНОСТИ

Современные трансформации российского общества предполагают различные изменения социального бытия, непосредственно связанные с процессами интеграции. Изменения в современной России затрагивают наряду с экономической, политической и духовной сферами, всю общественную жизнь, проявляются в виде взаимодействия людей, социальных групп и общества в целом. «В настоящее время в мире происходит становление глобального коммуникационного пространства, которое оказывает существенное влияние на все стороны жизни общества, отдельного человека, на структурообразующие компоненты всей системы культуры». [1; с. 27].

Современная ситуация в России характеризуется обострением противоречий во всех сферах, что свидетельствует об острой необходимости повышения организующей роли государственных структур в регулировании не только социально-политических отношений, но и процесса обеспечения безопасности, выявлению преемственности такого регулирования между прошлым и настоящим, с учетом отечественного и зарубежного опыта.

Трансформации охватывают весь процесс регулирования вопросов безопасности общества, что предполагает и методологическую разработку аксиологических проблем в контексте интеграционных процессов. «Сегодня ускоренные темпы социального развития многое меняют в культуре и жизнедеятельности людей. Ряд базисных ценностей техногенной цивилизации типизируется, возникают точки роста новых ценностей, открываются новые перспективы диалога культур». [2; с. 26].

Регулированию принадлежит главное место в социальной активности государства, так как оно включает в себя социальные группы и общности, социальные связи, социальные действия, отношения, социальные институты и организации, социальные ценности и нормы. Это обусловлено тем, что в обществе не существует более сложной задачи, чем целенаправленная организация и регулирование взаимодействием граждан по вопросам обеспечения безопасности их жизнедеятельности.

Государство и общество взаимосвязаны, поэтому, когда речь идет о государстве как ведущем субъекте регулирования общественных процессов, то имеется в виду не все проявления, аспекты государственной деятельности, а только те из них, которые связаны с формированием и реализацией регулирующих воздействий. Диалектика существующих противоречий между происходящими интенсивными процессами интеграции, формирования глобальных экономических объединений, «порождает необходимость регулирования и разрешения этих противоречий». [3; с. 21].

Современные трансформации происходят сегодня при активном участии России, которая стремится к сотрудничеству со всеми субъектами международных отношений, и, прежде всего, с партнерами Евросоюза. Это обусловлено, в первую очередь, необходимостью укрепления безопасности и стабильности в Европе в связи с нестабильностью ситуации на основе национальных и религиозных конфликтов,

---

социально-экономических потрясений, территориальных споров. Указанные причины определяют актуальность проведения фундаментальных специальных исследований в этой области для формирования научной концепции государственного регулирования безопасности современной России.

Безопасность, стабильность и благополучие в современном обществе, способно гарантировать сильное государство, что предполагает возвращение России высокого международного авторитета. Но, как доказывает практика, престиж России на международной арене во многом зависит от успеха экономических, политических и социальных преобразований в стране.

В связи с этим, проблема развития, выступающая одним из основополагающих направлений философских исследований, в начале третьего тысячелетия приобретает важное теоретическое и практическое значение. От качества прогнозирования развития социальных систем, последующего осуществления движения в культурно-историческом пространстве зависит безопасное будущее всего человечества, в том числе и России. Это ставит новые вопросы перед методологией в целом, и в особенности перед социальной теорией развития, предлагает методологический и мировоззренческий анализ обновленных парадигм в философском осмыслении государственного регулирования безопасности российского общества.

Поясним, что национальная безопасность России – это система гарантий территориальной целостности, суверенитета, всех других национальных интересов, основывающихся на силовых средствах и методах политико-экономического воздействия. Своеобразие проблемы обеспечения национальной безопасности России заключается в том, что, во-первых, формирование общественного сознания имеет специфическую структуру, отражающую преемственность и сохранение культурно-исторических традиций; во-вторых, ценности и нормы, порожденные культурной самобытностью, являются духовной составляющей общества; в-третьих, источником развития социальной системы являются морально-нравственные ценности.

По мнению автора статьи, существует определенная мера эффективности государственного регулирования, влияющая на уровень безопасности российского общества, включающая политико-правовое обеспечение, позволяющее эволюционировать социальной системе в направлении прогресса.

Действенность государственного регулирования безопасности в российском обществе зависит от внешних факторов, от реальных международных отношений, от направленности и содержания внешнеполитической стратегии России. Необходимо, отказавшись от некорректных, эмоциональных оценок, перейти в другую систему координат, позволяющую трансформировать внешнеполитическую доктрину, привести её в соответствие со стратегическими государственными интересами.

Достаточно высокий уровень эффективности государственного регулирования свидетельствует о его способности нейтрализовать негативные воздействия других государств, обеспечить возможность предотвращения на ранней стадии, урегулирование начавшихся международных конфликтов. Адекватное, своевременное регулирование государства позволяет защитить свои национальные интересы, права, безопасность своих граждан, создать обстановку созидания и взаимопонимания власти и граждан России.

Регулирующие отношения в государстве по типу могут быть деспотические, либеральные и демократически правовые; по структуре выделяются отношения субординации, координации и альтернативно-конкурирующие; по результатам де-

тельности отношения делятся на эффективные и неэффективные. Регулирующие отношения носят самостоятельный характер, имеют весьма сложную классификационную структуру. Они выступают как интегрирующий фактор многообразных социальных интересов, взаимодействующих в процессе обеспечения безопасности, деятельности органов государственной власти, самоуправления, общественных организаций и социальных общностей.

Определенный интерес представляет опыт осуществления специальных программ стабилизации и осуществления безопасности в различных государствах. Возможность адаптации различных моделей к российским условиям, приобретает особую значимость в период трансформации, разработки нормативной базы в направлении вектора региональной стабильности с учетом национальных интересов.

Трансформации социально-политической и экономической жизни России на современном этапе – это целенаправленная модернизация, вызванная необходимостью реализации выбранного пути развития, что порождает противоречия и конфликты, значительную часть которых государственные структуры и органы самоуправления должны урегулировать. Но противоречие по линии модернизации не единственное противоречие современной России.

Занимая уникальное положение, Россия испытывает на себе воздействие процессов, происходящих в Европе, Азиатско-Тихоокеанском регионе, Ближнем и Среднем Востоке. Для вхождения в новую экономическую и политическую международную жизнь необходимо учитывать специфику существования российского государства, с одной стороны, и особенности процесса интеграции в контексте глобализации, с другой.

Исследование трансформаций и регулирования безопасности российского общества вызвано необходимостью глубокого уяснения зависимостей, которые будут способствовать обеспечению субъектов социально-политической деятельности знанием целей, форм и методов воздействия на общественные процессы, на социально-политическую ситуацию в момент трансформации России.

Современный период развития общества, можно обозначить как время динамичное, противоречивое, характеризующееся социальными потрясениями и природными катастрофами. Человечество существовало в «двуполярном» мире, в котором противостояли страны с определенным преобладающим социально-экономическим потенциалом и страны идейно-политической направленности или социального сотрудничества. Распад СССР коренным образом изменил ситуацию, все бытие мирового общества, а значит, в первую очередь, изменили социально-политический, экономический и духовный компонент российского государства. Проблема национальной безопасности России связана с мировоззренческой ориентацией, осознанием своего места и роли в мировом сообществе. Безопасность государства сегодня зависит от ответственности за действия власти и всех граждан России.

Современное российское общество – это система, способная к самоорганизации, элементы которого вступают во взаимодействия при возникновении состояния неравноправия и создают внутренние структуры, способные к самоорганизации. Регулятивная функция социальных норм находит отражение в институтах морали (традиций, воспитания, образования) и права (система законодательства). Интегральным социальным институтом выступает сегодня власть как система, характеризующаяся устойчивостью и упорядоченностью.

Автор статьи убеждена, что государственное регулирование безопасности российского общества должно решаться теоретически и практически во взаимосвя-

---

зи с вопросами стабильности, обеспечивающей сохранение государства, развития, совершенствования социальных связей, социокультурных взаимодействий между различными государствами в контексте глобализации, с учетом развития вектора региональной стабильности.

Россия как самобытная цивилизация по многим причинам не похожа на другие государства, она не вписывается в западную модель глобализации, что приводит, в частности, к военным конфликтам в ближнем Зарубежье. Все эти неблагоприятные факторы и тенденции развития международной обстановки позволяют определить тенденции более безопасного движения и устойчивого развития в направлении Европы, Центрально-Азиатского региона. Прекращение глобальной конфронтации, проходившей под знаком двух противоположных социально-политических систем, заложило предпосылки конструктивного сотрудничества государств на региональном и глобальном уровнях. Появилась тенденция к формированию международного сообщества, регулируемого на основе норм международного права. Но вместе с тем, в мире важную роль играют ядерное сдерживание и военно-силовой фактор, так как обозначились признаки формирования полицентризма в мировой политике, которые генерируют нестабильность (локальные военные конфликты, международный терроризм). Соответственно усложнилась проблема безопасности России в целом, так как возросла неопределенность, а в некоторых случаях и непредсказуемость развития событий, международной обстановки.

Теоретические положения концепции национальной безопасности представляют собой реализацию комплексного подхода, то есть они раскрывают цели и задачи государственного регулирования безопасности, показывают роль власти в современном трансформационном процессе.

Регулированию принадлежит лидирующее место в социально-политической активности власти, так как в обществе нет более сложной проблемы, чем организация и управление взаимодействием людей, различными сообществами по самым разнообразным вопросам. Власть и общество тесно взаимосвязаны, поэтому, когда речь идет о государстве как главном субъекте регулирования общественных процессов, имеются в виду не все проявления, свойства и аспекты государственной деятельности, а только те из них, которые связаны с формированием и реализацией регулирующих воздействий в целях безопасного существования социума.

В современных условиях в России власть должна стремиться к позитивным изменениям, чтобы сформировавшееся государственное устройство отвечало социальным ожиданиям граждан и соответствовало национальному менталитету.

Усиление авторитарных тенденций в обеспечении безопасности, как считает автор, будет оправдано, если оно будет способствовать стабильности, движению к устойчивой модели развития современного российского общества. Государственное регулирование безопасности любого общества, тем более осуществляющего целенаправленные изменения в своей структуре, в способах реформирования, вызывает особый теоретический и практический интерес власти. Общественная система в целях сохранения социальной идентичности и упрочения своих позиций в международном сообществе призвана своевременно, и адекватно воплощать изменения, продиктованные историческими условиями. В настоящее время интенсивно ведется концептуальный поиск оптимальных вариантов государственного регулирования развитием сложных (больших) систем, к которым относится и социальная система, понимаемая, прежде всего, как политически оформленная совокупность социальных общностей в их целостности и целенаправленной деятельности.

Отправной точкой подобных поисков, ставших почти априорным, общепризнанным методологическим положением, является признание современного состояния человеческой цивилизации кризисным, требующим определенной трансформации с целью сохранить стратегические условия для ее стабильного развития и избежать крупномасштабной катастрофы.

Проблема построения нового мирового порядка сейчас выходит за рамки академических дискурсов, постепенно смещается в плоскость практических решений и разработки конкретных механизмов, технологий ее реализации. И здесь начинаются принципиальные разногласия по поводу того, кто, как и в чьих интересах будет осуществлять проект реформирования власти, что придаст социальной системе большую жизнеспособность.

Современная общественная практика выдвинула на передний план проблемы государственного регулирования безопасности российского общества, его влияния на трансформационные процессы в целом. В этой связи возникла объективная потребность в теоретическом анализе генезиса и содержания понятия государственное регулирование, его связи с такими категориями как «управление», «руководство», «организация», «партнерство», «развитие», «консолидация», «общность» и т.д.

Особо актуальными стали вопросы эффективности безопасности, способность регулировать социально-политические отношения в государстве, доверия и поддержки реформ широкими массами населения. Возрос интерес к изучению теории и практики государственного регулирования зарубежных общественных систем, возможности использования их опыта в российских условиях.

Значительно актуализировалась в последнее время потребность в выяснении роли государственного регулирования в решении задач восстановления социально-экономического, политико-культурного и оборонного потенциалов российского государства. Ошибки и неудачи в реформировании российского общества актуализировали проблему безопасности российского общества, которая в значительной мере зависит от его возможностей государства регулировать социально-политические отношения. Угрозы устойчивости социально-политических отношений в определенных условиях становятся угрозами безопасности общества в целом. Своевременная нейтрализация этих угроз имеет жизненно важное для России значение, что предполагает, в частности, первоочередное выяснение причин и анализ возможных последствий таких явлений, как недоверие политическому руководству, низкий рейтинг властных структур и политических лидеров, недостаточная эффективность «властной вертикали» в государстве.

Указанные причины определяют актуальность проведения специальных фундаментальных исследований в области геополитики и безопасности для формирования научной концепции национальной безопасности России. Но необходимо учитывать, что «центр действия и концептуального поиска смещается из сферы деятельности отдельного государства к деятельности мирового сообщества – мировой социальной политике». [4; с. 29].

Обеспечение национальной безопасности Российской Федерации в настоящее время существенно зависит от обеспечения одного из важных направлений безопасности в силу сложившейся неблагоприятной геополитической обстановки. Национальная безопасность как высшая государственная система противодействия угрозам нанесения ущерба государству, обществу и личности в организационно-управленческом отношении обеспечивается через практическую деятельность структур государственной власти, осуществляющих «руководство и направляют деятель-

---

ность специальных организаций и учреждений, которые занимаются локализацией и нейтрализацией возникающих угроз для общества». [5; с. 19].

Важнейшее средство реализации первого, конструктивного варианта развития есть признание государственного регулирования безопасности в качестве основной деятельности власти, что предполагает соблюдение, по крайней мере, двух основополагающих императивов.

Во-первых, любые политические намерения, связанные с быстрым и кардинальным переустройством политической системы, тем более допускающие использование нелегитимных, насильственных методов их реализации, должны быть в принципе отвергнуты как официально-государственными силами, так и оппозицией. Цели деятельности политических субъектов не должны носить на сегодняшний момент революционного характера. Ставка на узурпацию власти, введение чрезвычайного положения непродуктивна и губительна для становления демократической России. В ходе реформ сложились определенные, пусть иногда лишь декларируемые, демократические правила политического поведения (верховенство закона, соблюдение прав и свобод, выборность органов власти и т.д.), которые поддерживаются большинством граждан и которыми не следует пренебрегать. Общие, устойчивые «правила игры», единое правовое пространство есть необходимое условие эффективного государственного регулирования безопасности российского общества в целом.

Во-вторых, социально-экономические и военно-политические цели, даже если они имеют эволюционное содержание, следует тщательно соотносить со средствами их достижения и возможными последствиями. Их реализацию целесообразно связывать с развитием позитивных тенденций, консолидирующих общество, стимулирующих социальное партнерство и согласие. Подобное соотношение целей, средств и последствий нуждается в глубокой научной проработке. Дальнейшее экспериментирование в масштабах ядерной державы, поиск решений путем проб и ошибок, ценой огромных жертв недопустимы для России, растерявшей за короткое время свой запас государственной и общественной прочности.

Таким образом, современные трансформации существенно влияют на обеспечение национальной безопасности как высшей системы противодействия угрозам нанесения ущерба государству и обществу в организационно-управленческом отношении, что обеспечивается через практическую деятельность структур государственной власти.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Миронов В. В. Коммуникационное пространство как фактор трансформации современной культуры и философии // Вопросы философии. 2006. № 2.
2. Степин В. С. Философия и эпоха цивилизационных перемен // Вопросы философии. 2006. № 2.
3. Симонян Р. Х. От национально-государственных объединений к региональным // Вопросы философии. 2005. № 3.
4. Сидорина Т. Ю. Социальная политика – политика философской интерпретации // Вопросы философии. 2005. № 12.
5. Жуковский М. В. Политическая безопасность общества и проблемы её обеспечения в Российской Федерации // Безопасность. 2002. № 1–2.

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрены некоторые вопросы государственного регулирования безопасности российского общества, обозначены направления государственной политики, обуславливающей эффективное воздействие властных структур на трансформационные процессы современной России в условиях изменяющегося мира.

SOCIAL TRANSFORMATIONS AND STATE REGULATION OF SAFETY OF RUSSIA

Social transformations assume the various changes of social being directly connected to processes of social integration at various levels. Transformations occurring today in modern Russia mention all public life alongside with economic, political and spiritual spheres and are shown as the general(common) forms of action, interaction of people, social groups and a society.

The modern situation in the Russian society is characterized by an aggravation of contradictions in all spheres that testifies to sharp necessity of increase of an organizing role of the state structures for regulation not only sociopolitical attitudes(relations), but also process of a safety, to revealing of continuity of such regulation between the past, hereby, in view of domestic and foreign experience.

In this connection, social transformations cover all process of regulation of safety that assumes methodological development of a problem in a context of integration processes. Regulation possesses the main place in social activity of the state as it includes social groups and a generality, social communications(connections) and interrelations, social actions, interactions and attitudes(relations), social structure, social institutes and the organizations, social values and norms. It is caused by that in a society there is no more a challenge, than the purposeful organization and regulation by interaction of citizens on questions of a safety of their ability to live. The state and society are interconnected, therefore, when the question is the state as the conducting(leading) subject of regulation of public processes it means not all displays and aspects of the state activity but only those from them which are connected to formation and realization of regulating influences.

Modern safety of Russia is a system of principles and the sights revealing mechanisms, means and methods of protection of the state interests analyzed and approved from a position of international law, social and economic, political, ecological and humanitarian sphere from external and internal threats and dangers.

Transformations of a sociopolitical and economic life of Russia at the present stage is the purposeful modernization caused by necessity of realization of the chosen way of development that generates contradictions and the state structures and self-government institutions should settle conflicts, which significant part. But the contradiction by modernization not the unique contradiction of modern Russia.

Regulation possesses the main place in political and social activity of authority. It is caused by that in a society there is no more a challenge, than the purposeful organization and regulation by interaction of citizens on questions of a safety of their ability to live. The authority and a society are interconnected, therefore, when the question is power structures as the conducting(leading) subject of regulation of public processes it means not all displays and aspects of the state activity but only those from them which are connected to formation and realization of regulating influences.

Maintenance of national safety of the Russian Federation now essentially depends on maintenance of one of the important directions of safety by virtue of developed adverse geopolitics conditions. National safety as the maximum(supreme) state system of counteraction to threats of drawing of damage to the state, a society and the person in the organizational - administrative attitude(relation) is provided through practical activities of structures of the government. In the scientific - methodical attitude(relation) of national safety

in modern Russia for the last some years are created bases of the concept of a safety of the Russian state.

The major means of realization of the first, constructive variant of development - is a recognition of state regulation of safety as primary activity of authority that assumes observance, at least, two basic imperatives.

First, any political intentions connected to a fast and cardinal reorganization of political system, especially admitting use of illegitimate, violent methods of their realization, should be rejected basically both the official - state forces, and opposition. The purposes of activity of political subjects should not carry for today revolutionary character. The rate on usurpation of authority, introduction of state of emergency is unproductive and pernicious for becoming democratic Russia. During reforms there were certain(determined), let sometimes only declared, democratic rules of political behaviour (leadership of the law, observance of the rights and freedom, electivity of authorities, etc.), Which are supported by the majority of citizens and with which should not be neglected. General(common), steady "game rules", uniform legal space are a necessary condition of effective state regulation of safety of the Russian society as a whole.

Second, the social and economic and military-political purposes even if they have the evolutionary maintenance(contents), it is necessary to correlate to means of their achievement and possible(probable) consequences carefully. Their realization is expedient for connecting with development of the positive tendencies consolidating a society, stimulating social partnership and the consent. The similar parity(ratio) of the purposes, means and consequences requires deep scientific study. The further экспериментирование in scales of a nuclear power, search of decisions by trial and error, by huge victims are inadmissible for the Russia which has lost for short time the stock of the state and public durability.

Thus, maintenance of national safety of the Russian Federation now essentially depends on maintenance of one of the important directions of safety by virtue of developed adverse geopolitics conditions. National safety as the maximum(supreme) state system of counteraction to threats of drawing of damage to the state, a society and the person in the organizational - administrative attitude(relation) is provided through practical activities of structures of the government.

РАЗДЕЛ 2.
ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ И
ИСТОРИИ ДРУГИХ ФИЛОСОФСКИХ ДИСЦИПЛИН

Алексеев М. В.,
аспирант кафедры философии МГОУ

ГЕНЕЗИС СОЦИАЛЬНО-УТОПИЧЕСКОЙ МЫСЛИ:
ОТ МИФА К ЗНАНИЮ

Социальные утопии в истории человечества всегда занимали особое место, в ряде ситуаций они предшествовали революциям, становились проектами государственного переустройства, играли роль идеологии в ситуациях назревающих восстаний. Предшествуя многим общественным волнениям, они объединяли своими захватывающими образами нового миропорядка умы широких слоев населения. Влияние социальных утопий на формирование будущего грандиозно, ведь опыт прошлых теоретических построений философствующих утопистов вошел в нашу повседневную жизнь, и главное, опыт современных утопий будет усвоен и будущими поколениями. Таким образом, задача объективной оценки роли и значения социальных утопий в истории человечества требует особого внимания и многогранного исследования общественной реальности в ее взаимодействии с феноменом социальной утопии.

Утопическое сознание зародилось еще у наших праотцев. Трудно установить строгую дату возникновения этого феномена, так как истоки его уходят своими корнями в древность, в дописьменные времена.

Первично феномен утопизма существовал в виде мифа (“мифический утопизм”), в виде сказания о “золотом веке” (“Одиссея” Гомера, поэма Гесиода “Труды и дни”, шумерская легенда о стране Дельмун), об изначальном первобытном счастье, которое было утрачено (так называемые “народные утопии” с характерным стремлением вновь обрести “потерянный рай” в недалеком будущем). Сейчас нам известно, что подобные мифы существовали в Греции, в Европе, в России и в ряде других восточных стран в несколько разных формах, передавались из уст в уста, теша надеждами сердца обездоленных людей (век Кроноса, Сатурна в греко-римской традиции, страна Кокейн).

В легендах о царстве Кроноса у греков и Сатурна у римлян рассказывалось о том времени, когда люди были подобны богам и вели поистине счастливую и беззаботную жизнь, наслаждались дарами, в изобилии приносимыми природой. В то время не существовало ни рабов, ни хозяев, ни господ. С этими сказаниями были тесно связаны такие праздники как “кронии” и “сатурналии”, во время которых господа и слуги менялись своими обязанностями, своими ролями. В это время воцарялось безудержное веселье карнавального типа, что есть не что иное, как воспоминание о бесклассовом прошлом времени всеобщей свободы и братского равенства.

Основная особенность мифов периода раннего утопизма характеризуется “надеждой” людей вернуть былые времена бесклассового общества, характерного отсутствием эксплуатации человека человеком. В мифах о “золотом веке” люди сохранили память о предшествующих раннему классовому обществу формах взаимоотношений внутри общины, основывающихся на общем равенстве, свободе и

братстве. В мифах о “золотом веке” находит свое выражение своеобразный “протест” эксплуатируемых слоев общества складывающимся раннеклассовым отношениям, в мифах выражен и отказ смириться с новым общественным порядком.

Таким образом, как самостоятельный культурный феномен “социальный утопизм” как *стремление преодолеть дисгармонию в человеческом обществе* впервые зарождается в ходе разложения патриархальных первобытнообщинных отношений и становления рабовладения в его наиболее примитивной форме. В этот период начинается процесс первичной классовой дифференциации, связанный с различными формами эксплуатации привилегированной аристократической верхушкой общества остального зависимого населения, в том числе и рабов.

С течением времени надежда людей вернуть былые времена бесклассового общества обнаруживает свою несостоятельность, безосновность. Дальнейшее развитие общества пошло по пути еще большей дифференциации форм человеческих отношений. Стимулируемое развитием торговли и ремесел общество еще в большей степени раскалывается, разделяется на различные группы (сословия, классы), объединенные общими интересами, общим мировоззрением. К существующим эксплуататорам рабской силы, занимающим преимущественно верхушку общественного организма, добавляются ремесленники и торговцы, занимающие промежуточное звено между эксплуататорами и эксплуатируемыми. В этот период “утопизм” претерпевает существенные изменения, наиболее ярко проявив себя в греческом мире.

Влияние мифа о “золотом веке” в Греции проявляется в идеализации историками (Геродотом, Теопомпом, Гекатеем Абдерским) “варварских народов”. Позднее появляется теория “естественного состояния”, разрабатывавшаяся Платоном, учеником Аристотеля Дикеархом, стоиками Зеноном и Посидонием, а также киниками, восхвалявшими примитивную жизнь “по природе” как состояние истинное, непорочное.

В лоне греческой мысли протекает борьба с “мифологическим мировоззрением”, которому противопоставляется рациональность, “трезвость” мысли, именно под воздействием последней формируется новая форма утопической мысли – “рациональный утопизм” со своим стремлением упразднить классовые антагонизмы на основе рациональности и представить решение в виде конкретного, логически обоснованного проекта социальных преобразований. Это идея государства Платона и его труд “Законы”, являющийся фактически продолжением учения о государстве, это проекты Фалейя Халкедонского и Гипподама, сына Еврифонта, уроженца Милета, к которым обстоятельные комментарии мы можем найти в “Политике” Аристотеля. Как говорил В.А. Гуторов: “Появление в V веке до н.э. рационалистических проектов идеального общества знаменовало собой переход общественной мысли человечества на качественно новый этап, выражающийся в первой попытке теоретического осмысления природы социально-политических процессов, стремлении преодолеть негативные последствия развития цивилизации (с характерным для нее разделением общества на борющиеся сословия и группы – прямое следствие товарно-денежных отношений), опираясь не на помощь сверхъестественных сил, а на человеческий разум”. [1]

Как известно, проект “Государства” Платону осуществить не удалось, не смог он найти просвещенного правителя и не смог увлечь своими идеями широкие массы. И не удивительно, что на склоне лет с горечью он пишет в “Законах”: “... указанному сейчас вряд ли когда-нибудь выпадет удобный случай для осуществления, так, чтобы все случилось согласно нашему слову”. [2] Но независимо от этой “неуда-

чи” Платону удалось вдохновить своими искренними поисками многих творчески мыслящих людей, которые в своем богатом воображении рисовали картины жизни “Государства”, нередко приукрашивая свои произведения мыслями других философствующих умов, строя догадки о возможных порядках “Государства”. Они своими произведениями оказали колоссальное влияние на сознание масс, привлекая все больше внимания широких слоев населения к утопической проблематике. Это комедия Аристофана “Женщины в народном собрании”, утопическое произведение Эвгемера, роман Ямбула и многие другие творения, в которых осмысливаются идеи “Государства” и в более поздние времена, это направление утопической мысли – “иллюстративный утопизм”, выполняющий преимущественно предидеологические функции.

Время раннего христианства, средние века не дали нам известных утопических произведений, но стоит отметить присутствие ряда утопических настроений, в основной своей массе основанных на Священном писании с элементами древнегреческой мысли об изначальной чистоте и непорочности человека, идеей естественного права. Находим присутствие ряда таких идей у гностиков, манихеев и других, дуалистических концепций пантеистического характера. Гонимые церковью за ересь и государственной властью за революционные настроения они, в конечном счете, сыграли свою роль, в историческом развитии Европы, оказавшись катализатором, а иногда и причиной преддверия революций (Италия, Чехия, Германия)[3]. Это ранняя еретическая традиция, известная из учения Эпифана, хилиастическое учение Иоахима Флорийского о трех царствах, последовательно сменяющих друг друга, это пантеистические проповедники: Амальрих Бенский, Виклеф и Джон Болл; это секты катаров, беггардов, таборитов и радикально настроенных адамитов. Позднее эти настроения встречаются у анабаптистов: Мельхиора, Гофмана, Томаса Мюнцера, Яна Бокельзона (он же Иоанн Лейденский), Яна Матиса, Себастиана Франка и многих других.

Развитие “утопизма” во времена раннего христианства и в средние века имеет ряд своих особенностей. В отличие от “надежд”, выраженных “мифическим утопизмом”, и рационального проектирования возможных моделей общественного организма, создававшихся в греческий период, возникает иное, стихийно распространяющееся явление. Дух утопизма проникает во всевозможные проповеди, представляя собой уже иную, новую форму, он сливается с идеологией, поглощается ею, составляя тем самым органически неделимое целое (“революционный утопизм”). Стоит отметить, что и ранее присутствовала подобная практика, но она ограничивалась незначительными масштабами, единичными случаями, имела относительный, поверхностный характер[4], и впервые в истории массовость этого явления во всей его глубине замечается лишь в описываемый период. Если изначально “мифический утопизм” был памятью о далеком прошлом предков, утраченной в греческий период надеждой на возвращение былых времен, то теперь эта сила от внутреннего мира надежд и фантазий человека обращается во внешний – материальный мир, пытается практически воздействовать на него.

Европейское общество в периоды Возрождения, Реформации и Просвещения создает благоприятные условия для развития утопических настроений. Сквозь поток времени, стремительно промчавшись, утопический логос, вновь находит себя в истории, но основной вопрос, вставший ранее в этом особом явлении, остается неизменным – вопрос лучшего мироустройства.

В Европе возрождается греческая мысль во всей своей красе. Не исключени-

---

ем оказалась и утопическая традиция. Богатое воображение, вдохновленное греческой мыслью, рисует возможные картины жизни людей, которые мы находим в творчестве Антона Франческо Дони, Томаса Мора, Френсиса Бэкона, Дени Вераса, Кампанеллы, Кабэ и других мыслителей, людей обозначивших своими творениями период “нового иллюстративного утопизма”. Томас Гоббс создает проект правового государства, Джону Беллерсу принадлежит идея создания кооперативных колоний, Джерард Уинстенли, идеолог движения диггеров, в своей практике удачно совмещает ранее известные формы “социального утопизма”, а в сочинении “Закон свободы” он предлагает план полного переустройства общества на основе ликвидации частной собственности на землю.

Период XVI – XVII веков бесспорно можно назвать расцветом “социального утопизма”, предопределившего последующее общественное развитие Европы. Как никогда раньше велико было его влияние на общественное сознание, элементы утопий проникают во все сферы жизни, развивающаяся литературная традиция не является исключением. Поиски продолжаются, но только теперь ищущих не десятки философствующих умов, а относительно большие массы, сознающие истоки утопических проблем.

Стремительно развивающиеся секулярные тенденции, картезианское *cogito* на века определяют специфику нового европейского мировоззрения. Искренняя вера в Бога подменяется верой в разум, в его безграничные возможности. Развивается наука и прикладное ремесло, в конце XVIII века возникают предпосылки возникновения индустриального общества и связанных с ним тяжелых социальных проблем, которые одним из первых смог заметить Клод Анри Сен – Симон.

Наука и технология, по А. Сен – Симону, смогут решить социальные проблемы. Существует порядок всеми ощущаемых интересов, этот порядок един для всех, но есть еще и интерес, относящийся к развитию жизни и благосостояния, поэтому все люди должны действовать сообща. А. Сен – Симон призывает покончить с недостойной нуждой, в чем видит истинную цель наук, ремесел и искусств, отстаивает важность компетентности ученых во власти и предостерегает от “паразитов”, стремящихся использовать власть в своих корыстных интересах.

Наравне с реформационным подходом к решению поставленных проблем существовал и другой подход - революционный, возникший в маргинальной среде и представленный, в частности, Франсуа – Ноэлом Бабефом – лидером левого крыла плебейских сил во Французской революции. Франсуа – Ноэл Бабеф был противником всех правительств, со своими сторонниками организовал тайную организацию “Заговор равных”, которая ставила своей целью насильственным способом устранить правительства и установить революционную диктатуру коммунистического общества. По проекту Бабефа, необходимо отменить права наследства, денежную систему и частную собственность, полноправными гражданами государства считались только те лица, что занимались общественным трудом, а все остальные объявлялись иностранцами.

Дальнейшее развитие экономики начала XIX века практически не оставляет выбора рабочим. В результате начавшейся индустриализации остается без дела все большее число людей, станки и незначительная группа операторов оказываются в состоянии заменить собой целую бригаду, руками осуществлявшую производственный процесс. Эффективность машины бесспорна и огромные массы трудящихся с течением времени теряют работу, лишаются средств существования. В обновленном виде возникает “рациональный утопизм”, всестороннюю разработку социальных

проблем осуществляют преимущественно философы, союз дела и разума, мыслителей и рабочих в сложившейся исторической ситуации оказывается единственной надежной, казалось бы, еще способной восстановить равновесие, баланс социальных отношений. Основной характеристикой этого времени являются многочисленные попытки практического осуществления утопических проектов.

Нельзя не отметить вклад в развитие идеологии рабочих, внесенный Пьером Жозефом Прудонем, сторонником перемен и защитником профсоюзного движения. Он был противником как частной собственности, так и коммунизма. Как считал Прудон, “собственность – это обман”, ибо “коллективная сила” организованных трудящихся дает намного больше того, что потом получают рабочие. Социальный порядок Прудона основан на справедливости, “уважении, спонтанно принятом и взаимогарантированном к человеческому достоинству любой личности, что защищает ее от любых посягательств”. [5]

Ярким представителем “обновленного рационального утопизма” был Шарль Фурье, в 1808 году публикующий свой основной труд – “Теорию четырех движений и всеобщих судеб”, в котором излагает свои взгляды о социальной организации общества. Решение проблемы он видит в объединении граждан в “фаланги” – производственные ячейки, призванные за счет совместного производства обеспечить доход его участникам. Проект Шарля Фурье представляет собой центральное ядро для последующих многочисленных коммун, в котором описываются основные принципы внутриобщинного взаимодействия.

Успешно совмещающим теорию и практику был Роберт Оуэн. Встревоженный экономическим кризисом 1815 года он предложил план расселения безработных в “поселках общности и сотрудничества”, но осуществить задуманное ему удалось лишь в 1825, когда в Великобритании была создана экспериментальная община. Будущее общество Оуэн представляет в виде свободной федерации небольших социалистических самоуправляющихся общин, основанных на общем владении собственностью и общем труде.

Так “социальный утопизм” от надежд, нашедших свое выражение в мифах, прошел в своем развитии через греческий период рационального проектирования (в котором сформировался основной подход к решению проблематики) в средние века и новое время (в которых обнаруживается потенциальная сила, дремлющая в этом феномене). И начиная с XVI века, происходит постепенная интеграция всех ранее возникших форм “социального утопизма” в одну систему, стройную, трансформирующую общественную реальность, обладающую колоссальной воздействующей на общество силой, выразителями которой, сумевшими удачно обобщить завоевания предшественников, были Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Философская разработка утопической проблематики способствовала формированию классового самосознания угнетенных, объединяла их, мотивировала к действиям, а возникающие утопические проекты заполняли образовавшуюся пустоту, являясь путями выхода из сложившихся обстоятельств.

К. Маркс и Ф. Энгельс писали о своем учении, что оно “стоит на плечах Сен-Симона, Фурье и Оуэна – трех мыслителей, и, несмотря на всю фантастичность и весь утопизм их учений, они принадлежат к величайшим умам всех времен и которые гениально предвосхитили бесчисленное множество таких истин, правильность которых мы доказываем теперь научно”. [6] К. Маркс и Ф. Энгельс положили начало научному исследованию истории социалистических идей, основываясь на диалектическом методе Гегеля, они показывают в своих трудах путь развития социализма

от утопии к науке, в новой форме они возрождают “рациональный утопизм”, придавая ему сциентистский дискурс.

В своих трудах К. Маркс и Ф. Энгельс отмечали, что социализм как предшественник коммунизма не формируется стихийно в недрах предшествующего ему общества капитализма. Следовательно, прежде чем призывать общество к трансформации, необходимо тщательно продумать и разработать теоретико-прогностическую модель данного общества, подкрепить ее экономическим анализом тенденций развития производства, прогнозированием возможных социально-культурных преобразований. И только тогда можно говорить о научном проекте.

Такая модель у Маркса и Энгельса представлена в общих чертах. Основные черты марксистской модели это: отсутствие частной собственности, рынка, конкуренции, денег, планируемое и бескризисное народное хозяйство, отсутствие государства и упразднение его институтов. Все эти положения в большинстве случаев не конкретизированы, и отсутствует механизм их реализации. Не понятно кто и каким образом осуществляет централизованное управление в таком обществе. Нет ответа на вопрос, что обеспечит эффективность планового хозяйства (в капиталистическом обществе таким механизмом является свободная рыночная конкуренция).

Стоит отметить, что, начиная с Платона, в рамках развития западной традиции социального утопизма, теоретики-утописты подходят к решению “утопических проблем” односторонне - материалистично, пытаются найти выход, решить проблему за счет трансформации общественной реальности по плану идеализированных проектов. Их мысли преимущественно о внешних взаимоотношениях между людьми, а духовная составляющая человека, его внутренний мир по каким-то причинам остаются без должного внимания.

Периодическое возникновение утопических произведений в рамках исторического процесса выглядит как определенная тенденция развития этого явления. Наблюдается ярко выраженная наследственность социалистических и коммунистических идей, схожие общественные ситуации при возникновении утопий. По мнению Гуторова, “Возникнув вместе с цивилизацией, как реакция на углубляющиеся социальные антагонизмы, утопизм становится неотъемлемым элементом сознания различных слоев древнего общества. В условиях преобладания религиозного сознания он первоначально обнаруживает себя в мифах и фольклоре, в эсхатологически окрашенных картинах грядущего и, наконец, играет важную роль в социальных движениях, в формировании их идеологии, а также в программах ряда древних реформаторов”[7].

Первопричина возникновения социального утопизма как культурного явления кроется в ситуации, когда патриархальное общество утратило возможность достойно отвечать вызовам времени, и на смену ему пришло раннеклассовое общество, отягощенное неравенством и эксплуатацией человека человеком. В этой ситуации возникает стремление восстановить утраченную гармонию, и решение видится в возврате к предыдущей форме общественных взаимоотношений. Воплощением этих мечтаний стали мифы и легенды о “золотом веке”, о земле предков, лишенной зла и страданий.

Последующее развитие общества пошло по пути еще большей дифференциации классовых взаимоотношений, что обусловило интенсивный рост общественных антагонизмов, усиливавших влияние мифов и легенд о “золотом веке” на население. С течением времени социальный утопизм становится неотъемлемой составляющей духовной жизни народов, и, как писал еще в начале XX века польский исследова-

тель А. Свентоховский, «невозможно представить себе ни одной эпохи, ни одного народа, даже ни одного человека, который не мечтал бы о каком-то рае на земле, который бы не был в большей или меньшей степени утопистом. Где только существует нищета, несправедливость, страдание, а существуют они всегда и везде, - там должно проявиться также искание средств для искоренения причин зла. Через всю историю культуры проходит целая лестница самых различных видов утопий»[8].

Подводя итоги выполненной работы можно сделать следующие выводы:

- как самостоятельный культурный феномен социальный утопизм зарождается в период перехода общества от патриархальных отношений к раннеклассовым отношениям;

- основной характеристикой социального утопизма является стремление к гармонизации общественных отношений;

- наибольшая активность утопических настроений в общественной среде наблюдается в периоды нестабильного общественного состояния;

- наблюдается несколько независимых периодов развития социального утопизма в западной традиции, обусловленных крупными общественными кризисами: период “мифического утопизма”, период “рационального утопизма”, период “иллюстративного утопизма”, период “революционного утопизма”, период “нового иллюстративного утопизма”, период “обновленного рационального утопизма”;

- под воздействием интенсивно развивающейся науки “обновленный рациональный утопизм” трансформируется в “утопизм научный”.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Гуторов В.А. Античная социальная утопия. Л., 1989, с. 16
2. Платон. Законы. Собр. соч.: в 3 т. Т. 3. М., 1994, с. 198
3. См: Волгин В.П. История социалистических идей. Ч.1. М.-Л., 1928
4. См., например: Мишулин А.В. Спартаковское восстание. Революция рабов в Риме в I в. до н.э. М., 1936; Ельницкий Л.А. О социальных идеях Сатурналий // Вестник древней истории. М., 1946, №4; Ельницкий Л.А. Из истории революционной идеологии эллинизма. Эвн как царь Сатурналий // Вестник истории мировой культуры. М., 1957, №6
5. Цит. по: Д. Антисери и Д. Реале. Западная философия от истоков до наших дней. Т.4. СПб., 2004, с.119
6. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, с.498-499
7. Гуторов В.А. Античная социальная утопия. Л., 1989, с. 11
8. Свентоховский А. История утопии. М., 1910, с. 5.

АННОТАЦИЯ:

В статье Алексеенкова М.В. рассматривается историческое развитие феномена социального утопизма в истории западной культуры. Проводится классификация социально-утопической мысли, выделяются основные периоды исторического развития явления.

This clause of M. V. Alekseenkov narrate about the historical development of a phenomenon of social utopianism in the history of the western culture. It's classified as a socially-utopian idea and there are distinguished some basic periods of the historical development of the phenomenon.

Беляев И.М.,

*Институт экономики и предпринимательства,
преподаватель кафедры философии*

РАЗНОУРОВНЕВАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ ЛИЧНОСТИ В ФИЛОСОФСКИХ СИСТЕМАХ НОВОГО ВРЕМЕНИ И НЕМЕЦКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

В разные исторические периоды развития философии и естествознания постановка проблемы личности имела свою специфику, которая определялась как социальной обстановкой, так и уровнем развития естествознания. Уже в произведениях древних философов мы встречаем высказывания о месте человека в мире, его отношении к нему, оценку средств познания этого мира. Например, представители милетской школы (Фалес, Анаксимандр, Анаксимен) рассматривали мир как живое целое, порядок (космос), который человек постигает силой своего разума. Умозрительный характер их взглядов на мир и человека состоял в отождествлении органической и неорганической природы, в антропоморфическом наделении неорганической природы свойствами живого. Но уже здесь ставятся проблемы, предполагающие выяснение места и роли человека в мире, однако здесь нет чёткости постановки проблемы человека, тем более не встаёт более сложная – проблема целостности человеческой личности.

В индустриальную эпоху развиваются и различные науки, в том числе возникают и различные учения о человеке. Именно поэтому в философских системах Нового времени проблема человека выдвигается на первое место. Правда, представления о человеке носят ещё весьма общий характер. Более того, неразвитость естественных наук, засилье теологических представлений о мире приводило к разделению человека на две части – тело и душу. Так у Бэкона, родоначальника английского материализма, мы видим такое разделение человека: с одной стороны человек обладает телом, с другой – разумной, присущей только ему душой. Бэкон считает, что религия должна решать вопрос о том, что представляет собой эта душа. Наука должна исследовать причинность, которая распространялась только на тело, а не на душу. Бэкона волнует проблема, как у человека возникают знания, с помощью какого метода, возможно, соединить опыт и рассудок. Он разрабатывает логические принципы индуктивного метода. Человек у Бэкона – это пассивно воспринимающее воздействия существо, обладающее разного рода предрассудками (идолами). Однако, в центре внимания у Бэкона не человек, а внешний мир, природа, поэтому в целом представления о человеке Бэконом не развиты.

Только в философии Декарта была предпринята попытка объяснения природы человека, в естественнонаучном плане. Однако человек у Декарта разделён на тело, обладающее протяжённостью и душу, обладающую атрибутом мышления, «страстями» души. Нельзя сравнивать движение тела, преодолевающее протяжённость пути, с внепространственным движением мысли. Это положение вытекало из общей механистической концепции Декарта. Материя сводилась у него лишь к её физической разновидности, связанной только с механистической формой движения. Она имеет лишь одно свойство – протяжённость, а вопрос об отношении психики к материальному телу был выражен в виде психофизической проблемы.

Сущность психофизической проблемы Декарта состояла в дуалистическом противопоставлении психического физическому, как двух совершенно самостоя-

тельных субстанций в одном человеческом организме. Это разделение имело для своего времени, для времени борьбы со схоластикой прогрессивное значение, открывавшее путь в науки, но было сделано за счёт психики, которая отдавалась богословию. Психика не была для Декарта предметом естественнонаучного объяснения как дух, познающий себя и доступный лишь для себя. Это самоотражение сознания в себе самом — интроспекция, стала впоследствии центральным принципом и субъективным методом идеалистической психологии и философии, рассматривающих психику как божественное провидение, как замкнутый в себе мир, а не как отражение объективной действительности.

Признание субстанциональности психики, её независимости от материального бытия, и, следовательно, признание неразвиваемости психических явлений, неизбежно привело Декарта к отрицанию психики у животных, которые представлялись ему просто автоматами, лишёнными даже зачатков психического. Такое понимание психики закрывало её генетическое изучение, а также пути изучения и становления личности.

Механистически понятая физиология, исключавшая из предмета своего рассмотрения психику, сознание, неизбежно привела Декарта к поискам какого-то самостоятельного начала в организме. Таким началом Декарт считал нематериальную, мыслящую субстанцию, душу, которая связана с телом шишковидной железой (qf. renialis), расположенной в мозгу, как седалище души. С помощью души, попавшие в мозг «животные духи» направляются к определённым органам, вызывая их ответные реакции. Для Декарта мозг — рояль, пассивный инструмент, а душа — игрок, извлекающий из него все арии.

Однако Декарт, как известный натуралист в известной мере чувствовал несоответствие между автоматизмом «животных духов», двигающихся по нервным трубкам и целесообразностью организма в целом. Это противоречие он пытался сгладить с помощью страстей. У человека две страсти: радость и печаль, которые уведомляют душу о внешних раздражителях и способствуют накоплению опыта. В связи с этим схема рефлекса приняла более содержательный вид: внешний раздражитель вызывает движение «животных духов» по нервам, которые вызывают страдательное состояние шишковидной железы, сигнализируя душе о характере раздражителя. Отфильтрованные «животные духи» с помощью железы, раздувая различные органы, заставляют их отвечать на внешние раздражители.

В этой схеме сознание противопоставлялось поведению, психическое противопоставлялось физиологическому, оно выступало как некий эпифеномен, наделённый от бога активностью и самостоятельностью. Так, целостная личность расщеплялась на пассивное тело и активную психику, а главным интегратором и двигателем личности объявлялось сознание.

Но главным вкладом в науку было у Декарта учение о причинной обусловленности деятельности организма внешним миром, что привело к обоснованию рефлекса. Рефлекторная деятельность рассматривалась Декартом как отражение внешнего мира, что придало проблеме гносеологический характер. Психофизиологический параллелизм был средством вовлечения организма в сферу действия причинных закономерностей.

Давая методологическую оценку рефлекторной теории Декарта, следует подчеркнуть, что она была лишь частным выражением механико-материалистического объяснения мира с его принципом механистического детерминизма. Что касается оценки схемы рефлекса Декартом, то её абстрактность, умозрительность не вызывает сомне-

---

ний, что дало основание Павлову назвать её «первобытной». Здесь рефлекторный акт был представлен в виде разомкнутой дуги по схеме: раздражитель – ответ организма, то есть не принималась во внимание оценочная деятельность нервной системы. Это закрывало путь для объяснения целесообразного поведения личности.

Субстанциональный дуализм Декарта явился обоснованием теории психофизиологического параллелизма, которая наложила глубокий отпечаток на понимание сущности человека. Причём влияние это было двояким в соответствии с двойственностью и противоречивостью мировоззрения самого Декарта.

Спиноза пытался преодолеть дуализм Декарта с позиции того же механистического материализма, который был свойственен и эпохи самого Декарта. Природа, субстанция, называемая Спинозой богом (дань своей эпохе), обладая множеством атрибутов, в том числе протяжённостью и мышлением, благодаря своему существованию в посторонних силах не нуждается, но принимает у Спинозы вид отвлечённого метафизического существа. Субстанция находится в единстве с модусами. Душа и тело хотя и независимы друг от друга, но представляют собой «двуединный» процесс единой субстанции «... душа и тело составляют одну и ту же вещь в одном случае представленную под атрибутом мышления, в другом под атрибутом протяжения»¹.

Однако вопрос о том, как из неподвижной субстанции вытекает многообразие движущихся модусов, остался у Спинозы неразрешимым. Противопоставление Спинозой субстанции и её атрибутов, взаимонепроницаемость этих атрибутов, по справедливому замечанию В.В.Соколова, «не даёт возможности говорить о полном преодолении картезианского дуализма в решении психофизиологической проблемы»², и, следовательно, проблемы человека.

Из метафизического понимания сущности субстанции вытекало и метафизическое представление о природе сознания, которое Спинозой рассматривалось не как продукт развития высокоорганизованной материи, а как изначально присущее материи её свойство, как простая модификация вечного свойства субстанции в виде атрибута мышления.

Душа для Спинозы – не нечто субстанциональное, а простая совокупность духовных способностей человека, в силу чего их можно упростить, свести с помощью физики к простым механическим законам и тем самым сделать более доступным для познания. Причём Спиноза, хотя и не преодолевает до конца дуализм Декарта, но всё же говорит о зависимости души от тела: «если тело не деятельно, то и душа не способна к мышлению»³. Из единства души и тела как модусов атрибутов вытекало, что одно из них не может быть причиной другого, следовательно, «порядок и связь идей те же, что порядок и связь вещей»⁴.

Сущность души состоит в познании. Идеи не есть что-то немое наподобие рисунка на доске, а «модус мышления именно само разумение»⁵. То есть Спиноза как рационалист подчёркивает логическую природу познания. Мышление Спиноза понимает очень широко, как сознание, так как включает в него чувства. Поскольку душа – это проявление атрибута мышления, который является коренным свойством субстанции природы, подчиняющейся законам механики, то и на душу, как свойство субстанции распространяется принцип механистического детерминизма. В «Этике», Спиноза последовательно проводит мысль, что мышление не является телесным процессом.

Однако в целом человек понимается Спинозой не как продукт исторического развития, а как природное существо, как частица природы. Здесь в полной мере проявился механицизм Спинозы, не позволивший ему правильно поставить и ре-

шить проблему человеческой личности.

Английский материалист XVII-XVIII веков Джон Локк разрабатывал идею сенсуалистической теории познания. В своём основном труде «опыт о человеческом разуме» Локк ставил вопросы о познавательных способностях человека, о происхождении человеческого знания. Локк выступал с критикой декартовского учения о врождённых идеях, считая, что все знания человек приобретает в процессе жизни. Человек при рождении подобен чистой доске (*tabula rasa*). В процессе воспитания и обучения через чувственное познание человек приобретает знание о мире. Сознание носит индивидуальный, личностный характер, наполняясь знанием о мире через органы чувств. Роль разума состоит в том, чтобы сопоставлять и комбинировать простые идеи, ощущения. Слова, выражая общее, являются знаками сложных идей. Отношение разума к своим собственным ощущениям является рефлексией, которая позволяет иметь идеи, полученные вне опыта. Эти идеи в силу своей всеобщности организуют и направляют опыт личности на познание своих способностей. «Рефлексия Локка, - справедливо отмечает Ф.Т. Михайлов, - представляет собой попытку обосновать наличие в разуме идей, непосредственно в чувственном опыте личности не приобретённых»⁶. В этом была непоследовательность Локка в понимании происхождения знаний.

Человека Локк рассматривал как биологический индивид, как некую психофизиологическую сущность вне связи с общественно-исторической практикой. Именно это наложило отпечаток на решение многих проблем и в том числе и на решение проблемы целостности человека, которая сводилась лишь к целостности сознания, разума. Развитие сознания, в свою очередь, представлялось крайне односторонне, как суммирование чувственных данных. Отсюда вытекал известный лозунг сенсуализма: в разуме нет ничего, чего бы не было в чувственном познании. Отсюда выводятся и этические проблемы, которые он связывает лишь с индивидуальным опытом личности. «Если мы бросим взгляд на людей, - пишет Локк, - каковы они есть, то увидим, что в одном месте одни чувствуют угрызения совести из-за того, в чём другие в другом месте поставляют свою заслугу»⁷. Нравственные качества зависят от длительного удовольствия (здоровья, славы). На этой же основе Локк пытается показать целостность человека, как взаимосвязь ощущений, эмоций и разума.

Краткий обзор философских концепций характеризующие разноуровневую детерминацию личности разработанных в период Нового времени, его яркими представителями такими как: Декарт, Спиноза, Локк, позволяют сделать следующие принципиальные выводы.

Во-первых, заслуга Декарта состояла в том, что он объяснил связь организма с внешним миром детерминистически, причинной обусловленностью организма со средой. Правда, детерминизм Декарта не выходил за пределы механистического объяснения мира. Называя живой организм машиной, он подчёркивал этим, что живое существо может быть объяснено естественнонаучным путём. Это привело Декарта к открытию схемы рефлекса, которая связывала организм с внешним миром.

Недостатком этой схемы было то, что рефлекторный акт был представлен Декартом в виде разомкнутой дуги по схеме: раздражитель — ответ организма. В этой схеме не принималась во внимание оценочная деятельность организма, что закрывало путь для целесообразного поведения.

Во-вторых, субстанциональный дуализм Декарта явился обоснованием теории психофизиологического параллелизма, которая наложила глубокий отпечаток

на последующее понимание соотношения психики, сознания с материальными процессами. Причём влияние это было двояким (материалистическим и идеалистическим) в соответствии с двойственностью и противоречивостью мировоззрения самого Декарта.

В-третьих, в философской концепции Спинозы, из метафизического понимания сущности субстанции вытекало и метафизическое представление о природе сознания, которое рассматривалось Спинозой не как продукт развития высокоорганизованной материи, а как изначально присущее материи свойство, как простая модификация вечного свойства субстанции в виде атрибута мышления. Однако в целом человек понимается Спинозой не как продукт исторического развития, а как природное существо, как частица природы. Здесь в полной мере проявился механицизм Спинозы, не позволивший ему правильно поставить и решить проблему души и тела, проблему сознания.

В-четвёртых, Джон Локк, другой представитель философии Нового времени, рассматривал человека как биологический индивид, как некую психофизиологическую сущность, вне связи с социумом. Именно это наложило отпечаток на решение многих проблем и в том числе на решение проблемы сознания, разума, развитие которого представлялось крайне односторонне, как суммирование чувственных данных.

Идеализм использовал слабости материализма XVII-XVIII веков для борьбы с материализмом вообще, а не только с механистическим видом материализма. Но заслуга идеализма состояла в разработке активной стороны деятельности человека. Примером такой разработки проблемы человеческой личности является философия Канта, которому принадлежит заслуга впервые обосновать необходимость целостного подхода к изучению личности. Эта целостность обосновывается им как единство различных структурных уровней деятельности, которые Кант пытался объединить с определённым восприятием. Сама деятельность у Канта не есть многообразная деятельность опредмечивания, то есть материальная практическая деятельность во всех её проявлениях, а односторонняя субъективная деятельность. Именно деятельность определяет и моё собственное Я.

Но деятельность Я, по Канту, это самосознание, а не деятельность конкретно-исторической личности. Самосознание – трансцендентальная апперцепция, «Я» – чистое понятие. Самосознание становится реальным лишь тогда, когда оно является самопознанием (что «Я» есть), а самопознание является опредмечиванием, основой которого является чувственность (внешняя – пространство и внутренняя – время или чувство самого себя). Эти априорные формы чувственности не рядоположны, так как внешняя сводится к внутренней, исходит из неё как из субъекта, из чувства самого себя. Фактом является и то, что единство деятельности выводится из единства сознания. Это типичная для идеализма схема подмены единства бытия единством сознания. Цельность деятельности личности, конкретного индивида сводится лишь к целостности и активности сознания. У Канта механизмом, обеспечивающим эту целостность, является продуктивная способность воображения, осуществляющая синтез чувственности и рассудка. Как справедливо отмечает Ю.Бородай действительно «коперниковским» переворотом в философии было то, что Кант впервые разрушил миф о пассивной созерцательной природе разума, человеческого сознания вообще. Кант впервые выразил (правда, в мисцифированной форме) мысль, что «внешняя вещь вообще дана человеку лишь, поскольку она вовлечена в процесс его деятельности»⁸. Так, на основе синтеза чувственности и рассудка, в

процессе деятельности, возникает предмет знания. Механизмом этого синтеза является продуктивная способность воображения (априорный синтез воображения), которая создаёт всеобщие и необходимые формы, например, понятия и накладывает из на эмпирическое многообразие чувственности. «Итак, - пишет И. Кант, - у нас есть чистое воображение, как одна из основных способностей души, лежащая в основании всякого априорного познания»⁹. То есть здесь робко, но уже вводится категория «деятельность», но основной акцент объяснения целостности и активности поведения делается на сознание, способности души. Но Кант видит ограниченность этой схемы. Пытаясь преодолеть её, он даёт анализ различных уровней человеческой деятельности, то есть различных отношений к действительности.

Кант пытался разрешить противоречие между конечностью и ограниченностью отдельного индивида и всеобщим характером знаний о мире. Но он опирается лишь на индивида, а не на конкретно-историческую личность, поэтому ему не удалось разрешить это противоречие. Правда, он правильно ставит вопрос о многоуровневом характере человеческой деятельности, отражающий разные формы отношения человека к миру: познавательное и непознавательное (практический разум) или, другими словами, научное и нравственное отношения. С точки зрения Канта для понимания целостности человеческого сознания недостаточно его характеризовать лишь с точки зрения знания, поэтому он ограничивает «чистый разум» разумом практическим, нравственным. Источником регуляции нравственности является сам человек, который «выбирает себя» согласно с законом «чистого» нравственного должствования, подкреплённого страхом перед богом. Для нравственного человека необходимо изменение «высшего внутреннего основания принятия всех его максимумов согласно с нравственным законом». «Чистый разум», «чистая нравственность» - различные уровни самореализации человека.

Итак, Кант ставил проблему целостности как проблему целостной деятельности человека и в этом состоит рациональный момент его подхода к проблеме личности. Но сам человек понимался Кантом крайне абстрактно, вне общественно-исторической практики, а потому его философия была лишь ориентиром для дальнейших поисков путей формирования общественной природы разума, нравственности целостной человеческой личности вообще.

В «Феноменологии духа», Гегель показывает процесс становления сознания как продукта развития истории и различных видов трудовой деятельности. Абсолютная идея проходит ряд ступеней в своём развитии: мышление, природа, дух, которые, в свою очередь, подразделяются на ряд этапов. В частности, дух проходит ступени субъективного, объективного и абсолютного духа. Учение о субъективном духе разделяется на антропологию (учение о душе и теле), феноменологию (учение о сознании), психологию (учение о личности).

Гегель критикует Декарта за разделение души и тела на две разные субстанции, связанные между собой только в боге, как моменты высшего единства. Спинозу, Гегель критикует за то, что он не показывает развитие субстанции, не показывает, как субъект проявляется в различных формах своего существования.

В «Феноменологии духа» Гегель говорит о сложности этой проблемы, которая усугубляется тем, что душа и тело имеют разные свойства. Так, душа не материальна, едина, обладает самостоятельностью, а тело материально, обладает дробностью в силу своей сложности, множественностью, инертностью. Поэтому такие конкретные науки как психология, физиология, не могут решить проблемы единства души и тела, так как «психологический, или обычный способ рассмотрения лишь повест-

---

вуют о том, что представляет собой дух или душа, так что душа предполагается здесь уже как готовый субъект, в котором подобные определения выступают только как его обнаружения»¹⁰. Гегель критикует здесь современную ему психологию за метафизический подход к проблеме, когда душа и тело рассматриваются вне развития, как независимые субстанции, он со всей силой подчёркивает ту мысль, что не существует изолированных психических процессов в виде особых сил и способностей души. Но общая философская концепция Гегеля и метафизичность современной ему физиологии и психологии определили нигилизм Гегеля в отношении открытий, сделанных в физиологии уже при его жизни. Так, Ч. Беллом были открыты чувствительные и двигательные пути спинного мозга. Им было показано, что из передних корешков спинного мозга выходит двигательные, а из задних — чувствительные нервы. Это открытие имело важное значение для обоснования идеи саморегулирования организма, но Гегель им не воспользовался.

Только философия, по мнению Гегеля, может разрешить проблему единства души и тела, так как она не вырывает какую-либо способность или деятельность из их органической связи с другими способностями, не наделяет их полной самостоятельностью, а рассматривает их в единстве. Только «в качестве философского мышления дух завершает... идеализацию вещей тем, что он познаёт тот определённый способ, каким составляющая их общий принцип вечная идея в них раскрывается»¹¹.

Гегель этим подчёркивает, что в отличие от эмпирической психологии, которая только описывает и различает факты сознания, философия может постигнуть истину, так как только она может показать, что все предметы, явления, события диалектически взаимосвязаны, проистекают из одной вечной идеи, развитие которой может показать только философия. Здесь в идеалистической форме дано осмысление развития сознания.

Такая постановка вопроса заслуживает внимания, но Гегель не учитывал данных конкретных наук по этому вопросу, поэтому, естественно, он не раскрыл внутренней картины сложного единства сознания и материи, психики и тела, сознания и личности.

У Гегеля мы находим глубокую диалектическую проблему целостности личности. В сознании тождество «Я» и «Не-Я» только подразумевается, в личности дух осознаёт себя как конкретную целостность, ибо он признаёт, что его предмет и его цель разумны. Ограниченность духа преодолевается теоретической и практической деятельностью личности, которые дополняют друг друга, образуя единство (практический дух преодолевает ограниченность самосознания, зависящего от субъекта, а теоретический дух отрицает односторонность практического сознания, зависящего от объекта).

Гегель ищет единый принцип объяснения сложных психических процессов (влечений, инстинктов и др.) в самой жизни индивида, которая должна иметь центральную точку самости, принцип самодвижения, разъятия «самого себя внутри себя»¹². Поэтому, прежде всего, основой этой самости является жизнь. Но живой организм, взаимодействуя с внешним миром, ощущает недостаток в постоянном воспроизведении себя как живого организма, поэтому «первым является здесь, стало быть, чувство зависимости субъекта, сознающего, что он самостоятелен, но это некое отрицательное другое для него необходимо, а не случайно: это неприятное чувство потребности»¹³. Необходимо выяснить природу этой потребности, которая является гранью живого существа и в то же время является выходом за эту грань, то есть здесь, находится противоречивое единство субъекта и среды. Потребность

человека в отличие от животного носит исторический характер: человек «относится к средствам удовлетворения своих потребностей как к чему-то порождённому и сформированному им»¹⁴.

Давая глубокие определения чувству «тонкое такое состояние индивида, содержание которого не переводимо на язык понятий»¹⁴, разуму, воле, Гегель, вместе с тем неоднократно подчёркивает, что они не могут быть определены лишь исходя из них самих, ибо ни зависят от целого, личности, именно поэтому чувства целенаправленны, «разумны» и в то же время имеют практическое значение (нравственность, правовая деятельность), то есть на них лежит печать волевой деятельности личности. Именно она завершает путь развития чувства «живого созерцания» к «объективному разуму». Образы, возникающие в уме, зависят от особенностей сберегающего субъекта и потому их первоначальная, непосредственная связь в пространстве и во времени изменена, снята. Человеческий индивид отличается от животного организма своей мерой, как соотношения определённого количества с собой, его собственной определённости в себе самом.

Личность как целое содержит в себе множество сторон, но она представляет собой определённую, нераздельное самостоятельное, имеет «снятые в ней определённости лишь выступающие в ней, лишёнными опоры»¹⁵. Глубока мысль Гегеля о конкретности личности, как отрицания определений бытия: «определённость ещё только положена, таким образом, в субстрате, как некоторое пустое различие. Но именно это пустое различие есть сама неразличённость как результат. И притом последняя есть, таким образом, конкретное, которое опосредовано в самом себе с собой через отрицание всех определений бытия. Как это опосредование, она содержит отрицание и отношение: и то, что называлось состоянием, есть её имманентное, соотносящееся с собой различие; именно внешность и её исчезновение и превращают единство бытия в неразличённость и имеются, стало быть, внутри последней, которая тем самым перестаёт быть только субстратом и только абстрактной в самой себе»¹⁶. Таким образом, личность не может быть сведена ни к телу, ни к какому-либо состоянию сознания. Она в снятом виде содержит в себе эти определённости, представляя собой иную меру. К сожалению, эти гениальные мысли Гегеля остались забытыми в дальнейших исследованиях проблемы личности. Гегель делает попытки понять развитие личности, сознания и общества в целом как результат трудовой деятельности. Так он пишет, что «самосознание является деятельным, снимает инобытие предметов и отождествляет их с собой. Самосознание сообщает себе предметность и наличное бытие только в деятельности»¹⁷. Утверждение Гегеля о том, что «самосознание достигает своего удовлетворения только в некотором другом самосознании»¹⁸, говорит о понимании им роли общественных отношений в формировании личности и её сознания. Преодолевая кантовскую идею независимости свободы от необходимости, Гегель говорит о свободе и необходимости как аспектах целого (мировой истории и деятельности индивида). Свобода понимается Гегелем в двух смыслах: как черта социальных учреждений (например, государства) и для обозначения индивидуальной деятельности. Свобода у него не отождествляется ни с внутренней независимостью, ни со стихийностью поведения. «Свобода есть скорее специфическая ситуация, в которой каждый в отдельности несёт ответственность за свой поступок и его последствия»¹⁹.

Индивид только тогда действует свободно, когда содержание его деятельности совпадает с объективными тенденциями развития человечества. Только тот свободен, кто, обладая мышлением, осознаёт всеобщие принципы и тенденции развития

человечества. Решение тогда свободно, когда оно выполняет разумное содержание, которое определяется идущим вперёд развитием человечества. «Лишь в этом случае каждый несёт ответственность и это, будет отвечать за развитие человечества, за реализацию идей»²⁰. Только разумный человек может поступать ответственно и свободно и только в согласии с всеобщими принципами развития.

Индивид тогда действует ответственно, когда он в «инобытии» есть сам в себе. При этом «инобытие» - это то, что отделяется, отчуждается от деятельного субъекта и содержание чего меняется в зависимости от ситуации. Итак, ответственность характеризуется, во-первых, зависимостью от самого себя (свобода при решении каких-либо вопросов), во-вторых, расширением «бытия в себе» до «инобытия» (сохранение отчуждения социальных и культурных учреждений). Преодоление отчуждения связывается с образованием чувства ответственности у субъекта за осуществление всеобщих ценностей. Свобода — это постепенная реализация всеобщих тенденций в развитии общественной и культурной жизни.

Каждый этап человеческой истории — закономерное, необходимое осуществление абсолютного духа, который не только познаёт, но и осуществляет себя, поэтому и свобода у Гегеля это не просто познание необходимости, но и борьба за её реализацию. Свободная воля берёт на себя ответственность за свои действия. То есть свобода, ответственность и необходимость находят у Гегеля достаточно полное обоснование и развитие. Но, по верному замечанию С.Ф.Одуева, «личная ответственность перед высшей инстанцией, мировым духом, выступает как некое представительство индивида по отношению к мировому духу»²¹.

Давая ряд замечательных положений об отношениях между личностью с её стремлениями и «внутренним духом» времени, Гегель, однако, эти положения только лишь постулирует, так как не внешние условия, не общественно — историческая практика являются для него источником формирования сознания, а развитие абсолютной идеи, в процессе развития которой происходит освобождение души от своей телесности. Вырастая из тела, душа приобретает совершенно самостоятельное значение, превращается в свободный дух, то есть сознание.

Таким образом, в решении проблемы личности, как и везде у Гегеля, великое дано вместе с ничтожно малым, правильное с неправильным. Он, как диалектик, представлял психическое в единстве с материей и в развитии и здесь же отрывал психику от её материально-физиологической основы. Например, природу он объясняет не физиологически, а психически. Во время бодрствования, по Гегелю, человек находится на ступени сознания и рассудка, а во время сна — на ступени представлений. Положение Гегеля о ясновидении, о животном магнетизме ненаучны и свидетельствуют не только о его идеализме, но и о низком уровне науки того времени.

Подводя итог вышеизложенному, следует отметить, что проблема целостной личности не была правильно решена Гегелем, хотя в его системе содержались рациональные моменты, состоящие в том, что личность рассматривалась на широком историческом фоне. Эта идея в дальнейшем была подхвачена передовыми мыслителями.

В творчестве Людвиг Фейербаха проблема человека занимает центральное место.

Антропологизм и натурализм проявляются у Фейербаха в понимании всех психических процессов человека. Так он пишет, что мысли, счастье, воля и свобода человека зависят от состояния организма, от удовлетворения биологических потребностей, так как сущность человека составляет его тело.

На этой основе Фейербах решает и проблему целостности человека, которая

занимает значительное место в его философии. Так он пишет, что «субъектом новой философии является не Я, не абсолютный, то есть абстрактный дух, - словом, не разум, взятый в абстрактном смысле, но действительное и цельное человеческое существо. Реальностью, субъектом разума является только человек»²². Целостность человека имеет свои границы, которые определены его психологической организацией, составляющей его индивидуальность, неделимость, единство, целостность. «Как нельзя детей произвести без способности деторождения и посредством одной только воли, так и воля не может совершить того, что она хочет, не имея орудий, органов и материала»²³. Истинная целостность человека в его роде, сущности, индивидуальности. Отличительными признаками целостности человека, его индивидуальности является разум, воля и сердце. Человек, обладая сознанием, отличается от животного. «В воле, мышлении и чувстве заключается высшая, абсолютная сущность человека, как такового, и цель его существования»²⁴.

Фейербах считал, что стремление разделить дух и тело есть религиозный и идеалистический догмат и критиковал Гегеля за, то, что он не справился с этим разделением. Фейербах утверждал, что только его учение о «Я» и «Ты» разрешает это противоречие. Ведь для идеализма исходным является отвлечённое «Я», а для материализма – «Я» и «Ты», так как действительное «Я» есть только такое, которому противопоставляется «Ты» как объект для другого «Я». Для «Я» - субъект, для других – объект, то есть «Я» одновременно и субъект и объект. «Я» - существо реальное, причём к моей сущности принадлежит и моё тело, которое в своём целом составляет истинную сущность «Я». Глубока мысль Фейербаха о том, что человеческая сущность налицо только в общении, в единстве человека с человеком, в единстве, опирающемся на реальность различия между «Я» и «Ты». Все морально-этические ценности Фейербах выводит из связи «Я» и «Ты».

Развивая эти мысли, дальше Фейербах подчёркивает зависимость психических процессов от физиологических, нервных, совершающихся в мозгу, а так же тех и других от внешнего мира, но отмечает, что отношение между духом и телом носит гораздо более интимный характер, чем отношение внешнего мира и духа. Единство души и тела может быть упразднено только физически, телесно, а со смертью тела погибает и душа.

Критикуя, идеализм и теологию Фейербах, отмечает, что их божественная сущность реализуется через сознание, которое выступает как абсолютная реальность или действительность, как мерило всякого бытия. С этой точки зрения, именно сознание является основой целостности человека, так как в нём реализуется как продукт абсолютное существо, то есть бог. В противоположность такому пониманию целостности Фейербах выдвигает человека как ощущающее, мыслящее и хотящее целое. А формуле Декарта *cogito ergo sum* (мыслю – следовательно, существую), противопоставляет другую: *volo, ergo cogito* (я желаю, следовательно, я полагаю). Здесь Фейербах хочет показать, что человека нельзя понимать односторонне, а надо брать его как нечто целостное в его телесном существе, в совокупности всех родовых психических процессов.

Фейербах иногда говорит о развитии психики. Так у него встречаются такие положения, что, «мысли должны созреть, поспеть, ребёнком я чувствовал по детски, но став взрослым, я думаю и чувствую тоже по взрослому» и др. Но эти положения никак им не развиваются. Поэтому в целом принцип развития, общественная природа психики человека не были положены им в основу решения проблемы человека.

Идеализм Фейербаха в понимании общественных явлений и вытекающая от-

сюда понимание природы человека привели его к критике вульгарного материализма в понимании человека и его сознания. В целом, он остался на позициях антропологического материализма, несмотря на то, что им высказаны отдельные замечания о роли общения для развития целостной личности.

Немецкая классическая философия дала новое понимание проблемы о природе сознания, из которого можно сделать следующие выводы.

Во-первых, в немецкой философии, психическое представлялось в единстве и в развитии с материей, и здесь же отрывал психику от её материально-физиологической основы. Так Гегель, будучи верным «своей идеалистической системе, - пишет Ф.И.Георгиев, - дедуцирует одно понятие из другого и мало заботится об эмпирических, предметных основах развития души в различных её формах. А это привело Гегеля к неверной, ошибочной, подмене социально-исторических категорий биологическими, истолкованными к тому же с позиции идеализма»²⁵.

Во-вторых, немецкой философии присущи черты ограниченности, проявлявшиеся в механистическом, метафизическом, созерцательном и непоследовательном подходе в решении вопроса о сознании. Так, Фейербах, например, иногда говорит о развитии психики, однако, в целом, принципы развития и общественная природа психики человека не были положены им в основу решения проблемы сознания. Он не может сказать ничего определённого ни о действительной природе, ни о действительном человеке. Идеализм Фейербаха в понимании общественных явлений и вытекающая отсюда непоследовательность в понимании природы человека привели его к половинчатой и непоследовательной критике в понимании сознания. В целом он остался на позициях антропологического материализма.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Б.Спиноза. Этика. Соцэкгиз, 1932, ч. III, стр.84
2. В.В.Соколов. Философия Спинозы и современность. Москва. Докт. дисс. 1962 г., стр. 345.
3. Б. Спиноза. Этика, стр. 85.
4. Б. Спиноза. Избранные произведения, т.1, М., 1957, стр.407.
5. Б. Спиноза. Этика, стр. 69.
7. Джон Локк. Опыт о человеческом разуме, книга I, 3, п. 9.
8. Ю. Бородай. Воображение и теория познания. М., 1964, стр. 116.
9. И. Кант. Соч., т.3. М., 1964, стр. 716.
10. Гегель. Сочинения, том III. М., 1956, стр. 52-53.
11. Гегель. Сочинения. Том III, М., 1956, стр. 37.
12. Гегель. Сочинения. Том II. М., 1955, стр. 479.
13. Там же.
14. Гегель. Сочинения. Том. I, М. 1956, стр. 61.
15. Гегель. Наука логики. Том I. М., 1970, стр. 425.
16. Гегель. Наука логики. Том. I. М., стр. 471.
17. Гегель. Работы разных лет. Том. II. М., 1973, стр. 85.
18. Гегель. Сочинения. Том VI, стр. 98.
- 19-20. Z/ Kuderowicz. Der doppelte Zinn des Begriffs Freiheit bei Hegel. «Deutsche Zeitschrift fur Philosophie», 1976, №12. S. 152b.
21. S.F.Odujew. Freiheit, notwendigkeit und Veramtwortuig in der Jozialistischen Uesellschaft. «Deutsche Zeitschrift fur philosophie», 1976, №4.
22. Л.Фейербах. Избр. филос. произв. Том.I, М., 1955, стр. 198.
23. Там же. Стр. 450.
24. Л.Фейербах. Избр. филос. произв. Том II. М., стр. 32.
25. Ф.И. Георгиев. Противоположность марксистского и гегелевского учения о сознании. М., 1961, стр. 33.

АННОТАЦИЯ:

Представленная работа является опытом систематического изложения эволюции философских обоснований мотиваций совершенствования личности ведущими философами Нового времени. Концепция разноуровневой детерминации личности в условиях исторического своеобразия эпох обладает новационными свойствами при анализе проблем философской антропологии.

This work is a summary of evolution of philosophical basis for motivation of personality improving. On the whole the conception of different standards in determining a personality in conditions of historical distinctiveness of the epoch defines innovatory principles when analyzing the problems of philosophical anthropology.

Кузьменко Г.Н.,
доцент кафедры философии РГСУ,
кандидат философских наук, доцент

ВОПРОСЫ АТОМИСТИЧЕСКОГО УЧЕНИЯ ДЕМОКРИТА В ИНТЕРПРЕТАЦИИ АРИСТОТЕЛЯ

Значение трудов Аристотеля для исследователей истории античной философии чрезвычайно велико. Приняв в качестве принципиального методологического приема ретроспективный анализ мнений по тому или иному вопросу, этот мыслитель активно обращался к разработкам своих предшественников, в результате чего его произведения стали своеобразным банком древнегреческой философской мысли.

Обращает на себя та степень эффективности, с которой Аристотель использовал для нужд собственного теоретизирования историко-философский материал. Содержание древних учений предельно ясно Аристотелю, отсюда и оперативность при их обработке, и минимум искажений при их ретрансляции. Причина такой герменевтической прозрачности заключается, не в последнюю очередь, в едином для него и других античных мыслителей мировоззренческом онтогенезе. То обстоятельство, что, излагая древних, Аристотель выступает в качестве не нейтрального доксографа, но пристрастного создателя оригинальной философской системы не должно при этом вводить в заблуждение. Несмотря на свою теоретическую оригинальность, Аристотель объективно являлся крупнейшим представителем доминирующей в античности философской традиции, укорененной в древнем мировоззрении (и, как следствие, имеющей легко обнаруживаемый коррелят с другими его формами – мифом, религией, искусством, наукой, другими).

Условно эту традицию можно было бы назвать пантеистической – явно или неявно использующей в качестве теоретического детерминанта концепт (потустороннего) единого и безличностного первоначала. «Судя по всему – резюмировал Аристотель в трактате «О Небе» - [наша] теория подтверждает непосредственный [человеческий] опыт, а опыт теорию. А именно, все люди имеют представление о богах, и при этом все... и варвары и эллины отводят самое верхнее место божеству (здесь и далее курсив мой – Г.К.)». В определенном смысле, исторические обзоры, широко практикуемые мыслителем, есть, кроме всего прочего, и скрытая апелляция к своим старшим мировоззренческим союзникам, последовательность учений которых, в конце концов, раскрывала логику размышления о предмете самого автора. И наоборот, собственная логика размышления позволяла ему дать адекватный комментарий наиболее сложных, многозначных мест в учениях своих предшественников.

В озвученных условиях философского творчества Аристотеля, для исследователя, вполне естественно, представляют интерес те редкие моменты, когда мыслитель дает проблематичный комментарий к учению (особенно неожиданный, если это учение появилось исторически сравнительно недавно). Учитывая уровень профессионализма Аристотеля, появление такого рода комментариев несет в себе определенную историко-философскую интригу, провоцирующую ответную исследовательскую реакцию.

Известно, что основные и наиболее детальные сообщения об учении Демокрита об атомах, ставшие предметом историко-философского исследования (в том числе и современного), принадлежат именно основателю Лицея. Примечательный факт – и в Британской энциклопедии и в российской «Новой философской энциклопедии» в ос-

нове статей об атомистическом учении Демокрита лежит интерпретация знаменитого отрывка из 4-й главы аристотелевской «Метафизики»: «И так же как те, кто признает основную сущность единой... - пишет здесь выдающийся античный мыслитель – так и ... Демокрит (утверждает – прим. Г.К.), что отличия [атомов] суть причины всего остального. А этих отличий ... три: очертания, порядок и положение...; а именно: А отличается от N очертаниями, AN от NA – порядком, Z от N - положением».

Популярность цитаты объяснима – она есть квинтэссенция широко распространенного и у зарубежных, и у отечественных ученых представления об атомах Демокрита. Согласно этому представлению, атомы есть различные по форме материальные частицы, имеющие общую природу. То, что Аристотелем в этом отрывке отражена его продуманная историко-философская позиция по отношению к учению Демокрита не вызывает сомнений. В своей «Физике» Аристотель ее повторяет, говоря следующее – «Если же (допустить, что – прим. Г.К.) начал много, то (должно быть – прим. Г.К.) ... так, как говорил Демокрит, т.е. все они одного рода, но различаются фигурой или видом». Комментатор Аристотеля Симпликий (6 в.), в связи с этим еще раз уточняет – «атомы имеют одну и ту же субстанцию». В той же «Физике» Аристотель, имея в виду, в том числе, и творчество Демокрита, пишет – «Если мы обратимся к древним, то нам покажется, что изучать нужно материю». Иоанн Филопон (6 в.), комментируя этот отрывок, считает нужным прибавить – «Демокрит считал материю субстанцией атомов». Наконец, следует упомянуть такие совершенно недвусмысленные замечания Аристотеля об атомах, как-то: «Демокрит утверждает, что ... началом их (атомов – прим. Г.К.) всех служит общее тело, части которого отличаются по величине и фигуре» и - «природа ... у них (у атомов – прим. Г.К.) одна – как если бы каждый атом был отдельной частицей золота».

Приведенные выше цитаты, утверждающие единство природы атомов, безусловно, дают основание считать, что атомизм на онтологическом уровне, классифицируется Аристотелем как своеобразная форма монизма. Является ли таковым учение Демокрита об атомах в описании самого Аристотеля, вот тот вопрос, решению которого посвящена данная статья. Ведь когда Аристотель привлекает учение Демокрита в качестве элемента исторического экскурса – при анализе первопричин, времени, движения, познания и так далее (универсум философских интересов Аристотеля чрезвычайно широк) – он, как правило, сталкивается с очень большими трудностями. Логические неувязки понимаемого строго монистически атомизма зачастую приводят Аристотеля в недоумение. «В таком случае у них (атомов – прим. Г.К.) не одна природа» - таков типичный смысл комментария мыслителя, указывающего на возникающий парадокс.

Вот еще широко известный факт - согласно Демокриту, в изложении того же Аристотеля, атомы при встрече никогда не сливаются в одно целое. На это обстоятельство обращает внимание, в первую очередь, сам Аристотель. «Если у них одна природа – задается в связи с этим он вполне логичным вопросом – то что их объединяет? Или почему они при соприкосновении не становятся чем-то одним, как вода, когда она встречается с водой?».

Задавая этот вопрос, Аристотель прекрасно осведомлен об одной, по настоящему уникальной для античности концепции Демокрита – концепции об условиях взаимодействия вещей. «Только Демокрит, один из всех, говорил нечто особое – пишет Аристотель о ней в одном из исторических обзоров – А именно, он утверждает, что воздействующее и подвергающееся воздействию – это одно и то же ... потому что разные и непохожие друг на друга [предметы] не могут испытывать воздействие

друг от друга, и даже когда разные [вещи] как-то действуют друг на друга, то это бывает с ними не в силу того, что они разные, а силу того, что им присуще нечто тождественное».

Словом, если следовать логике рассуждения Демокрита об условиях взаимодействия вещей, то можно сделать следующий вывод: не имеющие ничего общего, то есть, разнородные вещи не взаимодействуют. Но и атомы, согласно Демокриту, никогда не взаимодействуют друг с другом, термин «касание» если и используется им в данном случае, то «не в прямом смысле». Между атомами находится абсолютная пустота - это исключительно важное, причем неведомое ранее античной философии концептуальное новшество атомизма. Атомы не взаимодействуют, у них нет общих точек соприкосновения (иначе – для них нет «Единого»), атомы тождественны сами себе, а не друг другу. Как же это обстоятельство соотнобразится с утверждением об их однородности?

Здесь следует отметить еще одно немаловажное обстоятельство. С точки зрения древних мыслителей, явным признаком глубинной однородности вещей является обнаруживаемая в мире универсальная «симпатия». Отсюда та роль, которую играет категория эроса (эроты) или любви в античной философии «от Гесиода до Платона». Отмечает эту роль и сам Аристотель, посвящая категории эроса немало страниц, среди которых целая глава «Метафизики». Причина взаимной «любви» вещей для монистически ориентированного античного сознания понятна - вещи «нуждаются» друг в друге так как, несмотря на внешние различия, по своей истинной природе они представляют собой единое целое. «Можно заметить их (понятий любви – прим. Г.К.) общую функцию – пишет о смысле этой античной категории А.Л. Доброхотов – восстановление разрушенного мирового единства. Эрос появляется тогда, когда возникает взаимное тяготение разъединенных частей мира. В Эросе они остаются едиными, пока не вернуться к реальному единству, восстановленной полноте». В такой «эроты-ориентированной» античной философии атомизм занимает особую позицию. Атом, согласно учению Демокрита, как раз, никакой «симпатии» (как впрочем, и «вражды») к другому атому не испытывает. Атомы иногда движутся по направлению друг к другу, но в основе этого движения, по мнению большинства исследователей, нет никакого взаимного тяготения. «Атомы движутся ...не в силу взаимного тяготения (которого атомисты не знали)». Поэтому в главе «Метафизики», посвященной эросу Аристотель вынужден отметить, что вопрос об этой причине движения атомисты «легкомысленно обошли».

Атомисты, согласно Аристотелю, вообще не говорят, какое движение естественно для атомов. Логично предположить, что раз атомы однородны, то и траектории их должны быть схожи. «Если же вселенная... – замечает Аристотель по этому поводу – как говорят Демокрит и Левкипп, представляет собой [атомы], разграниченные пустотой, то у всех [у них] должно быть одно движение, так как ... природа... у них одна». Соответственно, «Левкипп и Демокрит утверждающие, что первичные тела вечно движутся в пустоте и бесконечном [пространстве], должны были бы указать, каким именно движением они движутся и каково их естественное движение. Ибо даже если каждый из элементов насильственно движим другим, тем не менее, у каждого из них должно быть и какое-то естественное движение, вразрез с которым идет насильственное». Но, общее естественное движение для атомов Демокритом не указано. Траектории атомов просто изначально отличаются или, как вынужден констатировать Аристотель ниже (чтобы показать очередную возникающую несуразность) «каждому элементу присуще свое собственное движение».

Насколько такая констатация важна для Аристотеля видно из следующего сделанного им замечания. «Что же касается тех, – пишет Аристотель в труде «О Небе», подразумевая здесь, естественно, атомистов, – кто полагает бесконечное число [элементов] движущихся в бесконечном [пространстве], то, если двигатель один, [у атомов] по необходимости должно быть одно (естественное – прим. Г.К.) движение, откуда следует, что они движутся не беспорядочно; если же число двигателей бесконечно, то и число движений должно быть бесконечным...». Иными словами, допуск беспорядочного движения атомов, как движения естественного для них, автоматически ведет к признанию множества перводвигателей. Для Аристотеля, автора органичной для античного мировоззрения концепции единого Перводвигателя – целеполагающей и организующей силы, которую проявляет динамическая гармония мира – такая точка зрения, безусловно, парадоксальна.

Следует отметить, что демокритовы атомы, согласно свидетельству Аристотеля, не просто обладают беспорядочным движением. Атомы обладают «беспорядочным движением, длящимся бесконечно. Принципиальным моментом в учении Демокрита является постулируемая им вечность атомов (отсюда и вечность их движения). Для Аристотеля это неприемлемо, так как он воспринимает атом в качестве не целого, но «части», а, следовательно, – в русле античной традиции – как нечто ущербное, несовершенное и, наконец, неполноценное. Вечность же атрибут истинного бытия. Проблема Демокрита, по мнению Аристотеля, заключается в невольной экстраполяции плюралистического принципа, вполне допустимого на низших несовершенных уровнях бытия, на его высшие уровни. «Начинать космогонию с уже разделившихся и движущихся [элементов] для атомов нелогично – пишет Аристотель – ибо космос состоит из уже разделенных элементов и поэтому должен возникать из нерасчлененного единства».

Выше уже говорилось о значении этого единства для античного сознания. Изначальное онтологическое единство мира делает его «космосом» (с греческого «строением», «порядком», даже «украшением»). «Природа есть порядок» – утверждает совершенно в духе античности Аристотель. Поэтому, помимо движения и его видов, мыслителя крайне интересует и состояние естественного покоя. Рефлексия гармоничного мирового порядка приводит к созданию известной космологической теории «естественного места». «Движущееся по необходимости должно где-то остановиться – пишет Аристотель –... [телу] присущ естественный покой... естественное движение, именно перемещение к месту покоя». Иными словами, есть связь между движением тела и его неподвижностью, тела движутся до тех пор, пока они не заняли свое оптимальное место в отражающей внутреннее единство прекрасной мировой иерархии. «Всякому, по моему разумению – пишет Аристотель – необходимо занять свое особое место ... в чем участвуют все для [блага] целого».

С такой точки зрения безостановочное, беспорядочное, да еще и бесконечное по времени движение, вне сомнения, «абсурдно и невозможно». Но именно так происходит у Демокрита. Аристотель отмечает – у атомов нет обусловленного Высшей целью естественного места. Отсюда их внешне бесцельное блуждание во вселенной, приводящее к появлению и исчезновению не имеющих – в этом случае – никакого смысла вещей (вполне очевидно, насколько такое понимание противоречит общеантичной интуиции вещи) и миров (Демокрит четко артикулирует множество непохожих миров и, соответственно, бесконечную, «не имеющую низа и верха» вселенную). То есть, в космологическом учении Демокрита нет того иерархического порядка и осмысленного единства, что характерен для античной картины

универсума. Мир для Демокрита, в определенном смысле, есть Хаос, а не Космос. «У этих [мыслителей] (Левкиппа и Демокрита – прим. Г.К.) – возмущается в связи с этим Аристотель – получается как раз наоборот: беспорядок природосообразен, а порядок и космос противоестественны».

Есть еще один парадокс в интерпретации учения Демокрита Аристотелем. Он касается формы атомов. Немаловажно отметить, что, помимо своей индивидуальной траектории, у каждого атома Демокрита есть и своя индивидуальная форма (то есть, - тело). Причем, число таких форм невообразимо много. Множественность форм атомов, заявленную учением Демокрита, подчеркивает ряд античных авторов, включая самого Аристотеля. Поэтому, например, Иоанн Фелопон, комментируя соответствующее место у Аристотеля, замечает – «Демокрит и Левкипп принимали существование неделимых тел бесконечных не только по числу их, но и по [числу] различных форм».

Факт бесконечности числа фигур атомов, отсутствия внешне идентичных атомов в учении Демокрита представляется принципиальным. Из него вытекает закономерный вопрос – имеет ли смысл, в этом случае, объективное существование неких стандартов форм, по которым мы можем ранжировать и оценивать атомы или такие стандарты есть произвольная операция человеческого сознания. Общепринятой – опять же благодаря авторитету Аристотеля - является точка зрения, что такие стандарты в атомизме объективно существуют. Так, Аристотель утверждает, что атомы огня у Демокрита имеют форму шара: «огню приписали форму шара». Соответственно, имеют особую форму атомы воды, земли, металла и т.д. Результатом такой однозначной привязки форм атомов к качествам вещей становится сомнение в теоретической обоснованности этого пункта атомистического учения. Ведь число качеств вещей и явлений в мире ограничено, следовательно, ограниченным должно быть и число форм. Именно такой аргумент (помимо еще и ограниченности в мире видов движения) использует Аристотель, считая декларируемое Демокритом бесконечное разнообразие атомных тел концептуальным излишеством.

Однако, и это важно, согласно Демокриту, никаких вторичных качеств вещей на основании которых следует классифицировать атомы, в объективной реальности вообще нет. В этой истинной реальности нет ни огня, ни воды, ни земли, ни металлов и т.д. Есть лишь огромное, не имеющее границ месиво бесчисленных, бесконечно разнообразных по форме, непрерывно перемещающиеся в разных направлениях и с разными скоростями атомов. Вот характерный отрывок на эту тему – «Демокрит иногда отвергает чувственно воспринимаемые явления и говорит, что ничто из них не является поистине, но лишь по мнению, поистине же существуют [только] атомы и пустота. ... А именно, он говорит: «[Лишь] в общем мнении существует сладкое, в мнении горькое, в мнении теплое, в мнении холодное, в мнении цвет, в действительности же [существуют только] атомы и пустота».

Иными словами, вторичные качества вещей, с которыми непрерывно сталкивается человек в своей деятельности, и которые складываются для него в некий гармоничный и комфортный для жизни мир это не объективная реальность. Это реальность субъективная (или возникающая в «общем мнении», то есть, как теперь принято говорить - интерсубъективная, конвенциональная реальность). Оригинальная гносеологическая установка Демокрита обнаруживает свое продолжение у некоторых софистов. Недаром же Протагора, утверждавшего, что «человек – мера всех вещей», часть античных доксографов считала непосредственным учеником основоположника атомизма. Но эту установку принципиально не принимает «корреспондент» и «квалитативист» Аристотель, заметивший в своем труде «О Душе» (имея

ввиду исключительно Демокрита и его последователей) – «прежние же философы, размышлявшие о природе, говорили неправильно, полагая, что нет ни белого, ни черного без зрения, как нет вкусовых свойств без чувства вкуса».

Основательность аристотелевской критики атомизма в вопросах, касающихся природы, движения, формы атомов, как представляется, имеет принципиальный характер. Аристотель, понимавший атомы как некие однородные частицы Целого (что было вполне естественно в рамках господствующей монистической парадигмы) справедливо отмечает необоснованное нарушение логики в рассуждениях своего предшественника («абсурдные следствия вытекают из утверждений ... Демокрита из Абдер»). Однако и можно, и надо поставить под сомнение интерпретацию атомизма самим Аристотелем. Ведь предоставленный им историко-философский материал по атомизму – с большей степенью вероятности – иллюстрирует иной онтологический концепт. Разнородность и вечность атомов, их автономное и поэтому хаотичное движение, неорганизованность и бессмысленность мира, который они создают, наконец, красноречивый отказ прекрасному античному космосу в объективности – все это постулаты, внутренне противоречивые только в рамках монизма. Они совершенно непротиворечиво мыслятся, например, в плюралистическом контексте.

Для плюралистической онтологии вполне естественна процедура, повышающая онтологический статус целокупных, единственных в своем роде и поэтому совершенных атомов – как перводвигателей, как смыслов, наконец, как причин вещей (а, следовательно, как их блага) – до уровня абсолюта. С этой точки зрения, Демокрит не делит до бесконечности истинное бытие, как считает Аристотель, но, скорее до бесконечности умножает его. Завершая полную аналогию атома с Абсолютом представителей элейской школы (в частности, Парменида), следует добавить, что окруженный пустотой и поэтому не взаимодействующий с внешним миром, атом ничего «не знает» ни о существовании других атомов, ни о существовании мира в целом.

Справедливости ради, следует отметить, что об учении Демокрита как о плюралистическом говорят и в античности. Например, Диоген Лаэртский (3 в.) по этому поводу отмечает: «Демокрит полагает, что вечные [начала] ... есть маленькие сущности. Или Плутарх (2 в.) в своем труде «Против Колота» пишет: «Что говорит Демокрит? Субстанции, беспредельные по числу ... носятся, рассеянные в пустоте». Собственно, считается, что и сам Демокрит – и это важно отметить – говорит о многочисленных «природах».

В то же время, необходимо оговориться, что к таким свидетельствам следует подходить с определенной долей осторожности. Вопрос заключается в том, насколько вообще такой тип онтологии возможен на натуралистической стадии развития античной философии, к которой, безусловно, относится творчество Демокрита. Ведь для возникновения плюралистической онтологии или, более осторожными словами Лосева А.Ф., попытки «впервые в истории философии... выдвинуть на первый план учение об индивидууме» (и, тем самым, реализовать идею индивида как центрального принципа философствования), необходимы были определенные мировоззренческие условия и, в первую очередь, развитые представления о том же индивиде. Следует признать, что для античности, тем более античности 5 – 4 вв. до н.э., такие условия маловероятны. Тем не менее, предпринимающиеся некоторыми исследователями (Уайтхед и др.) попытки своеобразной модернизации атомизма, позволяющие увидеть в нем древний (и внутренне глубоко противоречивый) аналог монадологии и учения о «вещах самих по себе» заслуживают определенного внимания.

То, что тема генезиса и содержания демокритовского атомизма остается по-

прежнему актуальной для исследования, свидетельствуют и разные точки зрения на это учение в «априори» консервативной справочной литературе. Например, если в Британской энциклопедии утверждается, что атомы «однородны (homogeneous), но отличны по виду», то в российской «Новой философской энциклопедии» заявлено, что «своим учением об атомах Демокрит предложил изначально плюралистическую онтологию». Констатируя эти точки зрения, следует отдать должное научной добросовестности Аристотеля, благодаря которой было, фактически, сохранено семантическое ядро философского учения об атомах Демокрита. А проблемы, с которыми столкнулся Аристотель при интерпретации этого учения (с позиции последовательного монизма), поставили плодотворные для истории философии вопросы осмысления и дальнейшей разработки этого учения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Аристотель. Сочинения в 4-х т. М.: Мысль, 1975. Т.3. С.271.
2. Encyclopaedia Britannica. Vol. 1-29, LTD Chicaco-London-Toronto. V. 7. P. 188.
3. Новая философская энциклопедия в 4-х т. М.: Мысль, 2000. Т.1. С. 622.
4. Аристотель. Сочинения в 4-х т. М.: Мысль, 1975. Т.1. С. 75.
5. Там же. Т.3. С. 62.
6. Лурье С.Я. Демокрит. Тексты, переводы, исследования. Л.: Наука, 1970. С. 258.
7. Там же. С. 229.
8. Там же. С. 229.
9. Аристотель. Сочинения в 4-х т. М.: Мысль, 1975. Т.3. С.110.
10. Там же. Т. 3. С. 285.
11. Там же. Т. 3. С. 410.
12. Там же. Т. 3. С. 410.
13. Там же. Т. 3. С. 404.
14. Лурье С.Я. Демокрит. Тексты, переводы, исследования. Л.: Наука, 1970. С. 458.
15. Доброхотов А.Л. Учение досократиков о бытии М.: Изд-во МГУ, 1980. С. 27.
16. Аристотель. Сочинения в 4-х т. М.: Мысль, 1975. Т.1. С. 73 – 75.
17. Доброхотов А.Л. Учение досократиков о бытии М.: Изд-во МГУ, 1980. С. 27.
18. Лосев А.Ф. История античной эстетики (ранняя классика). М.: Изд-во АСТ, 2000. С. 467.
19. Аристотель. Сочинения в 4-х т. М.: Мысль, 1975. Т.1. С. 75.
20. Там же. Т. 3. С. 284 – 285.
21. Там же. Т. 3. С. 346.
22. Там же. Т. 3. С. 353.
23. Там же. Т. 3. С. 347.
24. Там же. Т. 3. С. 347.
25. Там же. Т. 3. С. 347 – 348.
26. Там же. Т. 3. С. 347.
27. Там же. Т. 3. С. 346.
28. Там же. Т. 1. С. 317.
29. Там же. Т. 3. С. 347.
30. Там же. Т. 3. С. 347.
31. Лурье С.Я. Демокрит. Тексты, переводы, исследования. Л.: Наука, 1970. С. 244.
32. Аристотель. Сочинения в 4-х т. М.: Мысль, 1975. Т.3. С. 352.
33. Там же. Т. 3. С. 352 – 353.
34. Лосев А.Ф. История античной эстетики (ранняя классика). М.: Изд-во АСТ, 2000. С.531
35. Аристотель. Сочинения в 4-х т. М.: Мысль, 1975. Т.1. С. 426.
36. Там же. Т. 3. С. 352.
37. Демокрит в его фрагментах и свидетельствах древности (с комм. Баммеля Г.К.). М.: ОГИЗ, 1935. С. 63
38. Лурье С.Я. Демокрит. Тексты, переводы, исследования. Л.: Наука, 1970. С. 251.
39. Там же. С. 487.
40. Лосев А.Ф. История античной эстетики (ранняя классика). М.: Изд-во АСТ, 2000. С. 477.
41. Encyclopaedia Britannica. Vol. 1-29, LTD Chicaco-London-Toronto. V. 7. P. 188.
42. Новая философская энциклопедия в 4-х т., М.: Мысль, 2000. Т.1. С. 199.

АННОТАЦИЯ

Автор анализирует философские взгляды Аристотеля на атомистическое учение Демокрита как на монистическое учение. Основываясь на аристотелевских интерпретациях природы атомов, движения атомов и т.д., автор показывает проблематичный характер этих взглядов. Такой вывод позволяет обратить внимание на возможность иной (плюралистической) интерпретации учения Демокрита об атомах.

The author analyses Aristotle's philosophy opinions about Democrit's atomism as a monistic doctrine. Basing on the Aristotle's interpretation atom's nature, atom's movement, ets, the author shows the problematical charecter of such opinions. This conclusion gives him a reason for paying more attention to the other (plural) interpretations of the Democrit's doctrine of atoms.

Минаков Д.Е.,
аспирант кафедры философии ТулГУ

ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ХРИСТИАНСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ КОНЦЕПЦИИ

С самого начала своего существования христианская Церковь принимает активное участие в общественной жизни, занимается социальными вопросами. Не противоречит ли эта её деятельность словам Самого Христа, который сказал, что Царство Его не от мира сего? [1] И, следовательно, Церковь должна, следуя заветам своего Основателя, воздержаться от дел мирских, и все свои усилия направить на самосовершенствование, отрешение и спасение души. Не должно ли уделом Церкви стать лишь отправление обрядов и богослужений?

Представляется, что на самом деле ситуация складывается иначе.

Церковь обладает только ей свойственной властью, которая заключается в обращении человека, изменении его поведения путем воздействия на его ум и волю со стороны Божественного учения. Принимая спасительные истины, которые проповедует Церковь, человек добровольно меняет свою жизнь в следовании заповедям Божиим. Соответственно, в лучшую сторону меняется и жизнь общества. Папа Лев XIII считал, что исцеление социума возможно только путем его возвращения к христианским установлениям. Таким образом обосновывается участие Церкви в общественной жизни через проповедование идеалов справедливости, равенства и братолюбия.

Основы социальной концепции Русской Православной Церкви, принятые на Поместном Соборе в 2000 году, исходят из того, что Церковь, являясь богочеловеческим организмом, соединяет в себе два естества – божеское и человеческое. [2] С миром же она связана по своей человеческой, тварной природе. Однако она взаимодействует с ним не как сугубо земной организм, но во всей своей таинственной полноте.

Следовательно, Церковь, как и Царство Божье, не от мира сего, однако она живет в нем. Она призвана спасти не только людей в этом мире, но и сам мир, поскольку Христос пришел его восстановить.

Церковь присутствует уже здесь, на земле, и состоит из людей. Установленная и устроенная в этом мире как общество, она располагает подобающими средствами достижения зримого и социального единства. Церковь, разделяя с миром одну и ту же земную участь, является, по выражению Пастырской Конституции «*Gaudium et Spes*», «закваской и душой человеческого общества, которое должно обновиться во Христе и преобразоваться в семью Божию». [3]

Необходимость действия Церкви в обществе обуславливается ещё и тем, что она, являясь по природе своей вселенской, не связана с какой-либо национальной культурой, политической или экономической системой. Поэтому она может служить в качестве своеобразной универсальной связки между народами, нациями и общностями.

Папа Иоанн Павел II в своей энциклике «*Centesimus Annus*» отмечал: «Царство Божие – в мире, но не от мира, и потому бросает свет на устройство человеческого общества, благодать же проникает в него и животворит. Именно так легче увидеть, что общество должно быть достойным человека и выправить его недостатки, укрепить его мужество, без которого нельзя работать для добра. Вместе со всеми людь-

ми доброй воли христиане, особенно – миряне, призваны пропитывать Евангелием дела человеческие». [4]

Это призвание исходит от Самого Христа, который заповедал своим ученикам быть «солью земли» и «светом миру», не гнушаться мира. Таким образом, активную роль в социуме должна играть не только Церковь как иерархически-клерикальная структура, но Церковь в широком смысле слова, состоящая из пастырей и мирян. Последним же, как видим, отводится особое место. В Основах социальной концепции Русской Православной Церкви отмечается: «Церковь призывает своих верных чад и к участию в общественной жизни, которое должно основываться на принципах христианской нравственности. В Первосвященнической молитве Господь Иисус просил Небесного Отца о Своих последователях «Не молю, чтобы Ты взял их из мира, но чтобы сохранил их от зла... Как Ты послал Меня в мир, так и Я послал их в мир» (Евангелие от Иоанна, 17:15,18). Недопустимо манихейское гнушение жизнью окружающего мира» [5]. В этом Основы почти полностью повторяют мнение русского философа Ивана Ильина, который ещё в начале XX века осуждал тотальное отчуждение и самоустранение Церкви и христиан от мирских дел [6].

Богословско-философским обоснованием участия Церкви и христиан в общественной жизни занимались и другие русские религиозные мыслители. Так, С.Л. Франк придерживался мнения, что деятельность в мире – обязанность каждого верующего, поскольку она обусловлена борьбой со злом. Он признавал позицию толстовства в той её части, которая проповедовала непротивление злу насилием, однако осуждал её за то, что в ней смешивается задача «сущностного духовного совершенствования мира с задачей помощи ближним и миру в форме простого ограждения их от разрушительных сил зла» [7]. В этом с философом трудно не согласиться.

Однако он идет в своих рассуждениях дальше, отмечая, что отказ от активного противодействия злу из-за боязни запятнать совесть, этакий нравственный пуризм – не только отрицательное явление, но и грех для христианина. Для обоснования своей позиции он приводит следующий пример. Когда мы видим, что насильник истязает ребенка, высшей степенью лицемерия было бы просто стоять и смотреть на это, молясь о спасении души насильника и его жертвы. Конечно, если сила нашей молитвы может физически повлиять на истязателя, так что он прекратит творить беззакония – это другое дело. Но таковые способности свойственны далеко не всем людям, поэтому естественной реакцией каждого в описываемой ситуации будет путём физического, силового воздействия прекратить действия насильника.

Франк считал, что человек не только имеет право, но и обязан совершить грех (вплоть до убийства) ради предотвращения более серьезного вреда. Он, в частности, писал: «Ввиду солидарной моральной ответственности за зло, господствующее в мире, и невозможности полного его уничтожения и установления абсолютной святости земной жизни - мерилom правильности или совершенства поведения в отношении жизни в мире является не чистота или безгрешность действия, а только его необходимость для наиболее эффективного ограждения мира от зла» [8].

С.Л. Франк пытается уберечься от возможных обвинений в том, что его концепция утверждает безнравственный принцип «цель оправдывает средства». Для этого он в качестве основания разграничения приводит следующие соображения. Принцип «цель оправдывает средства» имеет рационально-утилитарный характер, он зависит от свободного усмотрения человека, по аналогии со свободой хозяйственной инициативы и калькуляции. В концепции Франка человек, отнюдь не «оправдывающий» в абсолютном смысле своего греховного действия, а сознавая его грехо-

---

вность, руководим лишь сознанием, что бездействие было бы ещё большим грехом.

Однако, несмотря на это, концепция Франка имеет уязвимые места. Так, исходя из его постулатов, можно «оправдать» средневековую инквизицию, ведь её вершители считали, что, доставляя человеку страдания, они тем самым спасают его душу. Следовательно, чтобы придать концепции Франка большую убедительность, следует удалить из неё элемент субъективизма и придать ей положительный оттенок. Возможно, более правильным оправданием участия христиан в общественной жизни было бы не стремление оградить от зла, а делать добро. При этом самые общие «критерии» добра должны быть нормативно установлены, например, в учении Церкви. Впрочем, именно этот вопрос и затрагивался выше, ведь потребность улучшить условия существования человечества и спасти мир является ничем иным, как стремлением творить добро.

Таким образом, Церковь должна принимать активное участие в общественных делах, однако она не навязывает верующему определенного социального выбора. Она лишь направляет его, имея свое суждение по всем вопросам; мерилom этого суждения служит закон Божий и Царство Божие.

Итак, участие христианской Церкви в общественной жизни убедительно обуславливается различными факторами, при этом такое участие она сама для себя признаёт необходимым условием своей идентичности. Несомненно, эта активность имеет специфические формы, которые позволяют Церкви оставаться собой и не подменять иных общественных институтов.

И в действительности, если окинуть взглядом двухтысячелетнюю историю Церкви, можно увидеть, что она все это время занимается активным социальным деланием, учреждает и поддерживает все то, что, по её мнению, улучшает положение неимущих. Она действительно собирает средства, которые направляет на нужды бедных, создаёт различные благотворительные организации. В этой сфере она достигла таких успехов, пишет Лев XIII, что даже враги её хвалили.

Формы общественной активности Церкви были различными. Это и раздача милостыни, и благотворительность, и создание больниц и приютов. С первых веков христианства велась эта деятельность. Следует вспомнить пример первых христиан, братская любовь которых была так сильна, что те, кто побогаче, отказывались от имущества, чтобы помочь братьям; поэтому и «не было между ними никого нуждающегося» [9]. Св. диакон Лаврентий, ближайший помощник Папы Сикста III, был мунически казнён по приказу цезаря за то, что раздавал имущество Церкви бедным.

На протяжении всего средневековья именно монастыри оставались приютами для бедных и обездоленных. А существующий поныне Мальтийский орден начал свою деятельность как Орден госпитальеров, чьей основной задачей была забота о больных паломниках. Им было открыто множество больниц (госпиталей) и приютов на Востоке и по всей Европе. Можно привести в пример больницу монастыря св. Екатерины в г. Утрехте, которая для своего времени была весьма совершенной. А созданный в XVI веке католический орден бонифратров имеет в своём составе исключительно врачей, занимающихся лечением бедняков.

Однако все эти формы деятельности возникли давно и не всегда могут помочь в решении социальных вопросов современности. Они имеют, скорее всего, индивидуальный характер личной деятельности, построенной на частном желании конкретного человека.

Тем не менее, общественные проблемы в связи с развитием феномена глобализации приобретают поистине всемирный характер, поэтому от Церкви требуются

существенно новые методы деятельности в современных условиях. Следовательно, её ответ на вызовы глобализма должен выражаться «не только в форме социальной критики и милостыни, но и в форме преобразования общества на принципах Христианского социального учения», как отмечал кард. инья Хёффнер [10].

Такое учение существует в настоящее время, оно формировалось в различных Церквях по-разному, иногда с интервалом в сто лет. Причиной тому послужили исторические, политические, экономические и иные факторы. Между тем, в настоящий момент в большинстве Церквей это учение представляет собой определенную систему, построенную во многом на общих для всех принципах, позволяющую говорить об этом учении как о цельной *доктрине*.

Социальные вопросы в той или иной степени затрагивались на протяжении всего развития христианского учения. Общественные отношения рассматривались уже в Ветхом Завете. В нем, в частности, присутствуют идеи свободы и демократии, поскольку древние евреи, осознавая себя народом избранным, не хотели иметь над собой царей, подчиняясь непосредственно Богу. Если же цари и были, то они находились под контролем пророков. В отношении собственности в Ветхом Завете особое место занимала земля, частное пользование которой было ограничено: «Землю не должно продавать навсегда; ибо Моя земля; вы пришельцы и поселенцы у Меня» [11]. Кроме того, уделяется значительное место охране труда (Моисей выступал против рабского труда, запрет работать после захода солнца и отдых в субботний день, что является не только чисто религиозным требованием, но исходит из социальных, гуманных соображений), заботе о бедных.

Большое социальное значение имеет Новый Завет. Некоторыми социалистически ориентированными философами (Менье, Прудон, Каутский) даже высказывалось мнение, что Христос был социальным реформатором и его учение имеет исключительно социальное значение.

Между тем в Евангелии, которое призывает к общественному обновлению прежде всего через нравственное преображение, содержится немало прямых указаний, касающихся социальной, экономической, а также политической жизни. В Новом Завете уделяется значительное внимание семье, раскрывается идеальный образ христианского общественного устройства, высоко ценится человеческий труд. Евангелие призывает все строить на любви, благодаря которой право наполняется смыслом, справедливость осуществляется наиболее полным образом. Демократия, основанная на уважении личности, только тогда представляется совершенной, когда в этой личности видится «ближний», понимаемый в евангельском смысле.

Христос Сам редко высказывается на тему публичной власти, четко разграничивая «Кесарево кесарю, а Божие Богу» [12]. Осторожно желательно интерпретировать высказывание Христа по экономической тематике. Например, притча о работниках в винограднике не означает, что всем надо платить одинаково, независимо от проработанного времени. Иисус не осуждает ни богатство, ни частную собственность, Он лишь призывает не ставить их во главу угла, предостерегает от жадности любой ценой и *советует* жить в бедности.

Ведь если бы все отказались от заработанных средств, от собственности, чем бы тогда они давали милостыню? Как бы вообще жило общество, если бы все нищенствовали? Таким образом игнорировалась бы заповедь о любви к ближнему, о помощи ему, которая также имеет большое значение, наряду с нестяжательством.

В целом, конечно же, не следует буквально толковать социально-экономическое содержание Нового Завета, а понять Его дух, оказывающий влияние на обще-

---

ственные отношения. Яркий пример здесь – послание Св. Павла к Филимону. Павел призывает друга простить его сбежавшего раба, апеллируя к его христианскому самосознанию. И действительно, Евангелие совершило революцию изнутри, поскольку не призывало насильно свергнуть рабовладельческий строй, но многие господа, проникнувшись словами Иисуса, даровали своим рабам свободу, а те продолжали жить с ними как и прежде, выполняя ту же работу, но уже как вольные люди.

Социальное учение, основанное на евангельских положениях, получило свое развитие в трудах Отцов Церкви. Так, Тертуллиан первым дает всестороннюю моральную оценку человеческому труду как совместному участию в деле творения во имя Бога-Творца. Самым известным представителем патристики был, несомненно, Августин. Он полагал, что выражением идеального общественного устройства является небесное, христианское государство, основанное на справедливости и праве, в отличие от земного государства, стремящегося к своекорыстию и захватничеству. Августин говорил о естественности и достоинстве брака, не призывал отменить богатство и собственность. К подаению же он советовал подходить осторожно, поскольку иногда целесообразнее дать бедному займы, т.к. это не унижит достоинство человека.

В Средние Века наиболее значительным мыслителем, который касался социальных вопросов, был Фома Аквинский. Он полагал, что идея Бога стоит во главе всякого социального порядка. Общество мыслится им как единство многообразного. Фома полагал, что экономические блага обладают собственной ценностью, но должны служить для достижения других, более высоких благ.

В дальнейшем развитие отдельных положений об обществе происходило в рамках схоластики (Суарес), Реформации (идеологов протестантизма) и христианских утопических учений.

Однако все эти авторы лишь затрагивали некоторые социальные вопросы, основное внимание посвящено богословию.

Окончательно социальное учение выделилось и сформировалось в отдельную отрасль в конце 19 века, с ростом глобализма, либерализма и рабочего движения. Тогда вышла энциклика Папы Льва XIII “*Regum novarum*” (1891 год), которую можно рассматривать как первый официальный документ по социальной концепции христианства. Папа писал, что рабочий вопрос никак нельзя решить без содействия религии и Церкви. Он признавал, что такая важная проблема требует внимания и других лиц – правителей государств, хозяев, зажиточных людей и самих рабочих. Однако он утверждал, что все усилия останутся тщетны, если Церковь останется в стороне. Папа обосновывал это тем, что именно она провозглашает то Евангельское учение, которое может положить конец борьбе или хотя бы уменьшить её жестокость; именно она стремится не только просветить умы, но руководить жизнью, поведением; именно она улучшает и облегчает положение рабочего множеством полезных учреждений, всячески призывая все классы обсудить вместе с нею и как можно лучше удовлетворить требования рабочих; именно она утверждает, что для достижения цели необходимо, соблюдая меру и степень, обращаться к помощи закона и государственной власти.

В последующем папы выпускали новые энциклики по этому вопросу, которые, тем не менее, оставляли все предыдущие документы в силе, касаясь либо конкретных аспектов общественной жизни, либо корректируя учение в соответствии с реалиями современности. Но основополагающие моменты концепции оставались нетронутыми.

В Православии социальное учение возникло в тот же период, что и в католичестве, но оно содержалось только в трудах религиозных философов того времени (Булгаков, Франк, Соловьев и др.), не получивших однозначного признания официальной Церковью. Длительное время церковная иерархия не выражала никаких взглядов по проблемам общественной жизни, что соответствует общему упадку богословия, а также обусловлено длительным перерывом в развитии православной мысли из-за революции и установления советской власти. Таким образом, у Православия длительной время почти не было социальной программы. Дьякон Андрей Кураев, размышляя о том, чем могут обогатиться Церкви друг от друга в случае их объединения, пишет: «Второй повод для экуменических симпатий к католичеству – это «социальная доктрина Католической Церкви» (представляющая томистский синтез социализма с либерализмом)». [13] Однако, после установления религиозной свободы в России православная мысль не смогла обойти стороной вопросы общественного устройства и на Юбилейном Архиерейском Соборе в 2000 году было принято социальное учение, причем сразу в виде одного документа, исчерпывающим образом отражающим мнение Церкви по данному вопросу – Основ социальной концепции Русской Православной Церкви. В католичестве, как уже отмечалось выше, социальное учение концентрировалось в различных источниках, принимаемых в разное время (на протяжении более чем ста лет), и только в 2004 году появился единый документ, обобщающий все ранее изданное – Компендиум социального учения Церкви.

Несомненна позитивная значимость принятия социальной концепции христианства, ведущих христианских церквей. Ибо она способствует устранению сложившейся негативной ситуации, которую зачастую называют кризисом постмодерна, поскольку многими авторами прогнозируется выход из этого кризиса за счёт возрождения религиозности и прихода на смену внешней глобализации «глобализации личности» - приоритета духовной сферы индивидуального существования и приоритета личности в развитии общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Евангелие от Иоанна, 18:36.// Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М., 1999. – С.122.
2. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. – М., 2001. – С.3
3. Пастырская Конституция о церкви в современном мире «Gaudium et Spes»// Документы Второго Ватиканского Собора. – М., 1998.- С. 409
4. Иоанн Павел II. Centesimus Annus. Окружное Послание. //100 лет социального христианского учения. – М., 1991. – С. 41
5. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. – М., 2001. – С.4
6. Ильин, И.А. Собрание сочинений: Мир перед пропастью: политика, хозяйство и культура в коммунистическом государстве/ И.А. Ильин; сост. и коммент. Ю.Т. Лисицы. – М.: Русская книга. Ч.1 и 2. – 2001. – С. 242
7. Франк С.Л. Свет во тьме. – М., 1998. – С. 144
8. Франк С.Л. Там же. – С. 147
9. Деяния Апостолов, 4:34// Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М., 1999. – С. 254
10. Кардинал Йозеф Хёффнер. Христианское социальное учение. – М., 2001. – С.27
11. Книга Левита, 25:23// Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М., 1999. – С. 842
12. Евангелие от Матфея, 22:21// Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М., 1999. – С. 74.
13. Кураев А. Вызовы экуменизма. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство современной Русской Православной Церкви, 2003. – С.45

АННОТАЦИЯ

В статье раскрываются теоретические основы участия христианской Церкви в общественной жизни, которое рассматривается как один из способов реализации вероучения. Определяются пределы такого участия, связанные со спецификой церковной организации. Исследуется развитие социального учения в трудах христианских авторов, исторические формы социальной активности Церкви и причины возникновения социальной концепции христианства.

This article is told about theoretical basis of the Christian Church's social activity that's one of modes of the Christian faith doctrine's realization. The article is told about limits of the Church's participation in social life concerned with it's particular features. The article is researched the development of social teaching in the Christian author's works, historical forms of the Church's social activity and reasons of the Christian social conceptions' origins.

Пьянова Л.В.,
Московский гуманитарно-экономический институт,
соискатель кафедры общегуманитарных дисциплин
Тверского филиала МГЭИ

**ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ К.Д. КАВЕЛИНА
КАК РАССМОТРЕНИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ КУЛЬТУРЫ И
ИСТОРИИ НАРОДОВ**

Проблема взаимосвязи культуры и истории стала разрабатываться в Новое время и нашла отражение в философии истории позитивизма¹. Представитель позитивистского направления К.Д. Кавелин рассматривал всемирно-исторический процесс с позиции многофакторного детерминизма, сциентизма и реляционизма. Философ отстаивал идею гармоничного сочетания разнообразных культур в единстве всемирно-исторического процесса. Каждый народ есть самодостаточный культурный организм, он имеет свою судьбу, обусловленную ходом исторического развития. Говоря о России, мыслитель предлагает учитывать ее давнюю включенность в контекст мировой, прежде всего европейской истории, и, следовательно, определенную зависимость ее развития от этой взаимосвязи. Процесс социокультурного развития рассматривается как органическое целое, характеризующееся единством происхождения народов (земной шар) и единой целью (постижение гуманистического смысла истории). Отрицая всемирную историю как процесс развития отвлеченно взятого человечества, Кавелин впервые выдвигает идею эволюции сообщества народов, взятых в различных исторических условиях и состояниях. Каждый народ, согласно его теоретизированию, проходит в различных пространственно-временных рамках два основных этапа развития: бессознательный, родовой, и сознательный, государственный. Впоследствии, сложившись как самостоятельный национальный организм, он вступает в сообщество мировых цивилизаций и продолжает свое развитие в общей системе культур.

Философия истории Кавелина базируется на идее единства человеческой цивилизации и признании закономерности всемирно-исторического процесса. Проникнутый духом позитивизма в его спенсеровском варианте, Кавелин рассматривает человеческое общество как сложный организм, в котором действует закон дифференциации: слитное и не различенное в зародыше, при дальнейшем росте становится различным и обособленным, причем, иногда так своеобразно, что трудно уловить взаимную связь бывших частей одного целого. Последнее замечание становится особенно важным относительно процесса заимствования форм культуры, в частности, когда речь идет о России и Европе. Кавелин считает, что европейская жизнь как продукт многофакторной совокупности не может иметь «безусловного значения абсолютно совершенных форм», чудотворно предназначенных для создания благополучия всех народов. Будучи местными и условными, элементы культуры при перенесении на почву другого народа усваиваются пропорционально степени его готовности и своеобразия². При этом Кавелин отмечает, что гораздо чаще процесса заимствования в людском общежитии, как и в природе, наблюдается другой способ взаимодействия – завоевание. «Вся действительная жизнь есть непрерывная борьба», - звучат рефреном слова философа.

Разделяя идею единства человеческой цивилизации, в которой свое достойное место должна занять и Россия, Кавелин говорит об одном источнике происхож-

---

дения народов. Таковым видится мыслителю земной шар, на котором совершаются и развиваются «все явления, несмотря на их разнообразие»³. Столь планетарная по своему характеру мысль, покоится, между тем, на весьма прозаичном принципе реляционизма. Все, что происходит в мире, утверждает Кавелин, является собой необходимым результатом условий. Так, движущей причиной развития человечества выступают потребности; материальные или духовные, они отличаются огромным разнообразием у разных народов и исторических эпох. Говоря о всемирном развитии, Кавелин настаивает на мысли о том, что связь между эпохами может быть только нравственной. Становится понятным, почему смыслообразующим ядром творчества Кавелина является личность, ее умственное, нравственное, юридическое и политическое развитие как основа общественности и прогресса. Формулируя задачу научного осмысления русской истории, Кавелин придает личности значение руководящей идеи историософских построений. Он искренне убежден, что для народа, «призванного к всемирно-историческому действию», не представляется возможным существование «без личностного начала»⁴. С этих позиций русский мыслитель подходит к решению вопроса об отношении России к Европе.

Отстаивая тезис о том, что история есть не повторение, а постепенное изменение форм, Кавелин пытается обосновать его на отечественном материале. Он рассматривает русскую историю как развивающийся организм, живое целое, проникнутое единым духовным началом. Ключ к изучению истории предлагается искать не в отвлеченных началах и не в почти бесплодном, на его взгляд, сравнении с историей других народов, а во внутреннем быте народа. Итогом авторской рефлексии становится стройная, хотя и не бесспорная, теория развития внутренней бытовой истории России путем постепенной эволюции личности из родственно-семейного склада славянских племен, через вотчинное - к государственному.

Сравнивая древнейшую историю германцев и славян, главных действующих лиц эпохи «великого переселения народов» в IV-VIII вв. на территории Европы, Кавелин признает ее природную противоположность. Германские племена, изначально создавали государство, пронизанное индивидуальностью. У славян, наоборот, в силу особых природных условий с их географической разобщенностью, стал складываться общинный быт. Психологически он резко отличается от индивидуального, который по своему определению стимулирует развитие глубокого осознания личности. В семейном быте, образно выражаясь, человек «нравственно дремлет», лишенный энергии и сосредоточенности. В таких условиях трудно зародиться личностному началу. Разными условиями определяются и разные задачи исторического развития: германцам предстояло «развить историческую личность, которую они принесли с собой, в личность человеческую», славянам – «создать личность». В итоге жизнь на Западе стала протекать под лозунгом нравственного и умственного развития человека. В древней Руси личность должна была пробивать себе дорогу сквозь родовое начало, где зачатки индивидуальности долгое время являли собой только «форму, лишенную содержания». Более того, это содержание, по мнению Кавелина, было у нас «привито» извне, ибо неразвитая личность может начать мыслить и действовать только под чужим влиянием. Процесс становления личностного самосознания в России Кавелин считает в определенной мере привнесенным и напрямую связывает его с эпохой Петра I.

В том факте, что Россия долгое время являлась страной, где «индивидуальность не имела простора», усматривает Кавелин одну из главных причин необыкновенных трудностей процесса осмысления русской истории. Серьезность высказанного ут-

верждения заставляет философа обратиться к генетическим поискам становления самосознания в отечественной истории. Судя по всему, этот процесс растянулся на семь-восемь столетий. Чем же объясняет историк столь длительный старт? Славяне развивались «из самих себя», - выдвигает тезис Кавелин на основе трех аргументов. Славянская культура, в первую очередь, не была преемницей древних цивилизаций (по замечанию автора, мы никогда не «сидели на плечах» просвещенного народа), во-вторых, славяне не имели и на собственной территории предшественников с более высокой культурой, в-третьих, они никогда не попадали под кардинально новое («искусственное», как пишет автор) влияние иноземцев.

Последнему фактору Кавелин уделяет особое внимание. «Мы никогда не теряли своей народности, - пишет он, - нельзя указать ни на одну минуту в нашей исторической жизни, ... в которой бы мы перестали быть русскими и славянами»⁵. Даже варяги, установившие первую династию правителей на Руси, не смогли кардинально изменить славянский быт. Несмотря на привнесенное ими личностное начало в виде дружины, права князя на наследование и системы штрафов за преступления, варяги, спустя два века уже при Ярославе, по мнению исследователя, сливаются с туземным, славянским элементом. То же происходит и в отношении с монголо-татарами. Признавая их огромное отрицательное влияние на Русь, как в материальном, так и в нравственном отношении, Кавелин видит, однако, и позитивный результат. Как известно, Монгольская империя не включала русские земли в состав своего государства, однако на правах сюзеренитета получала с них дань. Ханам, желающим только одного - иметь дело с верным слугой и исправным сборщиком податей в лице русского князя, были чужды родовые расчеты. Сложилось так, что благодаря системе выдачи ярлыков на княжение, сами того не подозревая, монголы способствовали политическому единению удельных русских княжеств.

Позиция Кавелина о воздействии европейской культуры на ход российской истории не может быть сведена к идее механического заимствования. Позитивным может считаться тезис о том, что влияние Запада лишь ускорило внутреннее развитие России, обозначившееся задолго до петровских времен. Так, уже на примере Московского государства XV-XVI вв. видны первые признаки появления нового типа политической и гражданской организации. В чем состоит эта новизна? Государственное устройство вызвано к жизни «актом мысли», в противовес родовому строю, создававшемуся не сознательной деятельностью людей, а природой, и поэтому склонному к разрушению уже по определению. В Смутное время идеи государства и личности начинают проникать в сознание людей, и только реформаторская деятельность Петра I стимулирует окончательное появление «потребности вызвать к деятельности и жизни личность»⁶.

В общем виде конструкция русского развития у Кавелина выглядит следующим образом: сначала развивается род и община (общее владение), далее семья и вотчина (частное владение), затем государство и личность. В основе этой концепции лежит схема знаменитого историка Соловьева. Кавелин дополнил ее очень важной, с точки зрения органического развития, поправкой. Он заполнил слишком резкий у Соловьева переход от родовых отношений к государственным одним существенным звеном — вотчинным землевладением и рассмотрел его как переходный период от родового быта к государственному. Кавелин исходит из соловьевской идеи родового быта, но расходится с ним в оценке значения начального периода истории России. Соловьев, поддержанный в свое время Грановским, настаивал на сходстве русского патриархального быта с другими народами и, таким образом, сближал российский

и европейский исторические процессы в их исходных пунктах. Кавелин подчеркивает полную противоположность начальной русской и западной истории, и именно в родовом, семейном быте видит главную особенность развития российского исторического процесса. Однако это не носит фатальный характер, а обусловлено своеобразием среды обитания восточных славян. Дальнейшее историческое развитие обоих народов показало, что они «вышли на одну дорогу».

В философско-исторической рефлексии Кавелина исключительное внимание уделяется так называемым переходным или, согласно собственной терминологии ученого, «преобразовательным» эпохам. Ярким примером для него служит целое столетие российской истории, начавшееся с реформ Петра I и закончившееся эпохой правления Николая I. Такое расширение хронологических рамок сделано сознательно, потому что за основу принят критерий – *пробуждение народного самосознания*. В произведениях Кавелина не раз звучит мысль о том, что петровская эпоха стимулировала развитие личностного начала в российском мирозерцании, а николаевская – окончательно «пробудила» русскую национальную мысль.

Исследователями давно подмечено, что личность и деятельность Петра еще со времени полемики славянофилов и западников и их преемников (либералов) стала пробным камнем в определении социальных и философско-исторических позиций. Аналогичная позиция характерна и творчеству Кавелина. Действительно, Петр Великий, по признанию современников, был для него идеалом деятеля. Однако, человеческий восторг перед личностью не помешал позитивному осмыслению проблемы. Славянофилы в своей оценке реформы Петра говорили о том, что она пришла внезапно, действовала круто, разорвала русскую историю, сделала россиян «бесхарактерными», лишила Россию национальности, подчинила ее исключительному господству европейских элементов. Кавелин шаг за шагом разрушает эти доводы на основе системы доказательств. Начинает он с того, что поддерживает позицию Соловьева об исторической обусловленности реформы, считает в определенной мере обоснованным ее насильственный характер. Что собой представляла Россия конца XVII века? В ответе на этот вопрос Кавелин не скупится на эпитеты: глубокое невежество, полувосточные привычки, «грубая, дикая и жалкая среда», порождающая «нравственных уродов», полное отсутствие общественных интересов. И приходит к выводам, что в таких условиях Петр должен был действовать как воспитатель или хирург, которого не обвиняют за жесткие меры в ожидании положительных результатов.

Упреки славянофилов о том, что русский народ потерял себя как национальную сущность, Кавелин считает безосновательными. Народность, в его понимании, самым непосредственным образом связана с духовностью и нравственностью. Такую установку он пропускает сквозь призму законов эволюционного развития и приходит к умозаключению: если организм что-нибудь заимствует, то не перестает быть тем, чем был прежде. Так и Россия, оставаясь прежней в своей сути [Петр действительно не изменил государственно-политическое устройство, социальную структуру, крепостное право – Л.П.], «сама творила свои формы». Не Европа к нам пришла, а мы «оевропеились», оставаясь по-прежнему русскими, – говорит Кавелин⁷. Кроме того, опасения по поводу потери своей национальности он считает безосновательными еще по одной причине: реформа не коснулась глубинных народных слоев. Сфера ее приложения оказалась довольно узкой – государственный аппарат и управление. Прочих сторон жизнедеятельности российского организма петровские преобразования коснулись мимоходом, в основном, по наблюдению ис-

торика, в связи с военно-административными потребностями.

Завершение реформ Петра, как уже отмечалось, Кавелин связывает с началом XIX столетия. Именно в это время, по его мнению, «стало слагаться общество и родилось бессознательное требование самостоятельности мысли и действий». Именно тогда к прошедшему, настоящему и будущему мыслящие личности приступили с вопросами», впервые подвергнув русскую историю критическому осмыслению. Такое столь необычное для России пробуждение умов, по рассуждению мыслителя, олицетворяло начало изменения мирозерцания, играя роль «необходимой прелюдии» к зарождающемуся новому порядку вещей.

Эпоха преобразований, как любой живой организм, характеризуется внутренним единством и целостностью, но и подвержена при этом влиянию времени. Когда «живой дух эпохи» исчезает вследствие истощения прежних источников, тогда общественный организм начинает разлагаться на составляющие его стихии, уже ничем не соединенные. Такая ситуация, именуемая Кавелиным духовным кризисом, произошла и с петровской реформой. Вот почему на сцену выдвинулись два противопоставления — желание думать «национально», или «по-европейски». Воззрения и славянофилов, и западников, Кавелин характеризует как односторонние, но, взятые воедино, они как историческое явление отражают признак зарождающейся в российском общественном сознании умственной и нравственной жизни. По убеждению Кавелина, при анализе всемирно-исторического процесса под пристальным вниманием исследователей в первую очередь должны оказаться именно переломные моменты, которые, ценны тем, что в них наиболее остро проявляется имманентная потребность любого народа к саморефлексии. Различные способы погружения человека в самого себя, обращения к своему внутреннему миру — это не признак кризиса цивилизации, это «показатель перехода знания и опытности из одной стадии в другую»⁸. Подобная трактовка интересна тем, что духовный кризис общества характеризуется не как негативный процесс угасания старого, а как позитивное зарождение нового. Все это наглядно иллюстрирует кавелинский оптимизм с его верой в созидательные жизненные силы народа.

Реконструкция философско-исторических воззрений Кавелина позволяет представить его как позитивистски настроенного исследователя, сторонника органической теории общественного развития с ярко выраженными этическими установками. Русский философ рассматривает исторический процесс как органическое развитие, где наличествует мысль о едином происхождении народов (земной шар), и единой цели (нравственная личность). Но в то же время он правомерно утверждает тезис о наличии генетических различий в условиях зарождения и развития общественных организмов. Развитие всемирно-исторического процесса представляется ему не как история отвлеченно взятого человечества в целом, а эволюция совокупности народов в различных исторических и социокультурных условиях. Эти условия могут носить как стимулирующий, так и отягощающий характер. Каждый народ, по замыслу Кавелина, проходит в разное время и при разных обстоятельствах два основных этапа развития: бессознательный, родовой и сознательный, государственный. И только в полной мере исчерпав свои исключительно национальные элементы, каждый народ выходит на единую дорогу общечеловеческих стремлений, потребностей и интересов.

Во взаимоотношениях между народами Кавелина в первую очередь интересует не захват или завоевание, а культурное заимствование. Наиболее ярко это отражено в оценке европейского влияния на Россию в контексте реформ Петра Великого. В

истории взаимоотношений этих двух стран исследователь отметил три стадии: полное отчуждение на начальном этапе, копирование европейских форм, как наиболее прогрессивных, в XVII и XVIII столетиях, преимущественно в области военной техники и управления, наконец, осознанное взаимовлияние обеих культур. Тот факт, что именно Россия стала заимствовать культурные формы Запада, а не наоборот, Кавелин объясняет более высокой степенью образования и сознательности европейского общества. Кроме того, философ не соглашается с утверждением славянофилов, о том, что Европа отдавала России свои отжившие формы и поэтому они не смогли пустить корни на российской почве. Европа отдала такие, какие у нее были, а Россия приняла их в той степени, в какой была готова принять. Оптимистично настроенный Кавелин считает, что настало время [вторая половина XIX в. — Л.П.], когда Россия и Европа встали на один путь развития, объединенные общей целью — достичь нравственного состояния личности.

Философско-исторические воззрения Кавелина соответствуют позитивистской доктрине в ее широком диапазоне. Здесь нашли свое отражение идеи Конта, Бокля, Дарвина, Спенсера. Творчески развивая учения предшественников, Кавелин смог выдвинуть и обосновать оригинальную идею «единства многообразия» культур, включенных в контекст всемирной истории. Каждый народ характеризуется своей исключительностью, но связан с другими единством происхождения и общностью целей. Насыщенный духом позитивизма, Кавелин всем своим творчеством старался придерживаться научных принципов исследования и поэтому вел постоянную борьбу с отвлеченными началами метафизической философии. Однако и ему самому, воспитанному в стенах университета на идеалах немецкой классической философии, не удалось избежать ее сильного влияния. Так, Кавелин старается рассматривать всемирно-исторический процесс с позиции многофакторного детерминизма, но на фоне анализа правовой и социальной сфер бытия явно доминируют критерии духовного и умственного развития. Вот почему его историософские построения выглядят скорее как история развития общественной мысли: от бессознательного природного начала к сознательной деятельности и далее — вершинам национального самосознания.

Глубоко близким оказался Кавелину и оптимизм, свойственный, как известно, отвлеченным философским системам. На первый взгляд, творческое наследие мыслителя весьма критично: здесь мы встречаем полемику со славянофилами и западниками, Соловьевым, Сеченовым и другими учеными. Однако кавелинская критика, научная по своему содержанию, пронизана пафосом веры в успехи человеческой мысли и деятельности. Даже переломные моменты исторического процесса видятся Кавелину в мажорном свете. Преобразовательные эпохи, на его взгляд, ценны тем, что характерный для них мировоззренческий конфликт играет созидательную роль в духовном обновлении общества. Критический самоанализ — это не столько признак признания рутинности старого порядка, сколько поиск рационального нового. Такой оптимизм похож по силе психологической установки скорее на метафизический, природа же его носит научный характер, ибо обусловлен позитивной верой в органические законы эволюции. Само же творчество человека, который, по его собственному выражению, «топил жизнь в деятельности», является, на наш взгляд, еще одним доказательством неисчерпаемых потенциальных возможностей развития российской культуры⁹.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См: *Культура и история*: Сб. науч. тр. /Под ред. Б.Л. Губмана. – Тверь, 2000; *Михайлова Е.Е.* Русский позитивизм на рубеже XIX-XX веков: Проблема социокультурного развития. – М., 2004.
2. Кавелин К.Д. Злобы дня //Он же. Собр. соч. – Т.3. – СПб., 1899. – С. 1048., 1032.
3. Кавелин К.Д. Задачи этики //Там же. – Т.3. – СПб., 1899. – С. 299.
4. Кавелин К.Д. Взгляд на юридический быт древней Руси //Там же. – Т.1. – СПб., 1897. – С. 18.
5. Там же. – С. 57, 62.
6. Кавелин К.Д. Философия и наука в Европе и у нас //Там же. – Т.3. – СПб., 1899. – С. 574.
7. Кавелин К.Д. Взгляд на юридический быт древней Руси //Там же. – Т.1. – СПб., 1897. – С. 63, 66.
8. Кавелин К.Д. Задачи этики //Там же. – Т.3. – СПб., 1899. – С. 1047.
9. Корсаков Д. Жизнь и деятельность К.Д. Кавелина //К.Д. Кавелин. Собр. соч. – Т.1. – СПб., 1897. – С. 29.

АННОТАЦИЯ

В статье проанализирована взаимосвязь культуры и истории в контексте позитивистской философии истории К.Д. Кавелина. Автором рассмотрены важнейшие грани этой проблемы в свете сложившейся социокультурной ситуации в России на рубеже XIX – XX столетий.

Interconnection of the culture and history had been analyzed in the article in the area of positivistic philosophy of history of K.D. Kavelin. Most important parts of this problem had been examined by the author in connection with social and cultural situation in Russia between XIX – XX centuries.

ИЗ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ФЕМИНИСТСКОЙ
ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ: ЖЕНСКИЙ ВЗГЛЯД
НА СОБСТВЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В ОБЩЕСТВЕ

Большинство исследователей полагает, что феминизм как направление в теории и практике возникает в конце XVIII века под воздействием Английской и Французской революций. Указываются две причины, которые способствовали возникновению феминистского движения. Во-первых, это переворот в способе производства – процесс, известный под названием индустриальной революции и повлекший за собой масштабные социальные изменения. Во-вторых, рост общедемократического движения. Такая позиция характерна для современных англо-американских и российских исследователей. Однако французские ученые полагают, что *феминизм как теоретическое направление* берет свое начало в конце XIV – XV вв., когда в литературный и философский спор писателей-мужчин о природе и месте женщины включились сами женщины с целью теоретической реабилитации своего пола.

В современной литературе феминизм понимается, во-первых, как общественное движение за права женщин. Во-вторых, он рассматривается комплекс социально-философских, социологических, психологических, культурологических теорий, анализирующих положение женщин в обществе.

Как уже было сказано выше, в вопросе о времени зарождения феминизма нет определенной позиции. Однако, на наш взгляд, точка зрения французских исследователей является вполне обоснованной. На самом деле, дискуссия о статусе женщин по отношению к статусу мужчин, а также о сущности женщины как о совершенстве или как источнике зла уходит своими корнями еще во времена античной Греции и получает дальнейшее развитие в период Средневековья. «Феминизм, - по мнению соредакторов антологии французского феминизма Э.Маркса и И. де Куртиврона, - обязан своим существованием универсальному женоненавистничеству, женофобии и андроцентризму» [1].

К 1400 г. светская литература Англии и Франции, провозглашавшая «рыцарские» традиции, уступила место фаблио и стихам, в которых резко критиковалась аристократия, духовенство, женщины, любовь и институт брака. На формирование антифеминистского духа эпохи Средневековья повлияли многочисленные в то время мизогинистские (женоненавистнические) трактаты с обвинениями женщин в природных дефектах, которые обуславливали нахождение женщин на более низкой в сравнении с мужчинами ступени развития человеческих качеств.

Примером средневекового женоненавистничества считается «Роман о розе», первая часть которого была написана Гийомом де Лорри в 1237 г., а вторая - Жаном де Мёном в 1275 г. В этом романе было приведено множество высказываний античных и современных авторов-мужчин, направленных против женского пола. Особенный интерес вызвала вторая часть романа, в которой женщины высмеивались как легкомысленные, хитрые, тщеславные существа. Именно вокруг данной книги развернулись самые жаркие дебаты, которые впоследствии получили название «спор о женщинах» (*querelle des femmes*). В этом споре мужчины-феминисты и мужчины-антифеминисты того времени строили свои аргументы за и против женского пола. Антифеминистические авторы составляли списки женщин с отрицатель-

ными характеристиками, феминистические авторы стремились обратить внимание читателей на героических женщин, на их исторические достижения.

В конце XIV – начале XV вв. в обсуждение проблемы женской сущности включились сами женщины. И именно с этого момента, согласно французским исследователям, происходит зарождение собственно феминистской теории в художественной и философской литературе.

Первой женщиной, высказавшей современные феминистские взгляды, историки французского феминизма называют Кристину Пизанскую (1364-1430). Она решилась публично выступить против женоненавистничества, опираясь на знания литературы и истории. С ее защитительных произведений начинается традиция женского участия в литературном *querelle des femmes* («споре о женщинах») с целью теоретической реабилитации женского пола.

В 1399 году Кристина Пизанская в ответ на многочисленные мизогинистские тексты современных ей авторов издает ряд критических поэм. В одной из них – «*Epistle to the god of love*» («*Epistre au Dieu d'Amours*») – она использует литературный прием «жалобы женщин» различных социальных сословий богу Купидону на клеветников женского пола. Такой революционный поворот в литературной традиции XIV-XV вв. не мог оставить незамеченным голландский историк и философ XX в. Й. Хейзинга. В своем произведении «Осень средневековья» (1919 г.) он характеризует его следующим образом: «Эта отважная защитница прав женщин и женской чести обращается к богу любви с поэтическим посланием, заключающим жалобу женщин на обманы и обиды со стороны мужчин. Она с негодованием отвергла учение «Романа о розе». Кое-кто встал на ее сторону, однако творение Жана де Мёна всегда имело множество страстных почитателей и защитников. Разгорелась литературная борьба...». [2]

В «Книге о Граде Женском» (1405) Пизанская утверждает, что мужчина, который говорит о женщинах с ненавистью, поступает вопреки разуму и природе. «Вопреки разуму, поскольку проявляет великую неблагодарность: благодеяния женщин столь велики, что как бы он ни старался, он никогда не смог бы без них обойтись, постоянно нуждаясь в услугах женщин. Вопреки же природе потому, что нет ни одной твари — ни зверя, ни птицы, — которая не любила бы своих самок, и было бы совершенно противоестественно для разумного человека поступать наоборот». [3]

Кристина Пизанская исходила из христианской точки зрения, что «Бог... сотворил совершенно одинаковые, равно благие и благородные души и для мужского, и для женского тела», хотя при этом «повелел, чтобы мужчина и женщина служили ему, выполняя разные обязанности, но при этом помогали и поддерживали друг друга... Каждому полу он дал особые способности и наклонности, соответствующие их предназначению». [4] Она говорит и о том, что природные способности женщин не могут проявиться, так как они не получают равного с мужчинами образования. Тем не менее! Кристина Пизанская представила в своей «Книге...» универсальную историю женщин и их достижений. Она включила сюда и список женщин, достойных восхищения из-за их добродетельных черт и вклада в развитие человеческой культуры, в который вошли женщины античности, христианской эры и современницы самой Кристины.

В своем произведении Пизанская появляется как одна из главных действующих лиц. «Книга...» начинается с ее пессимистичных рассуждений о том, что раз так много пишущих мужчин солидарны в своем негативном видении женщин, значит, они могут быть правы. Однако в этот момент отчаяния к ней являются три музы-жен-

---

щины: Разумность, Праведность и Справедливость (Reason, Righteousness, Justice). Разумность дает ответ на мучающий Крестину вопрос, объясняет, что причины побуждающие мужчин так плохо говорить о женщинах разнообразны: «Некоторые обрушиваются на женщин с добрыми намерениями — чтобы отвратить заблудших мужчин от падших, развращенных женщин, от которых те теряют голову, или чтобы удержать от безрассудного увлечения ими и тем самым помочь мужчинам - избежать порочной, распущенной жизни. При этом они нападают на всех женщин вообще, полагая, что женщины созданы из всяческой скверны. <...>

Многие мужчины ополчаются против женщин по иным причинам. Одни прибегают к клевете из-за своих собственных пороков, другими движут их телесные изъяны, третьи поступают так из зависти, а четвертые из удовольствия, которое они получают, возводя напраслину. Есть и такие, кто жаждет показать, сколь много ими прочитано, и потому в своих писаниях они пересказывают то, что вычитали в других книгах, обильно цитируя и повторяя мнения их авторов. <...> Из-за собственных пороков нападают на женщин те мужчины, которые провели молодость в распутстве, наслаждались любовью многих женщин, обманом добиваясь любовных свиданий, и состарились, не раскаявшись в грехах. Теперь же они сокрушаются, что прошла пора их безумств и распутства. <...> И не видят иного средства побороть свою печаль, как только обрушиться на женщин в надежде сделать их менее привлекательными для других». [5]

Крестину интересует также несправедливость суждения мужчин о том, что женщины не способны к учению, что их удел — это только рожать детей и шить. Разумность же утверждает, что это неверно, ведь если бы родители посылали дочерей учиться в школе, то женщины могли бы развить свои таланты и интеллектуальные способности. Она также приводит в пример знаменитых ученых-женщин. [6] Праведность в свою очередь говорит Крестине, что ее задачей является опровержение мужской клеветы. Музы объяснили автору, что она должна не просто написать книгу, но «построить город» — убежище для женщин, в котором будут жить только знаменитые и достойные почитания женщины (ladies). [7] Этот город защитит хороших женщин всех времен и станет им домом.

Так, с помощью муз Крестина строит город для женщин. В первой части они «закладывают фундамент», и Разумность рассказывает об активных в прошлом женщинах, которые возглавляли армии и правили государствами. Во второй части строится дом для послушных женщин, которые охраняли свое целомудрие, прославили своих родителей, любили своих мужей и следовали своим обязанностям жен. В своей книге Крестина не выступает против института брака. Но необычно для ее времени рассуждает о таких современных для нас проблемах как насилие в браке. Представленные ей аргументы можно назвать явным свидетельством «феминизма». Например, писательница утверждает, что женщины вовсе не испытывают удовольствия от избиений и изнасилований, и что в интересах мужчин верить в подобные предрассудки. В третьей части книги Крестина заканчивает строительство башен и крыш, а Справедливость повествует истории о женщинах, которые пожертвовали своей жизнью за веру. Автор пытается ответить на каждое общеизвестное предубеждение против женщин. Мужчины обвиняют женщин в неспособности управлять государством, Крестина же приводит в опровержение длинный список примеров мудрых и успешных правительниц. Она отвечает на обвинение в интеллектуальной несостоятельности женщин длинным списком женщин, прославивших себя в науке, поэзии и философии.

После произведений Кристины Пизанской заявления женщин о своих правах долгое время оставались единичными. Лишь спустя практически полтора столетия в защиту женского пола выступила известная писательница эпохи Ренессанса Маргарита Наваррская («Гептамерон», 1559 г.). А в 1622 году ученица философа Монтеня мадам де Гурне создала «Трактат о равенстве мужчины и женщины».

Таким образом, приведенные примеры свидетельствуют о том, что истоки феминистской мысли обнаруживаются в литературных трудах французских женщин-писательниц конца XIV – начала XVI веков. Рассуждения о роли женщины в обществе носили международный характер. На это указывают современные исследователи феминистского движения, например, В. Брайсон в книге «Политическая теория феминизма». [8]

Влияние суждений Кристины Пизанской прослеживается в женских дискуссиях Англии середины XVII столетия. В этот период в этой стране произошла активизация деятельности пишущих женщин. Толчком новому веянию в литературе послужила Английская революция. И хотя лидеры революции не проявляли какого-либо интереса к положению женщин в обществе, однако сами события создавали политический и интеллектуальный климат, благоприятный для переосмысления традиционных отношений в обществе.

В первой половине XVII века женское образование стало доступным не только для аристократок, но и для представительниц средних слоев. В связи с этим резко возросло число женщин, занятых литературным трудом. Женщины писали на самые различные сюжеты: о кулинарии, домоводстве, науке, философии, образовании, религии. Феминистские идеи проникли в женскую литературу того времени в виде проблем равного образования для мужчин и женщин, а также равных прав в семейно-брачных отношениях.

Вообще, определяющим фактором в формировании феминистской идеологии, по мнению исследовательницы раннего феминизма в Англии XVII столетия Т.Л. Лабутиной, явилось понятие женщин о себе как о социальной группе. Феминистки были едины в мнении о том, что мужчины лишают женщин прав ради своих целей, для чего устанавливают личную тиранию дома, в семье. В свое оправдание «сильный пол» приводил аргументы о биологических и психологических различиях и настаивал на сохранении традиционной роли женщины, ограниченной ее сексуальной и хозяйственной сферами деятельности. Признав свое угнетенное положение в семье и в обществе в целом, ранние феминистки перешли к требованию изменения общественных институтов таким образом, чтобы общество в равной мере представляло и их интересы. [9]

Первой английской женщиной, которая в своих литературных трудах обратилась к вопросу о положении женского пола в обществе, была Маргарет Кавендиш, герцогиня Ньюкасл (1624—1674). Она одна из первых в истории Англии акцентировала внимание на проблеме общественного разделения по половым признакам. Кавендиш полагала, что недостаточное духовное и умственное развитие женщин обусловлено прежде всего подчиненностью женщины мужчине: «Хотя мы от природы так же умны и понятливы, как мужчины, однако, если бы посещали школы и улучшали свое образование, то смогли бы воспользоваться его плодами». [10] По ее мнению, женщины лишены возможности занять достойное место в обществе, получить образование и обрести профессию только из-за патриархальных традиций.

Право женщины на образование как возможность достичь достойного положения в обществе отстаивали практически все представительницы раннего феминизма.

низма в Англии (Хана Вуллей, Батсуа Мейкин). Однако наиболее полно идеи раннего феминизма нашли свое выражение в творчестве Мэри Эстелл (1666-1731). Она писала о необходимости женского образования, рассматривала проблему неравенства партнеров в браке, проявляла активный интерес к политике.

Как пишет современная исследовательница феминизма В. Брайсон, огромное влияние на формирование убеждений Эстелл оказала философия Декарта. В ее работах можно найти вытекающие из картезианства классические утверждения либерального феминизма о том, что мужчины и женщины обладают одинаковой способностью к разуму и, следовательно, должны иметь равный доступ к образованию, чтобы использовать эту способность: «Поскольку Бог наделил женщин, как и мужчин, разумной душой, почему им возбраняется пользоваться ею?». [11] В этом вопросе заложена мысль о несправедливом восприятии женщины той эпохи. Ведь упреки в ее неспособности к здравомыслию необоснованны, так как суть вопроса в неправильном воспитании, а вовсе не в ее природной ограниченности.

Анализ работ Эстелл позволяет выделить два основных направления ее размышлений. Первое направление касается необходимости женского образования. В книге «Серьезное предложение дамам относительно их продвижения в важных занятиях» (1694) английская писательница предлагала создать женские колледжи-монастыри, где девушки и женщины могли бы изучать различные науки. Развитие умственных способностей женщин Эстелл считала первоочередным занятием: «Бог дал женщинам, как и мужчинам, разумные души, так почему же они не должны их совершенствовать? И разве не жестоко со стороны мужчин лишать женщину знаний?» [12] Она упрекала женщин за то, что они позволяют мужчинам думать за них, вместо того, чтобы заняться самообразованием, чтением философских произведений Декарта и др.

Второе направление феминистских идей Эстелл касается отношений женщины к браку. Именно им посвящена книга «Некоторые размышления о браке» (1700), в которой английская феминистка возмущалась тем, что когда женщина вступает в брак, то попадает в полную зависимость от супруга-«господина». Она полагала, что «впрягаться в ярмо на всю жизнь с непривлекательным человеком, у которого к тому же неприятный характер; соглашаться со всем, что он говорит или делает; быть привязанной к нему не по разуму, а по его воле: лишать себя любых желаний только ради удовольствия или прихоти хозяина или господина, глупые поступки которого благоразумная женщина не в силах предотвратить и не исполнить его приказаний — это страдания и судить о них могут только те, кто их пережил». [13] Эстелл считала, плохой брак подавлял и изолировал женщину. И, несмотря на то, что неудачный брак не является закономерностью, он все же не должен становиться единственным предметом мечтаний девушек.

Мэри Эстелл можно считать наиболее радикальной и последовательной феминисткой своего времени. Ее идеи предвосхищают идеологические положения радикального направления современного феминизма, в котором основным постулатом является отказ от традиционной системы ценностей, в которой мужчина есть мера определения успеха женщины. По мнению В. Брайсон, в ее (Эстелл) работах можно обнаружить идеи о том, что:

- мужчина (как сексуальный хищник или как деспотичный муж) -естественный враг женщины;
- женщина должна быть освобождена от обязанности угождать мужчине;
- добиться достойного равноправного положения женщина может только,

если она будет жить отдельно от мужчины;

- мужчина контролирует и определяет знание: «История написана ими, они пересказывают собственные великие открытия и делали это всегда». [14]

Исходя из этих положений, можно согласиться с мнением В. Брайсон о том, что название основного труда Эстел об образовании не случайно: «Серьезное предложение дамам... от той, которая любит свой пол».

Идеи эпохи раннего английского феминизма повлияли на развитие представлений женщин о равноправии в последней четверти XVIII в. В это время происходят американская и французская революции, результатами которых являются «Декларация независимости» (1776, США) и «Декларация прав человека и гражданина» (1789, Франция). Но идеи рационального индивидуализма никак не затронули положения женщин в обществе. Консервативного взгляда в этом отношении придерживались как деятели революции, так и философы-просветители Вольтер, Дидро, Монтескье, Руссо.

Как пишет в своей работе «Русские женщины в лабиринте равноправия» С.Г. Айвазова, примером консерватизма в отношении прав и возможностей женщины служит текст французской «Декларации прав человека и гражданина»: «Все люди рождаются свободными и равными в правах...». Используемое в документе обращение «les hommes» («люди») во французском языке означает одновременно «человек» и «мужчина». В связи с чем, оставалось неясным, попадают ли в категорию «свободных» и «равных» граждан женщины. Начавшиеся по этому поводу волнения представительниц женской общественности демонстрировали их зрелую гражданскую активность. Однако революционные законодатели так и не решились признать за женщинами права на «свободу, равенство, братство», что привело к возникновению женского движения в защиту политических и гражданских прав женщин. С этого момента феминизм превращается в мощный фактор общественной жизни, актуальный по сей день. [15]

Первым документом феминизма стала вышедшая в 1791 г. во Франции «Декларация прав женщины и гражданки» Олимпии де Гуж. Уже в заголовке можно видеть вызов, брошенный не решавшимся признать право женщины называться полноценным человеком. Де Гуж писала, что женщина, наравне с мужчиной, способна к отправлению основных гражданских прав - на свободу, владение собственностью, сопротивление деспотизму. Преградой для реализации этих «естественных прав» является «тирания сильного пола». Но законы природы и разума призваны оградить женщину от этой тирании и установить равноправие обоих полов. В «Декларации» содержится также призыв к женщинам в объединении и борьбе за свои права. [16]

Направленная в конвент «Декларация» О. де Гуж вызвала бурю негодования. А фраза, которая впоследствии станет крылатой: «Если женщина имеет право взойти на эшафот, то она должна иметь право взойти и на трибуну», оказалась для французской феминистки роковой. В ноябре 1793 года Олимпию де Гуж по ложному доносу отправили на гильотину. [17]

По мере развития революции требования женского равноправия сошли на «нет». В результате антифеминистской кампании были запрещены женские клубы, а самые известные писательницы и активистки заключены в тюрьму или убиты. Конец дискуссиям положил обнародованный в 1804 г. Гражданский кодекс Наполеона, в котором закреплялось положение о том, что женщина не имеет никаких гражданских прав и находится под опекой своего мужа. Таким образом, стало понятно, что демократический лозунг «Свобода, равенство, братство» предназначен

исключительно для мужчин.

Тем не менее, короткий период выражения феминистских требований в эпоху Французской революции повлиял на общественное сознание, что привело к формированию массовой реакции на феминизм в других странах. С этого момента дискуссии о положении женщин и равноправии их с мужчинами прочно закрепились в общественной мысли. Весь XIX век проходит под эгидой феминистской дискуссии. Он знаменует собой поиск женщиной собственной социальной идентичности (М. Уоллстоункрафт «В защиту прав женщины» (1792); С. Гримке, «Письма о равенстве полов и положении женщин» (1838); Ф. Тристан «Союз рабочих» (1843); М. Фуллер «Женщина в девятнадцатом столетии» (1844) и другие).

Подводя итог, следует сказать, что историческая ретроспектива позволяет выявить истоки феминистской традиции в философской и художественной литературе Франции XIV – начале XV вв. Именно в этот период женщины с целью теоретической реабилитации женского пола включаются в литературный спор о женщинах и их природном предназначении.

Вторым этапом в развитии феминистской философии можно считать XVII - XVIII вв. В этот период происходит теоретическое обоснование права женщин на образование, возникновение вопроса об освобождении от деспотии мужчин в браке.

Но в большинстве своем произведения ранних феминисток были посвящены, прежде всего, проблемам женского образования и брачно-семейных отношений. Первые феминистки полагали, что современное им общество не дает проявиться природным способностям женщин, так как не обеспечивает равного образования для двух полов. В размышлениях о проблеме брака феминистки неоднократно указывали на подчиненное место женщины в семейной иерархии и на те неудобства и страдания, которые она переносит, выходя замуж. Такое положение дел обусловило скептическое отношение к институту брака. Среди подобных идейных положений первых феминисток XVII - XVIII вв. можно обнаружить и зарождение идей одного из основных направлений современного феминизма - радикального.

Феминистские идеи проникли и в религию. В годы Английской революции XVII в. женщины приняли участие в борьбе за религиозную свободу. Проповедницы учения Христа выступали за равные религиозные права, указывая на равенство мужчины и женщины перед Богом, на равенство их душ, и делали выводы о необходимости изменения положения женщины в семье и обществе.

XVIII в. отмечен важным фактом в истории феминизма как идеологии и движения - появлением первого документа с требованием предоставления женщинам равных гражданских прав («Декларация прав женщины и гражданки» Олимпии де Гуж). И хотя самого автора этого документа постигла печальная участь, ее призыв стал исходным моментом для активизации феминистской мысли и деятельности женщин разных стран.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Marks E., de Courtivron I. New French Feminism. An Anthology. New York. 1996. P.4.
2. Хэйзинга Й. Осень средневековья. - М., 1988. - С.125.
3. Кристина Пизанская. Из «Книги о Граде Женском» // «Пятнадцать радостей брака» и другие сочинения французских авторов XIV-XV веков / Сост. и отв. ред. Ю.Л.Бессмертный. - М.: Наука, 1991. - С. 223 - 224.
4. Там же. - С. 228 - 239.
5. Там же. - С. 218 - 256.
6. Pizan C. de. The Book of City of Ladies. New York. 1982. P.63.
7. Ibid. P.11.

8. Брайсон В. Политическая теория феминизма / Пер. с англ. О. Липовской и Т. Липовской. – М.: Идея-Пресс, 2001. – С. 17.
9. Лабутина Т.Л. Ранний феминизм в Англии // Вопросы истории. – 2001. - № 8. – С. 55.
10. Цит. по: Smith O. Reasons's Disciples. Sev enteenth-Century English Feminists. Urbana. 1982. P. 80.
11. Цит. по: Astell A. Serious Proposal to the Ladies // Fergusson. 1985. P. 188.
12. Цит. по: Perry R. The Celebrated Mary Astell. Chicago and London: University of Chicago Press. 1986. P. 80.
13. Ibid. P. 156.
14. Брайсон В. Политическая теория феминизма / Пер. с англ. О. Липовской и Т. Липовской. – М.: Идея-Пресс, 2001. – С. 21-22.
15. Айвазова С.Г. Русские женщины в лабиринте равноправия (Очерки политической теории и истории. Документальные материалы). - М.: РИК Русанова, 1998. – С. 19.
16. Брайсон В. Политическая теория феминизма / Пер. с англ. О. Липовской и Т. Липовской. – М.: Идея-Пресс, 2001. – С. 27.
17. Там же.

АННОТАЦИЯ:

В статье рассматриваются истоки формирования феминистской мысли в литературных произведениях женщин-писательниц XIV –XVIII веков. Прослеживаются основные проблемы положения и роли женщин в обществе, поднимаемые первыми феминистками. Исследуется развитие теоретических идей раннего феминизма в трудах женщин-писательниц, исторические этапы активной деятельности женщин того времени, а также причины возникновения концепции феминизма.

This article is about the beginnings of forming of feministic theory in literary compositions of women in XIV - XVIII centuries. The main problems of the woman's position and role in society raised by first feminists are investigated. This article also contain analysis of the development of early feminism's theoretical ideas in works of female writers, historical stages of women activity at that time, and the research of reasons of feministic conception genesis.

Содержание

Раздел 1.

Проблемы социальной философии и философской проблематики социогуманитарных наук

Бааль Н.Б., Политический экстримизм как социальный феномен и теоретическая проблема.....	5
Бааль Н.Б., Девиантное поведение как источник распространения криминального экстримизма в молодежной среде.....	12
Бааль Н.Б., Социальные факторы и предпосылки развития политического экстремизма среди молодежи.....	18
Бааль Н.Б., 24 Правовые основания противодействия политическому экстремизму и вопросы его профилактики у молодежи.....	24
Белозерова А.В., Платон и Гоголь: мифологема «Русь» в поэме «Мертвые души».....	30
Ионова Т.А., Концептуальные воззрения на русскую школу как модель семейного воспитания.....	37
Мороз М.В., Психологическое содержание профессиональной деятельности специалиста в области социальной работы.....	44
Рубцова Н.Е., Формирование когнитивно-личностной регуляции профессиональной деятельности интегративного типа.....	51
Соколова С. Н., Современные трансформации российского общества и проблема регулирувания его безопасности.....	58
Sokolova S.N. Social transformations and state regulation of safety of Russia.....	64

Раздел 2.

Проблемы истории философии и истории других философских дисциплин

Алексеев М. В., Генезис социально-утопической мысли: от мифа к знанию.....	66
Беляев И.М., Разноуровневая детерминация личности в философских системах Нового времени и немецкой классической философии.....	73
Кузьменко Г.Н., Вопросы атомистического учения Демокрита в интерпретации Аристотеля.....	85
Минаков Д.Е., Историко-философские предпосылки возникновения христианской социальной концепции.....	93
Пьянова Л.В., Философия истории К.Д. Кавелина как рассмотрение взаимосвязи культуры и истории народов.....	100
Сивоглазова С.Ю., Из истории формирования феминистской теоретической традиции: женский взгляд на собственное положение в обществе.....	107

ВЕСТНИК
Московского государственного
областного университета

Серия
“Философские науки”

№ 1

Выпуск в серии шестой

Подписано в печать: 18.06.07.

Формат бумаги 60x86 /₈. Бумага офсетная. Гарнитура “NewtonС”.

Уч. – изд. л. 7,75. Усл.п.л. 6,25. Тираж 500 экз. Заказ № 264.

Издательство МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10а,
т. 265-41-63, факс 265-41-62.